

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 7 1933

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3-й год издания

18 КЛАРА ЦЕТКИН

Окончилась великая жизнь замечательнейшей из деятельниц мирового пролетарского движения. В ночь на 20 июня 1933 г. умерла Клара Цеткин, которую ЦК нашей партии справедливо охарактеризовал как великого революционного борца, одного из виднейших вождей мирового коммунистического движения, строителя и вождя нашей братской коммунистической партии Германии.

Более 50 лет боролась под красным знаменем пролетарской революции Клара Цеткин. Ее дела золотыми буквами вписаны в великую книгу международного рабочего движения. Ее имя неразрывно связано с лучшими периодами пролетарского движения в Германии и с борьбой лучших деятелей левого крыла довоенного II интернационала. Ее имя столь же неразрывно связано с периодом исторического приготовления III коммунистического интернационала и с первыми 15-ю годами его работы во всем мире. Это значит, что ее имя неразрывно связано и с первой победоносной революцией пролетариата, с великой Октябрьской революцией. Среди наиболее славных имен друзей пролетарской революции в России одним из первых всегда назовется имя Клары Цеткин—соратницы Энгельса, соратницы и друга Ленина, соратницы и самого ближайшего друга Карла Либкнехта и Розы Люксембург, популярнейшей деятельницы нашей героической германской компартии.

О Кларе Цеткин и ее месте в истории освободительной борьбы пролетариата будут писаться целые книги.

Вот пока самые основные вехи этой замечательной жизни.

Клара Цеткин (урожденная Эйсер) родилась 5 июля 1857 г. в Саксонии (Видерау). Рано бросив семью, она стала учительницей и активной участницей рабочего движения. Ей шел 15-й год, когда героически сражалась и истекала кровью Парижская коммуна. Одаренная и чуткая натура Клары не могла не впитать в себя впечатлений 1871 года. Ее благородное сердце не могло не забиться в унисон с сердцами героев Парижской коммуны. Уже в самой ранней юности стала она сочувствовать рабочему классу и его великой борьбе. А в 1878 г., к моменту издания исключительного закона против социалистов, Клара становится уже организованным членом нелегальной германской с.-д. партии. И с тех пор в течение 55 лет — пятидесяти пяти лет! — Клара остается на боевом посту в буквальном смысле этого слова, сначала в рядах лучших деятелей левого крыла II интернационала, затем в рядах ленинского Коммунистического интернационала...

Десятилетие 1880—1890 гг. Клара Цеткин проводит в эмиграции — в Швейцарии и во Франции, усердно изучая в это время Маркса. Работая для немецкой партии, которая находилась тогда в подполье, Клара вместе с тем принимает самое близкое участие в рабочем движении обеих этих стран. Интернационалистка с головы до ног, она сближается с революционерами-эмигрантами, работающими в изгнании для пролетарского движения. Ее особенно горячо интересуется революционная борьба в России, в этом она то-

же верна своим учителям Марксу и Энгельсу. В Париже она приняла фамилию своего мужа — русского эмигранта-революционера Осипа Цеткина. В 1889 г. она присутствует на первом учредительном конгрессе II интернационала, занимая на нем позицию, наиболее близкую к непримиримой марксистской позиции Энгельса, требовавшего возможно более глубокого раскола с оппортунистами уже в момент зарождения II интернационала.

В 1890 г. после отмены исключительного закона против социалистов Клара Цеткин возвращается в Германию, где сразу занимает выдающееся место среди революционных марксистов, с головой уходит в массовую работу и с пламенным энтузиазмом отдается популяризации идей Маркса и Энгельса.

В 1892 г. Клара Цеткин принимает на себя руководство журналом работниц «Глейхейт» («Равенство») и превращает этот журнал в один из лучших органов международной марксистской прессы. По мере роста оппортунизма в германской социал-демократии росло и количество покушений господ оппортунистов на это издание. Как львица, отражает она все посягательства оппортунистов на этот журнал революционных пролетарок. Авторитет Клары среди работниц так велик, что вплоть до 1916 г. ей удается удержать в своих руках это издание.

С первых же дней своего возвращения из эмиграции в Германию Клара Цеткин держится как воинствующая марксистка. Она не дает спуска оппортунизму даже тогда, когда ей приходится сталкиваться по этому поводу с такими людьми, как Бебель. В брошюре «Шаг вперед» В. И. Ленин специально подчеркивал слова Клары Цеткин, сказавшей Бебелю на съезде по поводу его оппортунистической позиции в аграрном вопросе: «Горько мне видеть тебя в такой компании» (т. е. в компании с Фольмаром и др. оппортунистами). Понятно, что с тем большей силой Клара бросилась в бой против бернштейнианства, когда после смерти Энгельса — грозы всех оппортунистов — ревизионисты выступили в Германии в открытый поход против марксизма.

Русская революция 1905 г. имела в Кларе одного из самых пламенных друзей. Вместе с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом и другими она пропагандирует в рядах германских рабочих идею всеобщей забастовки и всеми силами старается популяризовать методы «пятого» года в Германии, вызывая этим неистовый вой всей оппортунистической своры.

На международном конгрессе в Штутгарте (1907 г.) Клара Цеткин идет рука об руку с Лениным и в борьбе против «нейтральности» профсоюзов и в вопросах борьбы против войны, что специально отмечено Владимиром Ильичем в обеих его статьях, посвященных им этому конгрессу. На съездах германской социал-демократии Клара всегда в рядах тех, кто воюет против оппортунистов. Всегда в массах, всегда в гуще рабочей жизни, Клара является одним из тех немногих борцов, которых Ленин называл апостолами социализма. Своей искренностью, горячностью, пламенной верой в дело социализма, своими всесторонними знаниями и чудесным ораторским дарованием Клара Цеткин снискала себе среди широких масс пролетариата такую любовь и такое доверие, которыми пользовались лишь очень немногие наиболее великие деятели мирового рабочего движения.

С самого начала мировой войны Клара Цеткин, разумеется, занимает свое место среди противников империалистской бойни, среди борцов против социал-шовинизма. Но на раскол с социал-шовинистами и центристами Цеткин еще не готова. Это была не ее индивидуальная ошибка, а ошибка всех «левых» Германии, ошибка целого направления, источники которой так исчерпывающе обрисованы в работах Ленина и в известном письме т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции». Отсюда и расхождения Клары Цеткин с большевиками во время Бернской женской конференции в 1915 г., когда Клара Цеткин в общем продолжала еще занимать позицию люксембургизма.

В работах зарождающегося союза «Спартак» Клара принимает самое деятельное участие. Правительство Вильгельма бросает Клару в тюрьму, но

она и оттуда продолжает свою интернационалистскую работу. Когда германская революция 1918 г. освобождает из тюрьмы борцов «Спартака», Клара опять неразлучна с Розой и Карлом. Незадолго до январского восстания спартаковцев Клара тяжело заболела и, вероятно, только поэтому не разделила тогда участи Либкнехта и Люксембург.

Большевистскую революцию в России Клара Цеткин приветствует с пламенным энтузиазмом, и она легче преодолевает опаснейшие ошибки сторонников люксембургизма, связанные с их непониманием возможности победы социализма сначала и в одной, отдельно взятой стране. Цеткин пишет в начале 1918 г. письмо Ленину, изъявляя полную солидарность с большевиками, и В. И. отвечает ей, что большевики гордятся поддержкой, идущей от таких борцов пролетариата. С момента возникновения Коммунистического интернационала Клара—одна из самых выдающихся его деятельниц и самых самоотверженных пропагандисток его идей.

В Советскую Россию Клара Цеткин впервые приехала в сентябре 1920 г., вскоре после II конгресса Коминтерна. В это время происходила IX конференция нашей партии. Памятен момент, когда Клара явилась в Свердловский зал Кремля, вошла на трибуну, а ей навстречу поднялся Владимир Ильич, который обнял ее при бурных овациях всех делегатов. Теперь Клара Цеткин получает возможность особенно близко ознакомиться с проблемами Советской страны, а пролетарии и пролетарки Советской страны получают возможность близко познакомиться с Кларой Цеткин—лучшим своим другом.

На отношении Клары Цеткин к нашей революции необходимо остановиться особо. Она не только была предана русской революции всей душой. Она не только готова была в любую минуту отдать жизнь за русскую революцию. Она любила эту революцию настоящей, искренней, горячей и действенной любовью. Это был не абстрактный, не платонический интернационализм. Это было настоящее братское чувство пролетарского борца,ждавшего первой великой победы своего класса. Любое нападение против нашей революции Цеткин воспринимала как нападение на весь рабочий класс, как нападение на самое дорогое и заветное. И это несмотря на то, что с тактикой нашей партии, с тактикой Коминтерна у Клары бывали расхождения. Она могла не сразу согласиться с тем или другим решением, она могла спорить в момент вынесения решения, но Советская страна всегда была для нее не на словах, а на деле отечеством пролетариата, твердыней идей Маркса и Энгельса, надеждой и опорой угнетенных всего мира. А партия большевиков всегда была для нее самой великой партией, созданной нашим классом, образцовой партией марксизма-ленинизма.

Когда бывший единомышленник Клары Цеткин Пауль Леви, разойдясь с большинством германской компартии, вытащил и напечатал написанную Розой Люксембург в тюрьме рукопись, содержащую критику по адресу большевистской тактики в русской революции (критику, от которой, по свидетельству Клары, Роза под влиянием уроков жизни сама отказалась), Клара немедленно выпустила против этого ренегата книгу, которая является одним из лучших произведений пера Клары Цеткин. Делу защиты СССР, делу защиты советской идеи в Германии и во всем мире Клара отдалась с полным самоотвержением. Только великая пролетарская революция достойна иметь и имеет таких защитников и пропагандистов.

Пятый конгресс Коминтерна совпал со днем рождения Клары, и делегаты конгресса горячо и душевно чествовали Клару в речах, полных любви и уважения. Клара ответила короткой речью, в которой сказала:

«Если я всю свою жизнь, с самого начала моей сознательной жизни боролась за партию, за идею революции—а я могу честно сказать, что в каждую минуту моей жизни это было так,—то это было счастьем моей жизни.

Я пришла к движению, к рабочим под сильным впечатлением слов старого Вильгельма Либкнехта. Я сожгла за собой все корабли буржуазного мира, я—солдат революции. Как солдат революции—я стою среди вас и буду стоять среди вас до последнего издыхания».

В устах Клары Цеткин это были не просто парадные слова. Она действительно осталась среди борющихся за коммунизм рабочих «до последнего издыхания». Придя к рабочим, она действительно сожгла за собою все корабли буржуазного мира. Став одним из популярнейших вождей коммунизма, она в то же время действительно осталась простым и благородным солдатом пролетарской революции. И за это полюбили ее передовые рабочие всего мира. И за это ее имя будет называться рядом с именами самых великих вождей международного пролетариата.

Имея за плечами более 65 лет, Клара Цеткин нелегально переходит французскую границу и появляется на съезде французских социалистов в Туре, чтобы выступить там с красноречивейшей защитой идеи Коммунистического интернационала. Имея за плечами 75 лет, больная, с трудом держащаяся на ногах, Клара образцово выполняет поручение своего ЦК и произносит в 1932 г. боевую речь при открытии Германского рейхстага, смело водружая красное знамя в логовище фашистов и исторгая знаки уважения даже у врагов.

К 75-летию Клары Цеткин ЦК ВКП(б) писал ей:

«Соратница Энгельса, ты неустанно боролась против оппортунистов во II интернационале. Со всей силой своего большого ума и революционной страсти ты восстала против бернштейнианства, против ревизионизма.

В дни, когда вспыхнула мировая война, когда столпы II интернационала позорно впряглись в колесницу империализма, ты вместе с Лениным, вместе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом высоко подняла знамя пролетарского интернационализма».

В этих немногих словах сказано самое главное и самое существенное о великой жизни Клары Цеткин.

Личное обаяние Клары Цеткин было неотразимо. Кристальная чистота души сочеталась у нее с громадным полетом ума, энциклопедическими знаниями, замечательной жизнерадостностью и энергией, юмором и простотой.

Каждый, кто соприкасался с Кларой Цеткин, вспомнит эти встречи с чувством горячей благодарности. И каждый скажет: эта пламенная коммунистка бесспорно усилила во мне веру в великую освободительную миссию пролетариата, веру в коммунизм. Этой верой Клара заражала все бесчисленные рабочие собрания, перед которыми она выступала. Бесчисленные рабочие аудитории прошли перед Кларой Цеткин в течение ее жизни—большие и малые. Не счесть того количества десятков и сотен тысяч людей, которые перебивали на выступлениях этой великой пропагандистки идей Маркса и Ленина. И одно можно сказать уж наверняка: каждый ее слушатель всегда неизменно уходил с ее собрания с большим запасом веры в дело мирового пролетариата, нежели тот, с которым он приходил послушать Клару. В этом нет ни малейшего преувеличения. Это было именно так.

Клара Цеткин была лучшей представительницей международной старой гвардии коммунизма. Она была лучшей представительницей великой плеяды международных профессиональных революционеров. Клара видела собственными глазами конец деятельности I интернационала, которым руководил Маркс. Клара стояла у колыбели II интернационала в те годы, когда деятельностью его марксистского крыла руководил Энгельс. Клара была одной из основательниц III интернационала, которым руководил Ленин, а затем лучший продолжатель дела Ленина — Сталин.

Клара Цеткин умерла. Велика потеря героической германской компартии, велика потеря международной коммунистической партии. Но путь, пройденный Кларой Цеткин, вся жизнь этой великой пролетарской революционерки неизгладимы в сердцах передовых рабочих всего мира. Тот класс, для которого живут и борются такие люди, поистине имеет все причины гордиться своей партией, имеет все основания бодро смотреть в будущее.

К именам наших умерших вождей и учителей прибавилось еще одно славное имя. Рабочий класс всего мира бесстрашно пойдет и дальше по тому пути, по которому они нас вели.

Наша программа

— ЗНАМЯ БОРЬБЫ ЗА КОММУНИЗМ

1

Программа является основным, важнейшим документом партии. Будучи официальным, общепризнанным выражением основных воззрений партии, «программа всегда представляет собой открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени» (Энгельс).

Программа дает точную формулировку конечной цели партии и твердо устанавливает пути и средства к осуществлению этой цели.

Без программы нет партии. «Без программы партия невозможна, как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда выдерживать линию при всех и всяких поворотах событий» (Ленин). Программа придает единство и последовательность всей разносторонней политической деятельности партии, закрепляет связь между многочисленными ячейками партии, объединяет, сплачивает воедино действия каждого отдельного члена партии со всей партией в целом.

Выработка единой программы пролетарской партии является обязательным предварительным условием соединения и организации отдельных разрозненных кружков в единую централизованную партию.

В 1899 г. Ленин в одном из своих первых проектов программы писал: «В настоящее время насущный вопрос нашего движения состоит уже не в развитии прежней разрозненной «кустарной» работы, а в соединении и организации. Программа необходима для этого шага»... (т. II, стр. 509).

Для соединения в партию, для создания партии как единого организационного целого необходима прежде всего программа. Программа служит таким образом прочным базисом, на котором возвышается все организационное строительство партии. Вы, писал Ленин, разоблачая ликвидаторов, предлагаете «сначала организационное строительство, а потом — задачи, т. е. программу и тактику! Не наоборот ли следует рассуждать, товарищи «литераторы и практики»? Подумайте-ка: можно ли объединить организационное строительство, если не объединено понимание интересов и задач класса? Подумавши, вы убедитесь, что нельзя» (т. XI, стр. 144).

Итак, только на основе идейного сближения, на основе единства в вопросах программы и вырастает партийное объединение, вырастает организационное строительство партии. Да это и понятно, ведь самый характер организационного строительства, общий тип партийной организации естественно и неизбежно определяется содержанием ее деятельности. Формы и нормы партийной организации (обычно фиксируемые в уставе партии) прямо и непосредственно вытекают из тех основных задач, которые лежат в ее основе.

Программа определяет таким образом содержание и другого важнейшего документа партии — ее устава, воплощающего основные организационные принципы партии, ее организационную практику.

Признание программы партии безусловно обязательно для каждого, вступающего в ее ряды. Но для того, чтобы программу признавать, ее нужно знать. Знание программы и устава своей партии является тем обязательным и минимальным требованием, которое партия предъявляет к каждому своему члену. «Не может быть коммуниста, не знающего программы и устава своей партии и ее важнейших политических и организационных решений». Так гласит постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) о чистке партии. И в самом деле, разве сможет тот или иной коммунист защищать линию партии, действительно сознательно проводить ее в жизнь, если он не знает программы партии? Разве сумеет тот или иной коммунист вести за собой массы за осуществление целей партии, преодолевать трудности и препятствия, стоящие на пути к этой цели, если он не знает программы партии, если у него нет, следовательно, «той ясности целей и средств, без которой невозможно уверенное движение вперед» (Сталин).

Ясно, что для того, чтобы выполнять действительно авангардную роль в великой борьбе рабочего класса, каждый коммунист должен знать программу своей партии. Только тогда он сумеет активно и сознательно бороться за партию, сумеет наносить смертельные удары всем многочисленным врагам большевизма.

2

Программа большевизма—это программа передового отряда рабочего класса, программа партии самого революционного в истории класса. Суть и жизненный нерв этой программы можно выразить несколькими словами: За революцию! За диктатуру пролетариата! За коммунизм!

Ясно, что непроходимая пропасть отделяет программу нашей партии от программы всех других партий. Все другие партии современного общества отличаются друг от друга не принципиально, не по своим коренным, основным задачам. Ибо все они, независимо от той вывески, какой они прикрываются, несмотря на различие оттенков, тактики и социального состава, в конечном счете являются партиями сохранения господства буржуазии. Их программы поэтому отличаются одна от другой лишь по форме. По существу же они представляют собой единую буржуазную программу. И всем им противостоит только одна программа — программа большевизма как единственной партии рабочего класса.

Их программа — это программа дряхлеющего, загнивающего класса эксплуататоров.

Наша программа — это программа восходящего класса эксплуатируемых, программа единственно прогрессивного класса современного общества.

Их программа — программа укрепления военно-полицейского государства империалистических хищников, программа увековечения частной собственности и всей системы гнета, нищеты и голода для сотен миллионов рабов.

Наша программа—это программа мировой пролетарской революции, программа разрушения всего строя насилия и эксплуатации, программа свержения буржуазии, ликвидации буржуазной собственности и слома государственного аппарата, стоящего на-страже этой собственности.

Наша программа—это программа утверждения государства нового советского типа, государства диктатуры пролетариата, программа построения коммунистического общества, на знамени которого будет написано: «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям!».

Их программа отдаст крестьянские массы на разорение кулаку, ростовщику, капиталисту. Их программа — это программа пауперизации крестьянства, программа увековечения «идиотизма деревенской жизни».

Наша программа — программа освобождения крестьянства из-под ига помещика и капиталиста, программа уничтожения противоположности между городом и деревней, программа социалистической переделки крестьянина и превращения его в свободного работника бесклассового общества.

Их программа — это программа шовинистической буржуазии, программа разжигания зоологической ненависти народов друг к другу, программа национального порабощения и колониального угнетения горстью «передовых» наций гигантского большинства населения земли, программа внедрения сифилиса и опиума в среду «отсталых» угнетенных наций.

Наша программа — это программа рабочего освободительного движения, которое по самому существу своему международно; это — программа подлинного, последовательного интернационализма, программа братского сожительства народов.

Наша программа — это программа восстания колониальных рабов, их национального и социального освобождения из-под ига империализма, программа развития и подлинного расцвета национальных культур, национальных по форме и социалистических по содержанию.

Их программа насквозь фальшива, лжива. Пытаясь приукрасить систему господства эксплуататорского меньшинства, она не может не быть построена на тонком обмане, политическом лицемерии или бесшабашной демагогии, она не может не скрывать подлинных вождедений буржуазии.

Наша программа — это программа класса, представляющего интересы всего угнетенного человечества. Наша партия поэтому «считает излишним скрывать свои взгляды» (Маркс — Энгельс). «Наша сила в заявлении «правды!» (Ленин).

Наша программа является поэтому программой разоблачения всей классовой лжи буржуазии, программой срывания всех и всяческих масок.

Наша программа бесстрашно бросает в лицо всему капиталистическому миру правду своего класса. Она несет всему трудящемуся миру подлинную правду о путях и средствах его действительного освобождения.

«В нашей программе, — говорил Ленин, — каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать каждый трудящийся» (т. XXIV, стр. 15). Мы несем свою программу в самую гущу народных масс, ибо знаем, что только тогда, когда массы ею овладеют, она становится непобедимой силой.

Будучи «высшим критическим обобщением всего исторического опыта международной революционной борьбы пролетариата», наша программа представляет собой итог всей истории и теории партии. Наша программа восстанавливает и развивает в новых условиях классовой борьбы бессмертные принципы «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, гениальные наброски Маркса в «Критике Готской программы» и критические замечания Энгельса об Эрфуртской программе.

Только наша программа действительно научно обоснована. Она «неприкосновенна ни с каким суеверием, ни с какой реакцией», ибо она зиждется на гранитной базе марксизма-ленинизма. И в этом ее непобедимая сила!

Во всей своей повседневной практической борьбе, при любом повороте событий, при любом тактическом повороте наша партия неизменно руководствуется своей программой. И в этом одно из коренных, принципиальных отличий в отношении нашей партии к своей программе от того, которое культивировалось оппортунизмом в недрах довоенного II интернационала. Если партии II интернационала в свое время и принимали более или менее революционную программу, то «собственно не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что «все силы и вся энергия» обращались на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического строя, чтобы казалось, будто

что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию» (Энгельс).

Для нас программа — это боевая директива, это, как выражался Ленин, «перечень наших заданий», на осуществление которых партия зовет, мобилизует, поднимает массы каждодневно, ежечасно.

Вот почему наша программа является «сводкой для агитации и изложения так, чтобы каждый параграф... программы содержал в себе сотни тысяч речей и статей агитаторов» (Ленин).

3

Борьба за большевистскую программу восходит к 90-м годам, т. е. к тому периоду, когда Лениным закладывались основы партии нового типа. Уже в конце 1895 г. Ленин, сидя в тюрьме, пишет свой первый проект программы, а в июне—июле 1896 г. он дает к этой программе «Объяснение». Второй «Проект программы нашей партии» написан Лениным в конце 1899 г. Оба документа, и в особенности последний, представляют выдающийся интерес.

Во втором проекте Ленин подвергает разбору программу группы «Освобождение труда», составленную в 1887 г. Несмотря на одобрительные замечания, которыми снабжает Ленин отдельные элементы этой программы, весь проект в целом его не удовлетворяет, и он вскрывает в нем ряд существенных ошибок. «В 1887 г. это была,—пишет Ленин,—программа группы граничных революционеров», а сейчас «речь идет уже о программе рабочей партии». И Ленин самостоятельно набрасывает и выдвигает проект именно такой программы.

Мы не имеем возможности подробно останавливаться на этом проекте. Отметим лишь, что в нем уже фактически даны те важнейшие положения, тот тип программы, который мыслился Лениным наиболее соответствующим для социалистической рабочей партии, борющейся в условиях России. По сути дела именно с позиции этого своего проекта боролся Ленин накануне II съезда с плехановскими вариантами программы. И когда он убедился, что плехановский вариант для него неприемлем, он именно этот свой проект и выдвинул на обсуждение редакции «Искры».

Борьба Ленина внутри редакции «Искры» против плехановского варианта программы и составляет важнейший этап борьбы за выработку большевистской программы.

Известно, что II съезд партии был фактически учредительным съездом. Подготавливая съезд, редакция «Искры», возглавляемая Лениным, под-

Проект программы нашей партии

[1899] *Кому и для чего? Ленин, 1899 г. Проект программы нашей партии. Этот проект программы нашей партии был выдвинут на обсуждение редакции «Искры» в конце 1899 г. Ленин, критикуя программу группы «Освобождение труда», выдвигает свой проект программы, который является основой программы нашей партии.*

Первый абзац рукописи В. И. Ленина. Проект программы нашей партии 1899 г.

вопрос о резервах пролетариата в революции буржуазно-демократической и об его союзниках при переходе к революции социалистической. И действительно, центральным пунктом разногласий внутри «Искры» являлся вопрос о гегемонии пролетариата, вопрос решающей важности, ибо «гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата» (Сталин). Признание гегемонии пролетариата несовместимо с растворением пролетариата в общей массе «трудящихся и эксплуатируемых». Ленин поэтому резко протестовал против того, что в плехановском проекте недовольство пролетариата отождествляется с недовольством мелкой буржуазии и тем самым затушевывается классовая противоположность между пролетариатом и мелким хозяйчиком. Ленин настаивал на том, чтобы «обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает».

С этим положением Ленин непосредственно связывал и коренной вопрос пролетарской программы — вопрос о диктатуре пролетариата. «Признание необходимости диктатуры пролетариата,—писал он,—самым тесным и неразрывным образом связано с положением «Коммунистического манифеста», что пролетариат один только есть действительно революционный класс». Со всей решительностью Ленин отстаивал и отстоял включение в программу пункта о диктатуре пролетариата, пункта, изъятая Плехановым из первоначального варианта. В проекте, представленном редакцией и принятом съездом, этот пункт формулирован четко и ясно: «Необходимое условие социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров».

Кроме разногласий по теоретической части программы в редакции «Искры» возникли необычайно острые разногласия и по аграрному вопросу. В своей статье «Аграрная программа русских социал-демократов» Ленин писал, что в «эпоху революционного восстания» пролетарская партия выдвинет требование национализации земли. Против этого требования обрушилась вся редакция «Искры», и Ленин вынужден был временно снять это требование.

Если внимательно проследить содержание споров по вопросу о программе, то можно увидеть, что в этих спорах были заложены те разногласия, которые вскоре разделили социал-демократическую партию на два борющихся враждебных лагеря — на партию большевиков, партию революционного пролетариата, и партию меньшевиков-оппортунистов — агентов буржуазии в рабочем классе.

Программа была утверждена II съездом партии. Важнейшие поправки Ленина были приняты и включены в программу.

В своей практической части программа содержала совокупность ряда требований, за осуществление которых партия должна бороться еще в условиях буржуазного строя (программа-минимум). Соответствующую программу-минимум имели в то время и все другие социалистические партии. Программа-минимум нашей партии включала такие требования, как требование республики, всеобщего равного избирательного права, широкого массового самоуправления, неограниченной свободы слова, собраний, стачек и союзов, права на национальное самоопределение и т. д. В отношении рабочего класса были выставлены требования 8-часового рабочего дня, уничтожения детского труда, защиты женского труда, страхования рабочих и целый ряд других требований, которые означали всемерную защиту интересов рабочего класса еще в пределах буржуазного строя. Наконец в программе содержался ряд требований уничтожения пережитков помещичье-крепостнических отношений в деревне.

Нельзя не подчеркнуть, что в условиях России осуществление одной только программы-минимум возможно было лишь на путях революции.

Наша программа-минимум собственно и означала буржуазно-демократическую революцию.

Но для нас буржуазно-демократическая революция означала лишь ближайший этап борьбы, достигнув которого мы немедленно переходим к революции социалистической. Между нашей борьбой за программу-минимум и борьбой за конечную цель не было поэтому китайской стены. Мы потому так решительно, смело и настоящим образом боролись за свою программу-минимум, что ни на минуту не упускали из виду конечной цели всей своей борьбы. «Кто борется настоящим образом, тот,— писал Ленин,— естественно борется за все». «Вот почему,— заключал он,— вполне естественно, что социал-демократия, как партия революционного пролетариата, так заботливо относится к своей программе, так тщательно определяет задолго вперед свою конечную цель,— цель полного освобождения трудящихся,— так ревниво относится ко всяким поползновениям урезать эту конечную цель» (т. VII, стр. 241).

Партии II интернационала на словах тоже признавали конечную цель, говорили о ней и в своих программах. Но на деле они всю свою работу сводили к борьбе лишь за ближайшие цели, за мелкие приобретения в рамках существующего буржуазного строя. Более того, германская социал-демократия даже свою программу-минимум обкарнала, не включив в Эрфуртскую программу пункта о демократической республике. Неслучайно поэтому, что ни одна из партий II интернационала не включила в свою программу пункта о диктатуре пролетариата как единственного пути к действительному достижению конечной цели. Только в нашей программе этот пункт был точно сформулирован.

Программа нашей партии, принятая на II съезде, была единственно последовательной марксистской программой из всех существовавших тогда программ социалистических партий. И этой нашей программе Ленин давал очень высокую оценку и придавал ей огромное значение. Он как-то заметил, что своими критическими замечаниями к проекту программы он хотел, чтобы вышло лучше, а вышло хорошо. И эту хорошую революционную программу Ленин всегда отстаивал и всемерно защищал. Неустанно борясь против русского и международного оппортунизма, он всегда призывал членов партии твердо стоять на страже программы нашей партии, той, говорил Ленин, «программы, которая в эпоху усиления международного оппортунизма и назревания решительной борьбы его с революционной социал-демократией дала точную, ясную, непреклонно твердую формулировку революционной конечной цели социализма, осуществимой лишь путем диктатуры пролетариата,— и революционных ближайших целей российской социал-демократии, свержения царизма и завоевания демократической республики» (т. XV, стр. 201).

Данную в программе формулировку социалистических задач и конечной цели партии Ленин считал такой формулировкой, которая специально «заострена против оппортунизма и реформизма» (т. XV, стр. 249).

Борьба Ленина за большевистскую программу внутри редакции «Искры» была борьбой, заостренной против поднимавшего голову международного оппортунизма. Это была борьба за вооружение революционного пролетариата в условиях назревания решительных схваток с международным оппортунизмом. Это была борьба за программу партии нового типа, призванной руководить пролетариатом в условиях, когда долгая эпоха политической реакции, царившая после поражения Парижской коммуны, сменилась новым периодом политических потрясений и бурь. И эта борьба, начиная с первых своих этапов, имела международное значение. Борьба за большевистскую программу была борьбой за международную пролетарскую революцию.

Наша партия никогда не рассматривала свою программу вечной, пригодной для всех времен и эпох. Программа пролетарской партии есть живое руководство к действию. Естественно, что в связи с серьезными изменениями в условиях классовой борьбы назревает потребность в пересмотре старой программы и в выработке новой. Вопрос о пересмотре программы, принятой на II съезде, впервые встал перед партией после Февральской революции.

В своих знаменитых апрельских тезисах, т. е. сейчас же после приезда в Россию, Ленин ставит вопрос об «исправлении отсталой программы-минимум», о необходимости радикальной переработки всей программы в целом.

Ленин исходил при этом из того, что за период, прошедший между принятием программы на II съезде партии и между 1917 г., произошел целый ряд серьезных изменений. За это время произошли империалистическая война, крах II интернационала, измена и открытый переход ревизионистов и подавляющего большинства II интернационала на сторону империализма. За это же время в России произошла Февральская революция, свержнувшая самодержавие. Задачу социалистической революции и диктатуры пролетариата партия уже сейчас выдвинула как ближайшую и непосредственную задачу, к осуществлению которой нужно немедленно переходить. Рабочий класс еще в 1905 г. создал советы как новую форму революционной организации масс, форму, которая и должна была стать формой пролетарской диктатуры. Исходя из всего этого, Ленин и ставил вопрос о необходимости пересмотра, переделки программы партии, а также о необходимости изменения самого названия партии.

До VII съезда партии, т. е. до 1918 г., наша партия называлась: Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков). Ленин еще в начале империалистической войны поставил вопрос о том, что лучше «отказаться от запачканного и униженного... названия «социал-демократов» и вернуться к старому марксистскому названию коммунистов» (т. XVIII, стр. 73). После же своего возвращения в Россию он поставил этот вопрос как непосредственно практическую задачу.

Из чего исходил Ленин, когда ставил этот вопрос?

Из того, во-первых, что подавляющее большинство социал-демократических партий II интернационала изменило делу рабочего класса, отк р ы т о л е р е й д я н а с т о р о н у и м п е р и а л и з м а. Нужно было подчеркнуть, что между большевиками, с одной стороны, и центристами, социал-шовинистами, социал-империалистами всех мастей, с другой — нет ничего общего, что между большевизмом, между коммунизмом и социал-демократией лежит непроходимая пропасть.

Вместе с этим Ленин указывал, что название «социал-демократия» научно также неверно, ссылаясь при этом на неоднократные высказывания Маркса, что конечная цель нашей партии заключается в коммунизме. Социализм — это только первая фаза коммунизма. В коммунистическом же обществе никакой демократии не будет, так как «демократия есть одна из форм государства».

Ленин призывал тогда, т. е. еще в апреле 1917 г., к тому, что «пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье» (т. XX, стр. 135), т. е. пора отказаться от старого названия РСДРП и назвать нашу партию коммунистической. Ленин предлагал вернуться к этому старому марксистскому названию именно потому, что оно наиболее точно выражает сущность нашей партии, ее конечную цель и наиболее резко отделяет и противопоставляет нашу партию всем и всяческим буржуазным и мелкобуржуазным партиям.

VII съезд партии в марте 1918 г. по предложению Ленина принял постановление о переименовании нашей партии в коммунистическую партию.

Что же касается партийной программы, то работа по ее пересмотру заняла сравнительно продолжительное время. Партия все время находилась в водовороте событий величайшей важности, тем не менее она ни на минуту не ослабляла внимания к вопросам теории, разработке своего основного программного документа. Вопрос о программе стоял на апрельской конференции 1917 г., обсуждался в партийной печати, вышли специальные сборники (питерский и московский) с материалами по пересмотру партийной программы. Черновой набросок программы обсуждался на VII съезде партии в 1918 г. Окончательное же принятие программы состоялось на VIII съезде партии, в марте 1919 г.

5

Новая программа партии, принятая на VIII съезде, имеет огромное всемирно историческое значение. В письме к Бракке Маркс как-то заметил, что, составляя принципиальные программы, «воздвигают тем самым перед лицом всего мира вехи, по которым люди судят об уровне партийного движения». Наша программа, принятая на VIII съезде, это—величайшая веха, отмечающая перед лицом всего мира, что большевизм в своем победоносном движении утвердил на одной шестой части мира диктатуру пролетариата.

Наша программа—это программа первой пролетарской партии, борющейся в стране, в которой ниспровержение буржуазии уже является совершившимся фактом. В нашей программе нет поэтому требований, которые выставляются «в пределах капиталистического строя». Со времени Октябрьской революции надобность в программе-минимум отпала. И в этом факте—величайшая победа нашей партии.

Программа партии, говорил Ленин, «это есть разъяснение отношений между классами и массами» (т. XXVI, стр. 45).

Программа, принятая VIII съездом, это первая программа пролетарской партии, в которой конкретно вскрывается такое соотношение между классами, при котором впервые в истории господствующим классом является пролетариат.

Программа, принятая VIII съездом, это первая программа пролетарской партии, дающая развернутую характеристику нового советского типа государства, нового типа демократии и того, «что составляет в нем живую душу—переход власти к трудящимся, устранение эксплуатации...» (Ленин, т. XXII, стр. 353).

Программа, принятая VIII съездом, это первая программа пролетарской партии, которая задачи социализма из общей абстрактной формулы «экспроприация экспроприаторов» перевела в такие конкретные формулы, как национализация банков, земель и т. п. Это, говорит Ленин, является «существенной частью программы» (т. XXII, стр. 356).

Новая программа начинается с определения характера Октябрьской революции и перспектив ее развития. «Октябрьская революция 7 ноября (25 октября) 1917 года в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата строить основы коммунистического общества».

В этом небольшом отрывке содержатся важнейшие положения ленинизма, содержится прямое утверждение социалистического характера Октябрьской революции. Программа не допускает ни малейшей двусмысленности относительно сроков завершения перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. День 7 ноября, день перехода власти к пролетариату, завершает процесс перерастания. Этот день является отправным пунктом революции социалистической. Установление диктатуры

пролетариата для построения социализма — вот что решает вопрос о социалистическом характере революции.

Троцкисты вкупе со всем социал-фашистским лагерем пытались оклеветать нашу революцию, отрицая ее социалистический характер, отрицая возможность победы социализма в нашей стране. Гениальный соратник Ленина, вождь партии т. Сталин в ожесточенной борьбе с троцкизмом отстаивал важнейший исходный пункт ленинской программы. Он теоретически разработал ленинский тезис о победе социализма в одной стране, он показал, что тот, кто отрицает возможность победы социализма в нашей стране, тот неизбежно отрицает социалистический характер нашей революции, тот отказывается от того, чтобы силою примера и социалистического почина в одной стране поднимать международный пролетариат на революцию мировую.

Программа разъясняет, что Октябрьская революция явилась «неизбежным результатом развития капитализма». В нее, по настоянию Ленина, целиком включена вся та характеристика природы капитализма и буржуазного общества, которая дана в нашей старой программе, утвержденной II съездом в 1903 г. Но в новой программе эта характеристика дополнена в высшей степени важным анализом империализма как последней стадии в развитии капитализма.

Наша программа является первой программой, в которой дан ленинский анализ империализма, в которой показано, как старый капитализм перешел в империализм, в которой вскрывается сущность империализма как кануна социалистической революции.

«Что этот империализм,—говорил Ленин,—начинает эру социальной революции,—это тоже факт, который для нас очевиден, который мы должны ясно осознать. На виду всего мира констатируя этот факт в своей программе, мы факел социальной революции поднимаем не в смысле только агитационной речи,—поднимаем, как новую программу, говоря всем народам Западной Европы: «Вот что мы с вами вынесли из опыта капиталистического развития. Вот каков был капитализм, вот как он пришел к империализму и вот та эра социальной революции, которая начинается и в которой первая роль по времени выпала на нашу долю» (т. XXII, стр. 351).

Программа устанавливает, что необычайное обострение всех противоречий капитализма на его империалистической стадии неизбежно порождает непрекращающиеся конфликты и войны. Программа утверждает, что «империалистическая война не могла кончиться не только справедливым миром, но и вообще заключением сколько-нибудь устойчивого мира буржуазными правительствами».

Это положение программы правые оппортунисты, ренегаты коммунизма разных мастей пытались и пытаются опорочить, утверждая, что современная система международных отношений, которая зиждется на Версальском мире, является безусловно устойчивой. Нет нужды опровергать эти ренегатские измышления. В свете событий последнего периода, в условиях конца капиталистической стабилизации и перехода к новому туру революций и войн, крах версальской системы очевиден для каждого, кто еще имеет глаза, чтобы видеть. Этот крах полностью подтверждает положение нашей программы о невозможности для империализма создать сколько-нибудь устойчивый мир.

Нужно ли распространяться о том, что все последующие после принятия программы события доставили новые подтверждения и тому положению программы, которое гласит, что «оппортунисты и социал-шовинисты являются прямыми классовыми врагами пролетариата» и что только решительный разрыв и беспощадная борьба с ними обеспечат победу мировой пролетарской революции.

С тех пор как программа принята, социал-демократия покрыла себя позором новых беспримерных предательств по отношению к рабочему классу. Она расчистила путь фашистской диктатуре в Германии. Она является пря-

мой сообщницей фашизма в его кровавой террористической борьбе против революционного пролетариата. Она, социал-демократия, несет прямую, непосредственную ответственность за те тяжелые жертвы и невероятные лишения, которым подвергается международный пролетариат в современных условиях мирового кризиса. В свете всех новых предательских деяний социал-демократии, являющихся лишь логическим результатом ее открытого перехода на сторону буржуазии во время империалистической войны, каждый честный пролетарий вынесет еще более твердое убеждение в правоте заявления нашей программы, которое гласит: «Руководителем борьбы пролетариата за его освобождение является лишь новый, III коммунистический интернационал, одним из отрядов которого является Всесоюзная коммунистическая партия».

Характеристикой Коммунистического интернационала как международной партии пролетариата и заканчивается первая теоретическая часть программы.

Другим важнейшим разделом программы является общеполитический раздел. Здесь разоблачается подлинная классовая природа буржуазного государства как «машин для эксплуатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов», вскрывается действительная сущность буржуазной демократии как демократии для богатых, демократии формальной, при которой в силу экономического рабства трудящихся последние фактически лишены возможности сколько-нибудь широко пользоваться политическими правами и свободами. В последнее же время в связи с резким обострением классовой борьбы буржуазия лишает рабочий класс даже этих формальных прав и свобод, все более и более изменяя свою диктатуру «в сторону дальнейшего усиления политической реакции и фашизации государства» (XII пленум ИККИ).

Наша программа подробно показывает, как в противоположность буржуазному государству советская власть представляет собой новый тип государства—высший тип демократии, которая «на место формального провозглашения прав и свобод ставит их фактическое предоставление прежде всего и больше всего именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т. е. пролетариату и крестьянству».

Всей этой части программы, посвященной характеристике системы диктатуры пролетариата, Ленин придавал огромное значение. «Характеристика нового типа государства должна,—говорил он,—занять выдающееся место в нашей программе» (т. XXII, стр. 353).

В подробной разработке вопроса о советской власти Ленин видел международное значение нашей программы.

Здесь, говорил он, мы конкретно показываем западноевропейским рабочим, «за что мы взялись, как взялись, как это понимать: это толкает их конкретно на вопрос, как социализма добиваться» (т. XXII, стр. 353).

В диктатуре пролетариата Ленин видел орудие построения социализма. Без пролетарской диктатуры нельзя уничтожить классы, нельзя построить социализм. И в этом доведении идеи диктатуры пролетариата до признания необходимости полного уничтожения классов и построения социализма заключается, как отмечал т. Каганович, основной пункт расхождения партии с оппортунизмом после установления диктатуры пролетариата.

Построение социализма—это важнейшая сторона диктатуры пролетариата, но это—не единственная ее сторона. Наша программа вскрывает и остальные две стороны диктатуры пролетариата: союз пролетариата с крестьянством при сохранении руководящей роли пролетариата и подавление сопротивления буржуазии.

Вопрос о трех сторонах диктатуры пролетариата, поставленных в программе нашей партии, т. Сталин впоследствии теоретически разработал и обосновал как один из важнейших вопросов ленинизма. Он показал, что «пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон» и что

«поэтому ни одна из этих трех сторон не может быть исключена без опасности исказить понятие диктатуры пролетариата», без опасности, «чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой».

Это сталинское указание имеет величайшее значение. Оно раскрывает конкретное содержание самого признания диктатуры пролетариата. Диктатуру пролетариата признает лишь тот, кто признает все ее три основных стороны без исключения. Диктатуру пролетариата признает лишь тот, кто признает и необходимость подавления эксплуататоров, и необходимость союза пролетариата с трудящимися массами крестьянства при руководстве пролетариата крестьянством, и необходимость построения социализма в одной стране.

Различные антиленинские оппозиционные течения пытались вырвать из понятия диктатуры пролетариата то одну, то другую ее сторону. Тем самым они неизбежно приходили к отрицанию диктатуры пролетариата в целом, к прямой контрреволюционной борьбе против всей системы диктатуры пролетариата.

Сталинская разработка содержащейся в программе идеи Ленина о трех основных сторонах диктатуры пролетариата вооружила партию в борьбе против всех антипартийных течений. Она дала ключ к пониманию, что расхождения партии с этими течениями сводятся к основному, коренному вопросу ленинской программы — к вопросу о диктатуре пролетариата.

6

Мы коротко остановились на двух первых главнейших разделах программы: теоретическом и общеполитическом. В иной связи мы ниже рассмотрим важнейшие принципиальные установки некоторых других частей программы. А сейчас обратимся к выяснению тех споров, которые имели место при принятии программы на VIII съезде партии.

Выступления против ленинского проекта мы, собственно, имели еще задолго до VIII съезда, поскольку программа, как известно, обсуждалась и в 1917 и в 1918 гг.

Эти выступления исходили главным образом со стороны «левых» коммунистов, во главе которых стоял Бухарин.

Суть расхождения Бухарина с Лениным по вопросу о программе в основном сводилась к следующему. Бухарин не соглашался с Лениным, во-первых, по вопросу о характере общего построения программы. Он требовал, чтобы из программы была совершенно изъята характеристика старого, домонопольного капитализма. Бухарин исходил при этом из так называемой теории «чистого», «сплошного» империализма, теории, отрицавшей совместимость империализма с какими бы то ни было доимпериалистическими формами хозяйства. Империализм представлялся Бухарину не как стадия в развитии капитализма, не как «надстройка над капитализмом» (Ленин), а как особая социально-экономическая формация. Ясно, если исходить из такой теории, то нет надобности в том, чтобы программа включала характеристику старого капитализма. Бухарин и требовал, чтобы в ней был дан лишь анализ империализма.

Основной порок антиленинской теории «чистого» империализма заключался в том, что она не соответствовала действительности. Именно на это обстоятельство Ленин прежде всего и указывал. «Чистый империализм без основной базы капитализма никогда,—говорил он,—не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет» (т. XXIV, стр. 131).

«Коренные вопросы можно,—говорил Ленин,—рассматривать только с точки зрения империализма», но это нисколько не отменяет того факта, что «в действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма» (т. XXIV, стр. 134).

нальному вопросу. Наша программа признает право наций на самоопределение. В ней прямо зафиксировано «признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение». Бухарин и Пятаков выступали против этого программного требования ленинизма, повторяя ту ошибочную, антиленинскую оценку национального вопроса, которую они давали еще во время империалистической войны. На место ленинского лозунга «право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения» Бухарин выдвигал свой «лозунг»: «право трудящихся классов на самоопределение». Нет нужды доказывать, что если бы партия приняла этот бухаринский «лозунг», то этим она только возбудила бы недоверие со стороны ранее угнетавшихся наций и лишь задержала бы процесс классовой дифференциации в них. В результате бухаринской национальной политики пролетарская революция лишилась бы поддержки национально-освободительного движения. Неудивительно поэтому, что партийный съезд полностью согласился с заявлением Ленина, что «если написать программу так, как хотел т. Бухарин,—такая программа будет неверна» (т. XXIV, стр. 132).

Съезд принял программу Ленина, отвергнув изменения, предлагавшиеся Бухариным.

7

Борьба за большевистскую программу VIII съездом не закончилась. Она продолжалась на протяжении всей последующей истории партии и ведется по сей день. Именно за большевистские основы своей программы вела партия ожесточенную борьбу против троцкизма; за основы ленинской программы партия вела и ведет неустанную борьбу на два фронта: против правого и «левого» оппортунизма.

На разных этапах выдвигались на первый план то одни, то другие важнейшие задачи, вытекающие из партийной программы. В борьбе за эти задачи, за их практическое проведение партия и отстаивала свою программу. Борьба за программу партии означало и означает не что иное, как бороться за генеральную линию партии против всех и всяческих извращений этой линии.

В начале 1925 г., на XIV съезде партии, т. Сталин выдвинул лозунг социалистической индустриализации как основу основ генеральной линии партии. Величайшая заслуга т. Сталина в том, что, выдвинув этот лозунг, он выделил то основное звено, ухватившись за которое, партия вытягивала всю цепь своих основных программных требований. В этом нетрудно убедиться, рассмотрев некоторые из них.

В области экономической наша партийная программа ставит как центральную задачу, «как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику партии... всемерное повышение производительных сил страны». В период гражданской войны и на самом первоначальном этапе нэпа практическое осуществление этой задачи было неизбежно ограничено и сводилось в конечном счете к тому, чтобы, как подчеркивает программа, «немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов». Это ближайшее практическое требование партийной программы нами давно выполнено, и оно поэтому безусловно устарело. «Всемерное повышение производительных сил страны», их подлинный подъем стал возможен только на основе последовательного проведения политики социалистической индустриализации, или, как формулирует программа, при «переходе... от старых форм производства к более высокой, крупной, механизированной индустрии». Партия этот переход осуществила. Под руководством т. Сталина она добилась в этой области величайших завоеваний, всемирно исторических побед. Сталинградский, Харьковский, Челябинский тракторные заводы, Магнитогорский металлургиче-

ский, Свердловский машиностроительный, Горьковский и Московский автомобильные заводы, Днепрогэс, Кузбасс, «Шарикоподшипник», Воскресенский и Бобриковский химкомбинаты — все эти и многие другие заводы-гиганты, отстроенные героическими усилиями пролетариата Советского союза, являются материальным воплощением нашей партийной программы. Они, эти заводы-гиганты, олицетворяют индустриальную мощь большевистской страны. Они — претворенная и претворяемая в жизнь программа большевизма.

И только на основе крупнейших побед в области индустриализации страны партия добилась решающих успехов и в осуществлении другой важнейшей задачи, сформулированной нашей партийной программой, задачи «организации крупного социалистического земледелия». Именно в этом, в организации крупного социалистического земледелия, программа усматривает «единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда».

Борьба партии за осуществление своей программы в этой области — это, как показал т. Сталин, прежде всего борьба за коллективизацию крестьянских хозяйств и за создание и развитие тех мощных рычагов социалистической переделки крестьянства, каким являются наши МТС и совхозы. Под руководством гениального стратега социалистического наступления т. Сталина партия беспощадно ломала сопротивление классовых врагов, она разгромила кулацкую агентуру внутри партии — правых оппортунистов — и добилась того, что одно из центральных требований нашей партийной программы сейчас уже является осуществленной реальностью. Крупное социалистическое земледелие победило в СССР окончательно и бесповоротно.

В этом — величайшая победа партии Ленина и Сталина, величайший триумф программы большевизма.

Мы не смогли бы добиться этой победы, колхозный строй не восторжествовал бы в деревне, если бы в своей политике по отношению к крестьянству партия хотя на минуту свернула с пути, указанного ей программой. Наша программа дает развернутую характеристику политики партии по отношению к крестьянству, выраженную в ленинской формулировке триединой задачи партийной работы в деревне: а) оппортунизм на бедноту, б) устраивай соглашение с середняком, в) веди решительную борьбу с кулаком.

В этой триединой формуле — программный лозунг партии по отношению к крестьянству в условиях переходного периода. Величайшая заслуга т. Сталина в том, что он направил и возглавил борьбу партии против троцкизма, с одной стороны, правого оппортунизма — с другой, пытавшихся каждый по-своему «разорвать эту триединую задачу партийной работы в деревне и оторвать эти части друг от друга» (Сталин).

«Тройственная задача партийной работы в деревне является, — подчеркивал т. Сталин, — единой и нераздельной задачей». И эту задачу он выдвигал в качестве особо актуальной и целесообразной именно в условиях организации социалистического наступления. Эта задача безусловно сохраняет свою значимость и сейчас.

Отмечая основные программные установки партии в области сельского хозяйства, нельзя не отметить, что в отношении борьбы с кулачеством программа провозглашает политику «решительной борьбы против их эксплуататорских поползновений... подавления их сопротивления советской политике». Эту политику ограничения эксплуататорских тенденций кулачества партия проводила «вплоть до лета 1929 г., когда наступила у нас полоса сплошной коллективизации, когда наступил перелом в сторону политики ликвидации кулачества как класса» (Сталин). Лозунг ликвидации кулачества как класса, провозглашенный т. Сталиным, является с 1929 г. основным лозунгом партии в ее борьбе с кулачеством.

И как в этом, так и во всех других областях сказывается, как далеко

вперед продвинулась партия со времени принятия программы на VIII съезде. За этот период партия не только победоносно завершила гражданскую войну, не только восстановила хозяйство страны, но и закончила построение фундамента социализма и сейчас развернула борьбу за осуществление поставленной второй пятилеткой задачи построения бесклассового социалистического общества. Неудивительно поэтому, что многие пункты программы уже давно устарели. Они устарели не потому конечно, что партия изменила своей программе. Они устарели как раз потому, что партия неизменно следовала по пути осуществления своей программы и в своем победоносном движении* вперед разрешила целый ряд задач, поставленных программой.

Необходимо также иметь в виду, что программа составлялась в обстановке гражданской войны, при проведении политики военного коммунизма. Естественно, что многие разделы этой программы в своей практической части, в части конкретных, ближайших требований, отражают ту обстановку, в которой они были сформулированы.

Исходя из основных принципиальных установок программы, партия выдвигала в дополнение к ней ряд важнейших планов работ как в области хозяйственного строительства, так и в других областях социалистического строительства. «Программа,—говорил Ленин на VIII съезде советов в конце 1920 г.,—должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники» (т. XXVI, стр. 45).

В соответствии с этим Ленин и назвал план электрификации «нашей второй программой партии». Такой же «второй программой партии» являлся для нас успешно осуществленный нами план первой пятилетки и сейчас является план второй пятилетки.

Вот почему изучение программы партии необходимо дополнять изучением этих планов, изучением основных решений партии, ее съездов, конференций и пленумов ЦК. Изучение программы партии необходимо дополнять изучением работ Ленина, Сталина, их речей и статей, имеющих программное значение для борьбы партии. Изучение программы нашей партии необходимо наконец дополнять изучением составленной Сталиным программы Коминтерна, принятой на VI конгрессе в 1928 г.

Величайшее значение этой программы состоит в том, что она является программой мировой партии ленинизма, программой, предназначенной «для всех компартий, вместе взятых», имеющей в виду «все нации мира, и белых, и черных, и метрополии, и колонии». Отсюда ее «принципиально-теоретическое значение». Отсюда «ее всеобъемлющий, глубоко интернациональный характер» (Сталин).

Программа Коминтерна имеет выдающееся значение, потому что она обобщает и те величайшие завоевания в теории и практике ленинизма, которых добились Коммунистический интернационал и наша партия как его ведущая секция под руководством т. Сталина.

Наличие программы Коминтерна, коренное изменение обстановки со времени принятия программы нашей партии в 1919 г., величайшие успехи в области социалистического строительства — все это поставило перед партией задачу переработки своей программы, принятой на VIII съезде.

XVI съезд нашей партии поручил Центральному комитету «переработать программу партии на основе принятой VI всемирным конгрессом программы Коммунистического интернационала и успехов социалистического строительства в СССР».

Эта новая программа будет программой первой партии, вступившей в период социализма.

Эта программа будет новой величайшей вехой, отмечающей движение большевизма к победе диктатуры пролетариата во всем мире.

БОРЬБА

ЗА

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ УСТАВ

устав—важнейший партийный документ

В. И. Ленин всегда придавал большое значение партийному уставу. Неслучайно, что ко II съезду партии именно он выработал проект устава и впоследствии при пересмотре устава принимал в этом самое активное участие.

Разъясняя значение партийного устава, Ленин писал вскоре после II съезда, что «формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформлять, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном «доверии». Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на формальном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным «процессом идейной борьбы»¹.

«От устава в значительной мере зависит успех всей работы и борьбы партии»—пишет т. Каганович. «Устав дает нам в наиболее концентрированном виде,—продолжает т. Каганович,— всю практику организационного строительства партии» («Как построена РКП(б)»).

Таким образом партийный устав является наряду с программой партии важнейшим партийным документом. В уставе находят свое выражение организационные принципы большевизма. С помощью устава партия регулирует свой состав. Устав определяет права, обязанности и взаимоотношения и членов партии и партийных организаций. Партийный устав находится в теснейшей зависимости от политики партии на каждом этапе, от задач, которые стоят перед партией. В зависимости от изменений политики партии на протяжении тридцатилетнего суще-

ствования ее изменялся, перерабатывался и устав. Однако принципиальная основа устава—организационные принципы большевизма (единство партии, активное участие каждого партийца в партийной работе, железная партдисциплина, демократический централизм, производственная ячейка как основа партии, руководство партии всеми непартийными организациями)—оставалась неизменной на протяжении всех 30 лет.

ленинский проект устава и атака меньшевиков на II съезде

Принятый впервые на II съезде партии устав был выработан, как уже указывалось, В. И. Лениным. В статье «С чего начать» и в брошюре «Что делать?» (1900—1902 гг.) Владимир Ильич выдвинул основные организационные идеи, которые потом составят основу нашего партийного устава. Первой ленинской идеей, определившей способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов, была идея централизма. Эта «идея,—писал Владимир Ильич,—как единственная принципиальная, должна была проникать собою весь устав». Второй идеей, выдвинутой тогда В. И. Лениным, была идея особой роли руководящего органа—газеты «Искры». Эта идея «учитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания первоначальной операционной базы революционного натиска за границей» (Ленин). Эта вторая идея впоследствии найдет свое оформление на II съезде в создании наряду с центром, действующим в России—Центральным комитетом, заграничного центра—редакции центрального органа (ЦО).

Обе эти идеи были затем подробнейшим образом разъяснены В. И. Лениным в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» (т. V, стр. 179—193). Владимир Ильич заметил как-то позднее об этом пись-

¹ Ленин, т. VI, стр. 311.

ме, что оно было «почти что уставом», что «оставалась только редакционная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который должен был воплотить в жизнь именно эти (две.—И. Б.) идеи»¹.

Владимир Ильич и выполнил вскоре эту «редакционную» работу, подготовив к съезду проект устава.

Известно, что представленный В. И. Лениным проект устава II съезд принял за основу, открыв дискуссию по его отдельным параграфам. Особенно энергичной атаке со стороны экономистов (Акимов, Мартынов) и «мягких» искровцев во главе с Мартовым, Аксельродом и Троцким подвергся первый параграф ленинского проекта. В. И. Ленин, выдвигая в этом параграфе требование к вступающим в партию—наряду с признанием программы и материальной поддержки партии входить в одну из партийных организаций,—ясно очерчивал границы партии, достаточно определенно отделял «работающих от болтающих». Аксельрод, Мартов, Троцкий и другие будущие меньшевики возмущались слишком жесткими организационными рамками, которые выдвинул Ленин. По их мнению такие жесткие требования оттолкнут от партии профессоров, гимназистов и других сторонников партии, которым по тем или иным мотивам неудобно входить в организацию. В противовес ленинской формулировке Мартов выдвинул свою, в которой вместо личного участия партийца в одной из организаций от него требовалось лишь «оказание содействия партии».

На вопли Мартова и К^о В. И. Ленин отвечал:

«Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Наша задача оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше и выше».

Несмотря на энергичную борьбу В. И. Ленина против оппортунистической формулировки Мартова, все же в этом пункте победа досталась оппортунистам: большинством нескольких голосов съезд принял мартовскую формулировку первого параграфа. Кроме этого важнейшего пункта будущим меньшевикам удалось внести некоторые несущественные изменения в другие пункты,

например о кооптации, о совете партии, но на них здесь нет нужды останавливаться. Заметим только, что все эти меньшевистские «поправки» шли в одном направлении, именно в направлении к оппортунизму, поворотным пунктом к которому для меньшевиков явилась их позиция по первому параграфу устава.

борьба за большевистский устав с III съезда партии до 1917 года

Впервые устав подвергся пересмотру на III партийном съезде, весной 1905 г. Будучи по своему составу чисто большевистским, этот съезд утвердил первый параграф в ленинской формулировке, в отмену мартовской (принятой II съездом), изменил структуру центральных органов, создав один выборный орган—Центральный комитет. Совет партии съездом было постановлено упразднить, а редакция центрального органа должна была впредь назначаться Центральным комитетом. Это решение съезда о создании одного центра было абсолютно правильным, так как к 1905 г. партия значительно укрепилась и необходимость в двух центрах, диктовавшаяся в 1903 г. условиями «создания первоначальной операционной базы революционного натиска за границей» (см. стр. 21), к этому времени отпала. Далее, менее существенные изменения выразились в уточнении, внесенном съездом в порядок созыва партсъездов и в систему представительства на съезде местных партийных организаций. Кроме изменений в уставе съезд принял ряд постановлений по организационным вопросам, как-то: о центральном органе, о материальной поддержке партии и др. Для решений III партсъезда по организационному вопросу характерна тенденция к расширению внутрипартийной демократии в связи с некоторым расширением возможности легальной работы в условиях революции 1905 г. и к орабочению партийных комитетов. Последнее особенно настойчиво проводил Владимир Ильич, подчеркивавший, что опорой партии должны быть прежде всего организованные (т. е. входящие в партию) рабочие и что «интеллигенцию нужно держать в ежовых рукавицах».

Вновь устав пересматривался на IV «объединительном» партсъезде (апрель 1906 г.). Перед съездом большевики выступили со своей самостоятельной платформой, противопоставив меньшевикам свои проекты резолюций по всем принципиальным вопросам, на-

¹ Ленин, т. VI, стр. 189.

чина с аграрной программы и кончая «основами организации партии». В платформе по вопросу «Основы организации партии» большевики, констатируя, что «демократический централизм в партии является общепризнанным», «что проведение его в жизнь хотя и затруднено, но... в известных пределах возможно», «что смещение конспиративного и открытого аппарата партийной организации оказалось крайне губительным для партии и играющим наруку провокации», требовали:

а) продолжения применения в парторганизациях выборного начала;

б) допущения наряду с ним, в исключительных случаях, и кооптации;

в) заботливого сохранения и укрепления конспиративного ядра партийной организации (мы бы сказали теперь нелегальной организации партии);

г) сохранения единого, выборного на съезде, центра партии — ЦК, который уже и назначит редакцию ЦО.

Мы видим, что большевистская платформа, целиком исходя из организационных принципов большевизма, намечает ясные и вполне соответствующие переживаемому периоду предложения. Выдвигая демократический централизм как важнейший организационный принцип, большевики не фетишизируют его, не берут его вне времени и пространства. Учитывая еще не уничтоженные пока «свободы», большевики требуют применения выборного начала в партии «снизу доверху», но в то же время, в противовес легалистским устремлениям меньшевиков, большевики требуют допущения (где это вызывается необходимостью) кооптации и категорически требуют сохранения и закрепления нелегальной организации партии.

Обращаясь к уставу, «исправленному» на IV партсъезде, мы без труда заметим некоторое ухудшение его: сказалось преобладание на съезде меньшевиков, поддерживаемых бундовцами. В чем выразилось это ухудшение? В восстановлении выборности съездом наряду с ЦК и редакции ЦО. Это меньшевикам удалось протолкнуть. Попытки же меньшевиков изменить формулировку первого параграфа устава были отбиты: большевики отстаивали ленинскую формулировку этого важнейшего параграфа о членстве партии.

Кроме указанного изменения IV партсъезд внес в устав ряд дополнений, а именно: об областных союзах (объединение районных организаций) и областных центрах (избирае-

мых на областных партконференциях), о норме представительства на съездах (1 делегат от 500 членов партии).

На V партийном съезде (в 1907 г.) большевики, поддержанные польскими социал-демократами, одержали над меньшевиками победу по важнейшим тактическим и организационным вопросам. Съезд категорически осудил меньшевистскую агитацию за созыв беспартийного рабочего съезда с целью организации широкой рабочей партии (на манер английской лейбор-партии, представляющей объединение массовых рабочих организаций — профсоюзов, кооперативов, «социалистических» обществ, которое тащится на буксире либеральной буржуазией). При пересмотре устава большевики добились: 1) отмены установленной предыдущим (IV) съездом выборности редакции ЦО на съезде, установив назначение ее Центральным комитетом; 2) внесения нового пункта о созыве при ЦК регулярных (каждые 3-4 месяца) совещаний представителей от местных и национальных партийных организаций (с целью преодоления под давлением низов инертности, косности, самотека в партийной работе, обнаруживающихся у меньшевистской части ЦК, представлявшей большинство в ЦК перед V съездом). Далее съезд изменил норму представительства на партсъезды: вместо 1 от 500 съезд принял 1 от 1.000, что связано с большим ростом партии в тот период.

Годы реакции (1908—1911) представляют наиболее трудный этап в жизни нашей партии. «Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих... Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих «в легальную, либеральную столыпинскую партию» (Сталин, «О Ленине»). В эти тяжелые годы Ленину и большевикам пришлось в решительной борьбе с ликвидаторами всех оттенков терпеливо и настойчиво собирать разбитые и разрозненные силы партии. К этому времени относится ряд документов, дополняющих партийный устав, а именно: «Положение о ЦК», определявшее порядок образования и характер деятельности ЦК и ЦО в России и за границей, принятое на августовском пленуме ЦК (1908 г.) в жестокой борьбе против меньшевиков, пытавшихся превратить ЦК в «деловое информационное бюро, технический орган, ведущий работу по связи с местами», т. е. по сути дела ликвидировать его. «Устав Центрального коми-

тета», принятый на январском пленуме ЦК в 1910 г., определял порядок конструирования и круг обязанностей как русской коллегии ЦК, так и его заграничного бюро, причем при кооптировании в ЦК вводилось пропорциональное представительство от разных течений, не исключая и ликвидаторского. На этом уставе ЦК лежит отпечаток «роковой примиренческой ошибки» пленума, пытавшегося благодаря преобладанию примиренческих элементов «объединить всех и вся», вместо того чтобы объединить только партийные элементы без ликвидаторов и против ликвидаторов, как этого и требовал Ленин.

К годам подъема (1911—1914) большевики пришли «с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично» (Ленин). В 1912 г. большевики окончательно выбросили из РСДРП ликвидаторов всех мастей, создав (на Пражской партконференции, сыгравшей роль съезда партии) новый, чисто большевистский ЦК. Тогда же был пересмотрен и партийный устав, причем были внесены следующие изменения: к § 2 (о демократическом централизме) принято дополнение: «Признается допустимой кооптация»; целиком вычеркнут § 8 (о совещаниях при ЦК) и вместо него вставлено: «Центральный комитет собирает по возможности чаще конференции партии из представителей всех организаций партии». Вместо принятой на V партсъезде нормы представительства на съезды (1 от 1.000) Пражская партконференция внесла в § 9 устава следующий абзац: «Нормы представительства на будущие съезды партии устанавливаются ЦК после предварительного соглашения с местными парторганизациями». Характерно при этом отметить, что все предложения об изменениях в уставе были внесены в письменной форме В. И. Лениным.

устав партии в условиях диктатуры пролетариата

Мы проследили выше изменения, внесенные в партийный устав в дореволюционный период, когда большевистской партии приходилось вести свою работу в жесточайших условиях царского самодержавия, при непрерывной травле со стороны буржуазии и ее агентов в рабочем движении—оппортунистов.

Положение значительно изменилось после Февральской революции 1917 г. В партии продолжал пока действовать старый устав,

но местные партийные организации, не удовлетворяясь им, вырабатывали свои местные уставы. Едва ли не первым по времени нужно признать устав саратовской организации, принятый на общегородском партсобрании в марте 1917 г. Далее, в апреле 1917 г., обсуждается и принимается устав на Петроградской общегородской партконференции. Позднее ряд других партийных организаций (московская, харьковская и др.) также вырабатывает свои уставы.

Пересмотр общего партийного устава был произведен на VI партсъезде (июль 1917 г.). На этот раз устав подвергся действительно коренной переработке при неизменности однако его принципиальной основы.

Прежде всего съезд внес некоторое изменение в первый параграф: требование «материальной поддержки» от входящих в партию заменено более ясной формулировкой: «уплачивающий членские взносы» (разрядка моя.—И. Б.). К этому же первому параграфу принято дополнение, что членом партии может быть лишь «подчиняющийся всем постановлениям партии». Далее, VI съезд в первый раз внес в устав пункт о поручителях при приеме новых членов (две рекомендации).

Наконец, новый устав предусматривал выделение из состава ЦК для текущей работы узкого состава (пятерки) и учреждение ревизионной комиссии для «ревизии кассы и всех предприятий ЦК».

Дальнейшему пересмотру партийный устав подвергся уже после Октябрьской революции, частично на VII партсъезде в 1918 г. (на котором изменено название партии: вместо «РСДРП(б)» принято новое название: «Российская коммунистическая партия (большевиков)»), более основательно—на VIII партсъезде в 1919 г. Собственно говоря, устав, как таковой, на VIII партийном съезде не пересматривался, но решения съезда по организационному вопросу вносили коренные изменения в организационное строительство партии по сравнению с предоктябрьским периодом: тогда партия готовила массы к штурму твердынь капитализма, теперь партия была у власти, руководила диктатурой пролетариата, должна была укрепить и отстоять новое, пролетарское государство от натиска международной империалистической буржуазии и отечественной буржуазно-помещичьей контрреволюции. Задачу преодоления сопротивления эксплуататоров партия могла разрешить только при условии «самой строгой централизации и железной дисциплины» (Ленин). Именно это

красной нитью проходит через всю резолюцию VIII партсъезда по партийному строительству, явившуюся директивой для переработки партийного устава, принятого на декабрьской партконференции 1919 г.

Какие изменения внесены в новый партийный устав (принятый в декабре 1919 г.)?

При сравнении нового устава со старым (1917 г.) бросается в глаза прежде всего объем: в новом уставе 64 параграфа против 14 в старом уставе, а затем структура: в новом уставе в п е р в ы е принята разбивка на разделы (с общей однако нумерацией параграфов)—числом двенадцать.

В новом уставе даны в развернутом виде новые очень важные вопросы в виде таких например самостоятельных разделов, как: об организационном строении партии, о партийных ячейках, о кандидатах в члены партии, о партийной дисциплине. Устав подчеркивает, что «основной партийной организацией является партийная ячейка». В отличие от партий II интернационала наша ячейка объединяет своих членов по производственному принципу. Исключительное внимание партия всегда уделяла заводским ячейкам, опираясь прежде всего на них в своей борьбе за ленинскую линию. Напомним, что Ленин еще в 1902 г. писал: «Они (заводские кружки) для нас особо важны; ведь вся главная сила движения в организованности рабочих на крупных заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью». Впервые внесен раздел о кандидатах. Кандидатский стаж имеет согласно уставу «целью основательное ознакомление с программой и тактикой партии и проверку личных качеств кандидата». От желающих вступить в кандидаты устав требовал представления двух рекомендаций членов партии с шестимесячным стажем; кандидатской стаж для рабочих—два месяца и для остальных—не менее шести месяцев.

Наша партия, высоко ставя звание члена партии, всегда уделяла огромное внимание регулированию своего состава. Эта задача приобрела исключительное значение в условиях диктатуры пролетариата, когда партия стала правящей и когда к ней неизбежно примазывались и примазываются чуждые, порой и враждебные элементы, шкурники, карьеристы, стремящиеся использовать

звание члена партии в своих личных, корыстных целях. Вот почему после Октябрьской революции партия устанавливает все более жесткие условия приема, тщательно отбирая действительно достойных состоять в рядах большевистской партии. Этим и объясняется введение кандидатского стажа для вновь вступающих в партию. Этим и объясняется, что в дальнейшем при каждом пересмотре устава партия все более и более повышает требования к желающим вступить в ее ряды.

В разделах III—IX устава детальнейшим образом определялась структура партийных органов, начиная с ЦК и кончая ячейкой. В разделе X «О партийной дисциплине» с особой силой подчеркивалось, что «строжайшая партийная дисциплина является первейшей обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций. Постановления партийных центров должны выполняться быстро и точно. Вместе с тем внутри партии обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято».

Надо сказать, что как устав, так и практика организационного строительства несут на себе печать периода военного коммунизма, когда партии приходилось напрягать все свои силы для отпора интервенции и контрреволюции. В этот период партия естественно должна была свернуть внутрипартийную демократию, пойти на «крайний организационный централизм и свертывание коллективных органов партийной организации» (из резолюции X партсъезда). Партия была фактически милитаризована, и благодаря этому она могла успешно справиться с задачами обороны революции. В тот период расхлябанность и недисциплинированность нашли своих защитников в рядах антипартийной группки «демократического централизма», выродившейся впоследствии в контрреволюционную. Эта группка выступала с анархо-меньшевистской критикой против внутрипартийного режима, продиктованного условиями гражданской войны. Нет нужды доказывать, что эта «критика» была лишь наруку контрреволюции.

ИНСТИТУТ СОЧУВСТВУЮЩИХ

Нельзя пройти мимо еще одного момента в истории партийного строительства 1918—1919 гг., который не нашел однако отраже-

ния в уставе 1919 г. Я имею в виду институт сочувствующих.

Впервые группы сочувствующих, по мысли, выдвинутой В. И. Лениным, стали возникать летом 1918 г. сначала в московской и петроградской парторганизациях, а затем в провинции.

До нас дошел «Устав организации сочувствующих РКП(б)», принятый на московской общегородской партконференции 30 августа 1918 г., в котором задачи создания организаций сочувствующих сформулированы следующим образом:

«1. С целью внесения организации в широкие рабочие массы сочувствующих РКП каждой ячейке или фракции вменяется в обязанность развить усиленную агитацию за сплочение вокруг партийных ячеек групп сочувствующих.

2. В группы сочувствующих входят все, кто поддерживает РКП (большевиков) в ее борьбе за освобождение пролетариата и всего трудового народа от капиталистического и экономического рабства».

После Москвы и петроградская парторганизация приняла на своей VII общегородской конференции (20 сентября 1918 г.) устав организации сочувствующих, причем петроградский устав, в основном совпадая с московским, имел следующие отличия: 1) в разделе «Порядок приема в группу сочувствующих» в петроградском уставе имелся добавочный пункт: «В случае достаточно серьезных нарушений устава ячейка пользуется правом исключения сочувствующего лица из группы сочувствующих»; 2) п. 11 московского устава в петроградском уставе был принят в следующей редакции: «В бюро партийной ячейки могут быть избираемы в сочувствующие не более одной трети общего числа членов бюро. Общее собрание членов партии и сочувствующих каждой ячейки избирает бюро ячейки».

Ликвидирован был институт сочувствующих осенью 1919 г.

Как известно, на время чистки партии 1933 г. институт сочувствующих вновь восстановлен, но на совершенно других основаниях и в совершенно другой обстановке. Согласно решению ЦК от 28 апреля 1933 г. в разряд сочувствующих рекомендуется переводить тех кандидатов партии, которые «не только не имеют элементарных политических знаний, необходимых для кандидата, но еще страдают неустойчивостью и отсутствием достаточной выдержанности с точки зрения партийной дисциплины», «с тем, — говорится далее в постановлении ЦК, — что-

бы через год поставить вопрос об их переводе в кандидаты или о приеме их в члены партии, если проверка покажет, что они вполне созрели для этого».

В заключение необходимо сказать еще о двух дополнениях к уставу, принятых в 1920 г. Первое — это решение IX партс'езда о создании областных бюро ЦК «для усиления и объединения партийной работы» в тех пунктах, «где будут созданы областные хозяйственные бюро». Второе — постановление сентябрьской партконференции 1920 г. об учреждении Контрольной комиссии. В постановлении конференции предусматривалось «создание Контрольной комиссии наряду с ЦК, которая должна состоять из товарищей, имеющих наибольшую партийную подготовку, наиболее опытных, беспристрастных и способных осуществлять строго партийный контроль».

пересмотр устава в условиях нэпа

Новый пересмотр партийного устава был произведен уже в период нэпа, в августе 1922 г. (на XII партконференции). Выработка проекта нового устава была выполнена специальной комиссией, образованной ЦК. В основу переработки устава комиссия положила имеющие огромное принципиальное значение решения X с'езда по вопросам «о партийном строительстве» и о «единстве» и XI партс'езда «об укреплении и новых задачах партии».

В отличие от предыдущего периода развития нашей революции, характеризовавшегося ожесточенной борьбой на фронтах, когда поэтому «непосредственной, основной, ударной задачей была задача военно-боевого действия», новый период характеризовался переходом на мирное положение, приводящим к новым формам борьбы, новым трудностям, связанным с необходимостью поднять в кратчайший срок разрушенное в империалистической и гражданской войнах народное хозяйство Советской страны. В этот период перед партией на первый план выдвигается задача «поднятия уровня членов партии с одновременным привлечением их к активному участию в общепартийной жизни... наряду с влиянием партии на беспартийные массы, сближением с ними и приведением партии в боевую готовность для борьбы с контрреволюцией»¹.

¹ Из резолюции X партс'езда.

В этот период опасность наплыва в ряды партии примазавшихся, чуждых элементов значительно усугубляется. «Обстоятельства переходного периода,— говорится в резолюции XI партс'езда,— несомненно таят в себе потенциальную возможность ухудшения социального состава партии и заражения ее мелкобуржуазными влияниями. Основной пролетарский кадр партии должен все время сознавать эту опасность и принимать против нее все меры, которые вытекают из совокупности условий». А потому «в ближайшие годы РКП безусловно должна усилить свое внимание не столько увеличению количества своих членов, сколько улучшению качественного их состава. Изменить условия вступления в РКП в том смысле, чтобы затруднить это вступление не чисто пролетарским элементам»¹.

Таковы директивы X и XI партс'ездов, которыми руководствовались при выработке нового устава и комиссия ЦК и XII партконференция. Ленин, несмотря на болезнь, уделял огромное внимание пересмотру устава, особенно со стороны регулирования состава партии, со стороны предупреждения засорения ее рядов. В письме к т. Молотову от 24 марта 1922 г. Владимир Ильич пишет: «Я считаю крайне важным удлинить стаж для приема новых членов партии. Я считаю крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки. Несомненно, что у нас считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы в смысле крупной промышленности не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадали самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на короткий срок превратились в рабочих. Я усиленно настаиваю на необходимости удлинить сроки стажа и затем дать поручение Оргбюро выработать и строго применять правила, которые бы действительно делали стаж строжайшим контролем, а не пустой формальностью»².

Через день, 25 марта, Владимир Ильич пишет т. Молотову второе письмо, в котором рекомендует, имея в виду, «что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский», «1) увеличить все кандидатские стажи, 2) определить с особо детальными подробностями, в чем должно состоять прохождение кандидатского стажа»³.

В чем же заключались изменения, внесенные в партийный устав в августе 1922 г.?

Прежде всего большие изменения внесены в условия приема, значительно затрудняющие вступление в партию для непролетарских элементов вообще и в частности для выходцев из других партий.

С этой целью согласно новому уставу прием в партию происходит дифференцированно, на разных условиях для разных категорий вступающих, в зависимости от их социального положения.

Новым моментом в уставе также явилось установление определенных требований в смысле партийного стажа к руководящим партийным работникам. Для секретарей губкомов по новому уставу требовался до-октябрьский партстаж и для секретарей укомов—трехлетний партстаж. Перевыборы бюро ячеек по новому уставу должны производиться через 3 месяца (раньше через 1 месяц!). Впервые целый раздел отведен контрольным комиссиям. Основной задачей контрольных комиссий признано «содействие укреплению единства и авторитета партии». Уточнены взаимоотношения КК с парткомами. Наконец в новом уставе: а) внесены изменения в сроки созыва партконференций и перевыборов парторганов; б) уточнено положение о фракциях во внепартийных учреждениях в том смысле, что фракции создаются только в выборных органах; в) отменена система перевода в кандидаты как мера взыскания.

Как известно, на время чистки 1933 г. решением ЦК партии от 28 апреля 1933 г. вновь вводится в практику перевод из членов в кандидаты «не в виде партвзысканий, а в целях их политического воспитания и лучшей подготовки». Кроме того в отличие от порядка, существовавшего до 1922 г., Центральный комитет партии ограничивает эту меру определенной категорией партийцев, а именно: «ту часть товарищей, преданных делу рабочего класса и показавших на деле — на производстве, в колхозах — свою преданность, но не усвоивших самых элементарных политических данных, необходимых для члена коммунистической партии, — программы, устава, важнейших решений партии», с тем, «чтобы через год поставить вопрос об их обратном переводе в члены партии, если они сумеют за этот год повысить свою политическую грамотность» (из резолюции ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1933 г.).

¹ Из резолюции XI партс'езда.

² Том XXVII, стр. 210.

³ Там же, стр. 211—212.

пересмотр XIX партс'ездом устава ВКП(б)

Восстановительный период нэпа, к которому мы с полным основанием можем отнести устав 1922 г., подходил к концу, сменяясь новым периодом в развитии социалистического строительства,—реконструктивным периодом. За время с 1921 по 1925 гг. в Советской России произошли огромные сдвиги. Партия добилась на основе нэпа, на основе последовательного проведения ленинской политики, в решительной и непримиримой борьбе с оппортунизмом на два фронта—с троцкизмом как главной опасностью на том этапе и с проявлениями правого оппортунизма (Бухарин и его школка, Красин и др.)—огромных достижений. Элементы социализма в нашем хозяйстве, совершенно разрушенном за годы гражданской войны, развивались быстрым темпом. Советская страна подходила по ряду показателей к довоенному уровню развития народного хозяйства. Возросло благосостояние рабочих и крестьянских масс, в огромной степени возросла их активность. Само собой разумеется, что три года, прошедшие со времени принятия в 1922 г. устава, не могли не отразиться на практике организационного строительства партии. Вот почему ЦК и признал необходимым пересмотреть устав на ближайшем (XIV) партс'езде.

Какие же изменения внес в устав XIV партс'езд?

В связи с образованием (с 1922 г.) Союза советских социалистических республик, с'езд внес изменение в название партии. Вместе «Российская коммунистическая партия (большевиков)» принято название «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)». Второе очень существенное изменение заключалось в известном смягчении формальных условий вступления в партию для рабочих. Вместе с тем с'езд решил еще больше ограничить прием в партию выходцев из других партий, вводя с этой целью следующий пункт: «Выходцы из других партий принимаются в исключительных случаях при рекомендации пяти членов партии с пятилетним партстажем, не иначе как через производственную ячейку, с обязательным утверждением ЦК, независимо от социального положения принимаемого».

Следующее, также очень существенное изменение в уставе заключается в изменении схемы строения партийных органов применительно к изменениям в формах государ-

ственного строительства (образование СССР, районирование). Наряду с сохранившимися еще в то время губернскими, уездными и волостными органами в устав внесены соответствующие положения об областных (краевых), окружных и районных организациях.

Новым разделом в партийном уставе явился раздел о системе контрольных комиссий. В устав включены подробные положения об органах КК, начиная с ЦК и кончая районной КК—РКИ.

Также новым разделом явился и раздел о партийной работе в Красной армии и флоте.

В новый устав с'езд внес дополнение об утверждении Центральным комитетом редакторов партийных органов. Последнее решение принято в связи с беспримерным в истории нашей партии фактом борьбы «Ленинградской правды» против решений с'езда: так называемая «новая оппозиция», потерпев поражение на с'езде, пыталась взять реванш с помощью находившейся в ее руках «Ленинградской правды». В данном случае редакция «Ленинградской правды», продолжая дискутировать уже принятое с'ездом партийное решение, совершила тягчайшее преступление перед партией. Именно для предупреждения подобных антипартийных вылазок с'езд и вынес указанное выше решение.

Очень важным изменением в уставе явилось включение вопроса о цеховой ячейке, еще до с'езда получившей широкое распространение на производственных предприятиях.

Со времени XIV партс'езда партийный устав в целом не пересматривался. Но за истекшие семь лет положение резко изменилось. Успешно выполнив план пятилетки в четыре года, пролетариат и все трудящиеся под руководством партии во главе с ленинским ЦК и великим вождем партии т. Сталиным успешно строят бесклассовое социалистическое общество. За это время произошли большие изменения и в организационном строительстве партии. Достаточно указать на такие решения ЦК, как решение о перестройке партаппарата в связи с новыми задачами, вставшими перед партией (о парторганах на железнодорожном транспорте, о производственной ячейке в совхозе и пр.); как решение январского пленума

1933 г. о создании политотделов в МТС и в совхозах, на которые партией возложена задача «развертывания массово-политической работы в колхозах и совхозах, с одной стороны, и организационно-хозяйственного укрепления совхозов и колхозов, с другой», решение, имеющее огромное принципиальное и политическое значение.

И в самое последнее время (а именно 15 июня 1933 г.) Центральный комитет партии вынес очень важное решение, касающееся работы политотделов МТС, строительства колхозной производственной ячейки и взаимоотношений политотделов с райкомами. Этим решением вслед за организацией политотделов теперь в самом низовом партийном звене территориальный принцип партийного строительства в деревне дополняется производственным принципом.

«Партия революционного марксизма,—говорится в резолюции X партс'езда,—в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной кон-

кретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают»¹.

Тов. Сталин всегда связывает вопросы организационной перестройки с политическими лозунгами партии, с задачами мобилизации классовой бдительности и революционной активности масс, с задачами мобилизации самой партии. Мы видим, что наша славная ленинская партия на протяжении тридцатилетнего периода своего существования высоко держала знамя большевистской партийности, отстаивая учение Маркса—Ленина—Сталина о партии как боевом, организованном отряде рабочего класса.

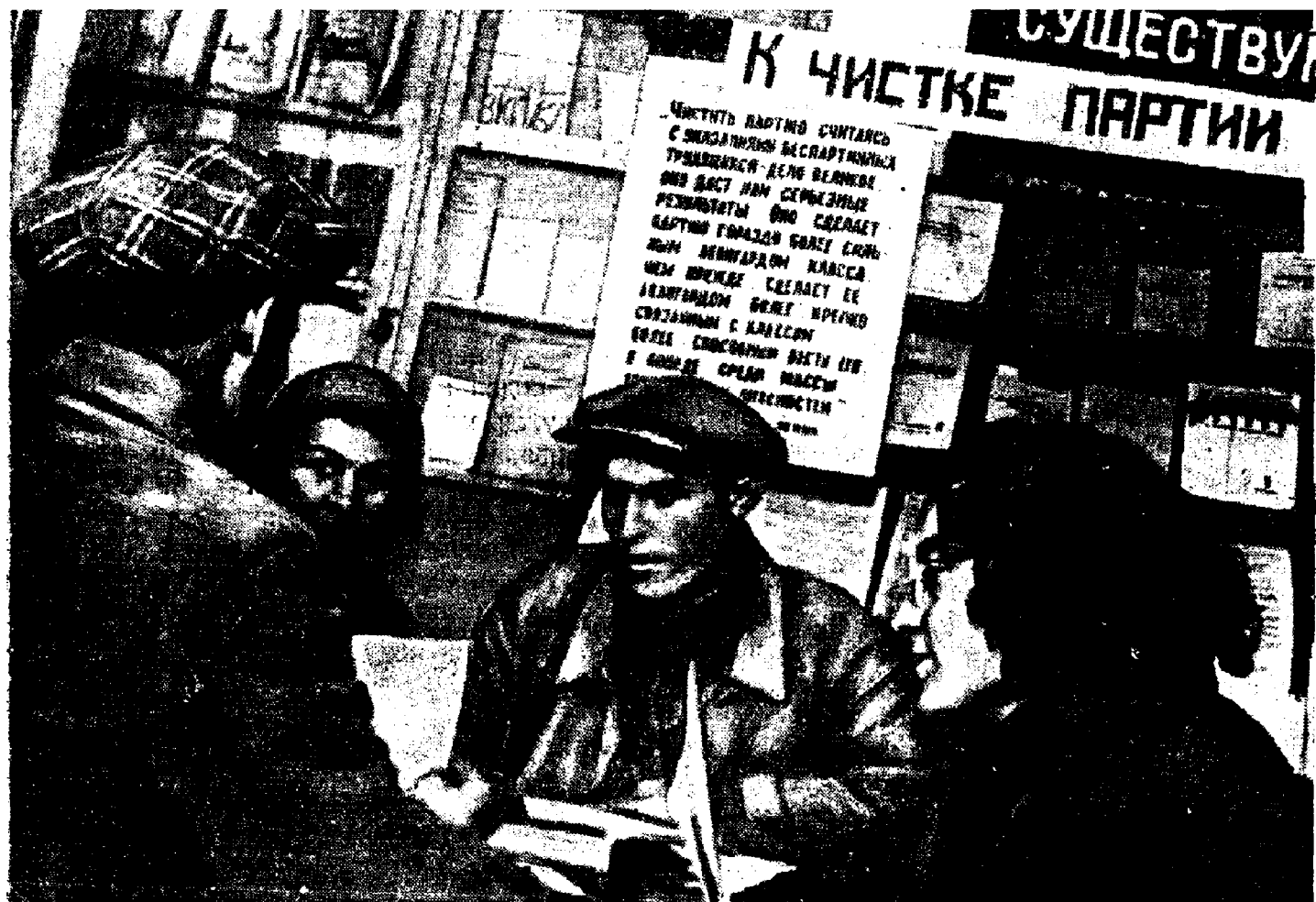
Проводя периодические чистки, изгоняя из своих рядов некоммунистические, ненадежные, чуждые и враждебные элементы, партия отстаивала как программные и тактические, так и организационные принципы большевизма, нашедшие воплощение в партийном уставе. И это было залогом величайших всемирно исторического значения побед нашей партии, колоссального роста ее авторитета среди трудящихся масс не только СССР, но и всего мира.

¹ Революция X с'езда «По вопросам партийного строительства».

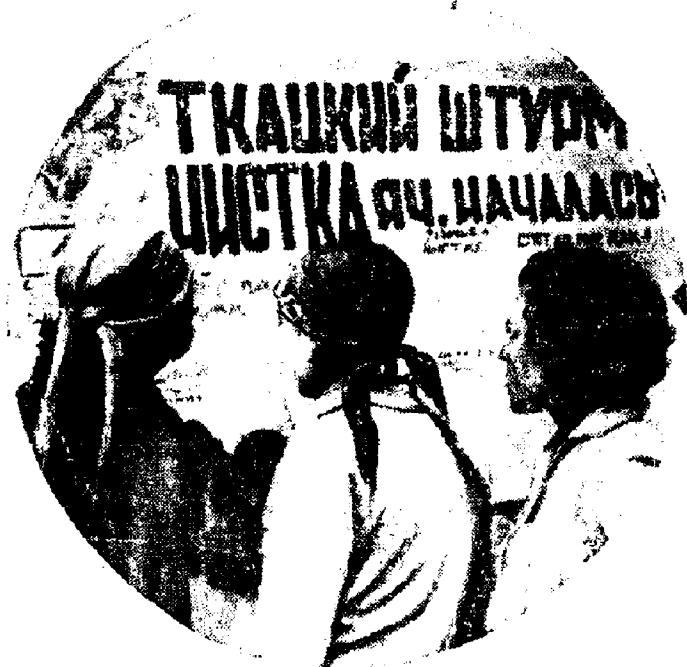
Всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением объективных условий развития революции превратиться из форм развития партийной организации в оковы этого развития; и обратно, сделавшаяся негодной организационная форма может снова стать необходимой и единственно целесообразной при возрождении соответствующих объективных условий.

(Из резолюции X партс'езда)

**ПОВЫШЕНИЕ ИДЕЙНОЙ ВООРУЖЕННОСТИ КОММУНИСТОВ —
ОДНА ИЗ ГЛАВНЕЙШИХ ЗАДАЧ ЧИСТКИ ПАРТИИ**

В связи с чисткой рядов ВКП(б) Ленинский дом партпросвещения организовал консультацию для партактива. На снимке: пропагандисты тт. Мальников и Княчкина получают консультацию

Ячейка ткацкого цеха Красноколянской ф-ки проводит смотр партгруп.
На снимке: работницы читают стенгазету „Ткацкий штурм“, посвященную чистке (Москва)

ЛЕНИН

НАКАНУНЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАССОВОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1893—1894 гг. *)

политические группировки в Петербурге и приезд Ленина

Процесс развития общественно-политической мысли в среде революционной интеллигенции, обусловленный все ускоряющимся развитием капитализма и рабочего движения в России и получивший особенно сильный толчок в результате голода 1891 г., привел к образованию в Петербурге в первой половине 90-х годов нескольких нелегальных кружков революционной молодежи. Эти кружки являлись выразителями различных классовых тенденций и представляли собой зачатки будущих политических партий, сложившихся накануне революции 1905 г. Из наиболее влиятельных кружков, действовавших в Петербурге осенью и зимой 1893—94 гг., необходимо отметить следующие: марксистский кружок «стариков», народовольческий и «народоправческий» кружки.

Рабочий класс в революционном подполье представляла группа «стариков», преимущественно связанная с социал-демократической организацией Бруснева (разгромлена охранкой в 1892 г.). «Старики» — название это стало «ходовым» со времени приезда Ленина — имели некоторые связи с рабочими и занимались с ними, пропагандируя учение Маркса. Далее идут две группы или два кружка из лагеря революционной демократии. Народовольческая группа, пытавшаяся возродить традиции народovolьцев 80-х годов, тоже вела пропаганду среди рабочих, убедившись на опыте, что рабочие наиболее восприимчивы к революционной пропаганде. Под влиянием растущего рабочего движения народovolьцы начали пересмотр своих воззрений в сторону некоторых уступок марксизму, стремясь эклектически соединить марксизм с наро-

довольчеством. В апреле 1894 г. народovolьцы были разбиты охранкой (среди арестованных был видный впоследствии большевик М. С. Ольминский, недавно умерший). Тем не менее группа продолжала существовать, сосредоточив все свои силы на издании революционной литературы (это была единственная группа в Петербурге, имевшая свою собственную подпольную типографию). Дальнейшая эволюция народovolьчества привела его к превращению в эсерство. Народovolьцы половины 90-х годов были ближайшими предшественниками партии социалистов-революционеров¹.

Кружок, называвшийся «партией народного права» и своими корнями уходивший тоже к народovolьчеству 80-х годов, был разгромлен охранкой одновременно с названной выше группой. «Партия народного права» почти совершенно сошла со сцены, хотя следы ее влияния продолжали сказываться еще в течение некоторого времени среди молодежи. Идеино-политическим «наследником» этой партии явилось в начале 90-х годов буржуазно-либеральное «Освобождение», ставшее потом ядром кадетской партии².

Кроме группы «стариков», связанной с рабочими, и кроме одиночек-марксистов, на свой страх и риск заводивших связи с рабочими, существовал еще чисто студенческий марксистский кружок в университете, имевший связи только среди учащейся молодежи и интеллигенции, — кружок Мартова (сам Мартов был выслан из Петербурга летом 1893 г., но сохранял связи с кружком). Из нереволуционных группировок следует отметить совершенно не связанный с рабочими кружок «легальных марксистов» (Струве, Потресов, Классон). Эта группа, не без успеха выдававшая себя за «марксистскую», представляла по существу, как

* Очерки из биографии Ленина. См. «Борьба классов» № 5.

¹ Ленин, Соч., т. V, стр. 163.

² Там же, стр. 164.

это наглядно показала дальнейшая политическая карьера ее наиболее видного члена — Струве, интересы либеральной и прогрессивной буржуазии, пытавшейся подчинить рабочий класс своему идейному влиянию. Наконец в передовой легальной журналистике тон задавали мелкобуржуазные народники (Михайловский, Кривенко, Южак), группировавшиеся вокруг «Русского богатства» и пользовавшиеся почти безраздельным влиянием среди передовой интеллигенции и учащейся молодежи. Вот те основные революционные и прогрессивные, социалистические и демократические группировки и направления, которые Ленин нашел по приезде в Петербург 31 августа (12 сентября) 1893 г.

По дороге из Самары в Петербург¹ Владимир Ильич достал у знакомых нижегородских марксистов рекомендательные письма к студентам-нижегородцам, учившимся в Петербурге и входившим в кружок «стариков». Таким путем состоялось вступление Ленина в этот кружок в сентябре 1893 г.

Из кого же состояла в это время группа? Мемуаристы не всегда дают точные сведения по этому вопросу, смешивая состав группы зимой 1893—94 г. с составом той же группы осенью — зимой 1895 г., когда группа значительно расширилась, пополнилась и выступала как Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса. Собственно «стариками» в группе были С. И. Радченко и Г. Б. Красин, преемственно связанные с группой Бруснева. После разгрома брусневцев Красина выслали из Петербурга, но в следующем, 1893 г., он получил разрешение вернуться обратно в столицу и возобновил свои старые связи. Радченко уцелел от погрома 1892 г. и не был арестован. Он и Красин являлись теми осколками брусневской организации, вокруг которых, как около естественного центра, начала группироваться революционно настроенная марксистская молодежь: Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, П. К. Запороженец, М. К. Названов², А. А. Малченко; все семь, включая Радченко и Красина, были студентами Технологического института. Позже, осенью 1893 г., к этому основному ядру «стариков» примкнули сту-

дент-технолог А. А. Ванеев и студент университета М. А. Сильвин (оба из Н.-Новгорода).

Кружок технологов держался замкнуто по отношению к остальной студенческой массе и по соображениям конспирации старался поменьше привлекать к себе внимание студенчества. В кружке серьезно работали над изучением Маркса (особенно хорошо знали I том «Капитала»), делились мыслями по поводу прочитанного, собираясь на квартире то у того, то у другого из членов кружка, преподавали марксизм (и общеобразовательные предметы) отдельным знакомым рабочим и рабочим кружкам.

Кружок технологов пред'являл к новичкам, желавшим войти в его состав, очень высокие требования в области теории марксизма, опасаясь в противном случае снизить идейно-теоретический уровень кружка. По этой причине состав кружка мало изменялся. Такое же настороженное и пыливое отношение встретил со стороны «стариков» и Ленин, но первое же знакомство с ним показало членам кружка, что в лице Владимира Ильича они имеют крупную теоретическую силу, которая превосходит всех остальных участников кружка. Поэтому Ленин сразу же был принят как полноправный член кружка, а через короткий срок был признан его главой.

доклад Ленина о рынках

Почти все участники Петербургского союза борьбы, писавшие воспоминания о его деятельности, свидетельствуют о громадном значении, которое имел для группы доклад Ленина о рынках, сделанный им в первой половине ноября 1893 г. Обстоятельства, сопровождавшие это выступление Ленина в группе «стариков», поскольку о них позволяют судить воспоминания, таковы. Вопрос о судьбах капитализма в России уже давно стоял в центре внимания передовой интеллигенции и учащейся молодежи. В частности занимала умы поставленная народниками проблема рынков. Выход книги Николая-она (Даниэльсона) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893) еще более обострил этот интерес. Николай-он, как и все народники, доказывал, что капитализм, разоряя

¹ Ленин ехал в Петербург по Волге через Казань и Н.-Новгород, а потом по железной дороге через Москву.

² Осенью 1895 г. уехал во Владимир. После ареста и высылки на юг под гласный надзор

тем самым отрезывает себе путь для дальнейшего развития. Капитализм в России осужден следовательно на жалкое прозябание, и почвы для развития у него нет. Ленин считал необходимым, чтобы кружок занял в этом вопросе определенную позицию. Красин, только что проштудировавший II том «Капитала», взялся прочесть в кружке реферат о рынках, связав эту тему с «Капиталом» и книгой Николая-она. В результате возникла интересная дискуссия, сыгравшая роль «поворотного пункта» (Сильвин) в истории кружка. Борющимися сторонами в дискуссии оказались Красин и Ленин, к которому присоединились остальные члены кружка.

Ознакомившись с точкой зрения Красина, Ленин выступил в кружке с решительной критикой его взглядов, воспользовавшись этим рефератом для того, чтобы дать новое направление работе кружка, деятельность которого до появления Ленина носила чисто академический, «культурнический» характер, как сказано у одного из мемуаристов. Тетрадка, содержащая реферат Владимира Ильича, циркулировала позже среди «своих»: Красин послал и ее и свой реферат в Тулу, к брату Леониду; до нас эта тетрадка — первая работа Ленина в Петербурге — не дошла. Не сохранился и реферат Красина. Отсутствие материалов не позволяет поэтому восстановить чисто теоретическое содержание обоих докладов. Некоторые мемуаристы пытались сделать это, по памяти конечно, но их попытки нельзя считать успешными. Даже Красин, свидетель для нас чрезвычайно интересный, отказывается за давностью времени сколько-нибудь обстоятельно охарактеризовать содержание доклада Владимира Ильича. Приходится ввиду отсутствия документальных данных ограничиться тем бесспорным положением, что теоретические взгляды Ленина по вопросу о рынках были повторены и развиты им затем в «Друзьях народа», которые он начал писать через 2-3 месяца после дискуссии, и в последующих работах, особенно в работе против Струве.

Если у нас слишком мало материалов, чтобы пытаться воспроизвести чисто теоретическое содержание реферата Ленина, то их однако вполне достаточно для того, чтобы распознать и определить те разные политические тенденции, которые боролись в дискуссии и которые были представлены Красиним с одной стороны, Лениным — с другой. Мемуарная литерату-

ра дает необходимые для этого данные хотя бы в виде разбросанных там и сям случайных замечаний и намеков, которые надо только собрать и суммировать. Реферат Красина страдал сугубой теоретичностью, академизмом, отрывом от действительности, неумением всесторонне применить «отвлеченную» теорию Маркса к тем экономическим отношениям, которые складывались и развивались в России. Но это — еще победы. Основной недостаток доклада Красина состоял в том, что он был проникнут «объективизмом», видящим в процессе исторического развития только неизбежную смену «фаз развития» и игнорирующим «роль масс, роль пролетариата»¹. В своих рукописных воспоминаниях Красин наивно замечает, что вопрос о рынках для него как для технолога, будущего инженера «имел почти что шкурный характер». «Пойдет ли развитие капитализма, придется ли нам (!!) участвовать в создании промышленных предприятий?» — спрашивал себя Красин и отвечал на эти вопросы утвердительно. Из изучения «Капитала» он извлек для себя ту мысль, что «фаза» феодализма неизбежно должна смениться (и сменяется в России) «фазой» капитализма, а капитализм таит в себе «возможности беспредельного развития». Эти «возможности» пленяли Красина и ту часть марксистствующей интеллигенции, которая рассчитывала в марксизме, идеологии революционного пролетариата, найти оружие для борьбы с народничеством во имя победного шествия капитала, во имя торжества буржуазного прогресса. Известная книга Струве, виднейшего представителя «легального марксизма», позднее дала теоретическое обобщение и обоснование тем настроениям и взглядам буржуазно-прогрессистского порядка, которые давно уже бродили среди части интеллигенции. Эти тенденции буржуазной апологетики и преклонения перед буржуазной индустриализацией России отразились и в докладе Красина, из кругозора которого совершенно выпадали борьба классов и классовые интересы пролетариата. Вот почему Ленин напал на доклад Красина, найдя в нем, по признанию самого Красина, «некоторый политический уклон». Это был несомненно уклон в сторону легального марксизма. Реферат Красина являлся, можно сказать, одним из наиболее ранних и «несовершенных», «незрелых»

¹ Крупская, Воспоминания о Ленине, т. I, стр. 5.

проявлений легального марксизма. Меньше чем через год после этого Струве вывел на политическую арену легальный марксизм уже во всеоружии, во всем блеске «науки».

Ленин подошел к проблеме рынков совершенно иначе. Дело вовсе не в том, чтобы констатировать неизбежность капитализма и его способность к «беспредельному развитию», а в том, чтобы показать, как в действительности развивается капитализм в России, как процесс развития рынков связывается с разложением крестьянства на богатей и бедноту, с развитием в среде крестьянства классовых противоречий, а главное надо подходить к этим процессам с точки зрения определенного класса, именно рабочего класса, а не с точки зрения абстрактных схем, затушевывающих и скрадывающих классовые противоречия. — вот какова была точка зрения Ленина. «В его реферате, — говорит Красин, — приводились статистические данные о расстройстве натурального хозяйства, выявлялась картина науперизации населения, подводились итоги фактической роли капитала в народном хозяйстве того времени». Еще определеннее свидетельство Крупской: «Вопрос о рынках ставился (Лениным) архиконкретно, связываясь с интересами масс; чувствовался во всем подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии». Не наше дело беспокоиться о том, сумеет ли создать буржуазия себе рынок или нет, говорил Ленин; наша задача, задача пролетарских революционеров, заключается в том, чтобы «вызвать к жизни массовое рабочее движение в России»¹.

Значение выступления Ленина, его доклада и речей, оставивших среди членов кружка «яркое впечатление неопровержимости»², состояло прежде всего в том, что Ленин парализовал возможность беспрепятственного просачивания в идеологию кружка буржуазно-прогрессивистских тенденций, хотя бы и в таком, на первый взгляд чисто «теоретическом», вопросе, как проблема рынков. Налет доктринерства, имевшийся в деятельности кружка, книжный, академический подход к проблемам, интересовавшим марксистов, был устранен. Во-вторых, Ленин повернул членов кружка от академического штудирования «Капитала» (это

штудирование рассматривалось некоторыми членами кружка как нечто самодовлеющее, как самоцель; в таком духе воспитывались и те рабочие, с которыми были связаны «старики») к необходимости изучения и освещения на основе «Капитала», на основе марксовой теории русской общественно-политической и экономической действительности, к преобразованию которой должны быть направлены усилия революционных марксистов. Ленин считал необходимым теоретически осветить все важнейшие стороны русской жизни и тщательно изучить тот плацдарм, на котором развернутся классовые бои русского пролетариата и на котором предстоит действовать русской революционной социал-демократии. В «Друзьях народа» Ленин подробно указал революционным марксистам их задачи в области теории. Марксисты, писал там Ленин, должны прежде всего организовать «конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития», затем «вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками», и наконец «дать цельную картину нашей действительности как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся в этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»³. Реферат Ленина о рынках давал образец постановки и разрешения этих задач и указывал направление, в котором должна работать теоретическая мысль «стариков». Осуществленный Лениным поворот в деятельности кружка «стариков» сделал возможным в дальнейшем превращение этого кружка в руководящее ядро Петербургского союза борьбы.

Надо иметь в виду, что Красин до приезда Ленина являлся весьма видной фигурой в кружке, пользовался в нем большим влиянием, считался в кружке первым лицом или по крайней мере вторым, если первым считать Радченко. Поэтому «поражение» Красина — эпизод в истории кружка не маловажный. Действительное значение «уклона» Красина обнаружилось не позднее чем через год: как только началось массовое рабочее движение и «старики» встали на

¹ Сильвин, См. журнал «Пролетарская революция» № 7 (30) за 1924 г.

² Невзорова-Шестернина, См. журнал «Пролетарская революция» № 1 за 1930 г.

³ Соч., т. I, стр. 191. Разрядка наша.

туть поддержки этого движения, Красин поспешил выйти из группы.

Кроме реферата о рынках Ленин в первой половине следующего года делал в кружке доклад на тему о крестьянских вынужденных арендах (по поводу книги того же названия профессора-народника Карышева); позднее, может быть осенью 1894 г., — доклад о народничестве на основе уже отгектографированных «Друзей народа».

выступление Ленина против В. В.

Еще до того, как Михайловский начал открытую борьбу против марксистов на страницах «Русского богатства», Ленин дал бой одному из столпов народничества, пресловутому В. В. (В. П. Воронцов), на нелегальной вечеринке в Москве. Сюда Ленин приехал в декабре к родным на рождественские праздники и провел здесь «две-три недели». Как раз в это время в Москве происходил многолюдный съезд врачей и естествоиспытателей; среди участников съезда был ряд представителей земского «третьего элемента» (статистики, врачи, учителя), либеральной и радикальной интеллигенции и др. Только что возникшая во главе с Натансоном партия «Народного права» воспользовалась съездом и наплывом «иногородних», чтобы устроить нелегальную вечеринку, которая и состоялась 9 января 1894 г. На эту вечеринку попал и Владимир Ильич, попал довольно случайно, получив билет от знакомых. Собрание мало интересовало Владимира Ильича, и он пошел на него с неохотой. Подавляющее большинство присутствовавших состояло конечно из народников, народолюбцев, народоуправцев (в том числе В. В. Тютчев — один из организаторов «Народного права», впоследствии видный эсер, будущий лидер эсеровской партии Чернов и др.). Из марксистов были: Ленин, Старков, Лядов, А. И. Ульянова, студент Давыдов. За исключением нескольких человек никто Владимира Ильича на этой вечеринке не знал.

Центром внимания собравшихся был «солидный народник» Воронцов (ему в это время было около 45 лет), к которому присутствовавшие на вечеринке народники относились с большим почтением, и вечеринка открылась его вступительной речью. Однако на этот раз «нагорная проповедь»

Воронцову решительно не удалась благодаря присутствию марксистов, немедленно давших отпор Воронцову и превративших созванную для пропаганды народничества вечеринку в дискуссионное собрание с явным успехом на стороне марксистов.

Вот как описывает А. И. Ульянова выступление Владимира Ильича против Воронцова. Во время речи Воронцова Владимир Ильич, «тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruff'ов¹, заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово. Смело и решительно со всей пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него, как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения старшего собеседника не смущали брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и наконец стушевался. Марксистская часть молодежи торжествовала победу»².

Это превосходное описание выступления Владимира Ильича и произведенного им впечатления необходимо дополнить одной подробностью: Владимир Ильич, повидимому, не был первым оратором, получившим слово после речи Воронцова, до него говорил еще один марксист — Давыдов, но кажется не особенно удачно. Об этом мы знаем из одного полицейского документа того времени. Дело в том, что среди приглашенных на вечеринку оказался тайный агент охранного отделения, следивший за Давыдовым. Шлик тотчас же донес своему

¹ Замечания с мест.

² Журнал «Пролетарская революция» № 2 (14).

начальству о споре на вечеринке марксистов с народниками и об участии в дискуссии интересовавшегося охранку Давыдова. Основываясь на донесении шпика, московский обер-полицмейстер 20 января сообщил департаменту полиции, что в ходе полемики Воронцова с Давыдовым на вечеринке Воронцов «вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела»¹. Не доверять этому сообщению нет основания.

О громадном впечатлении, произведенном речью Ленина, упоминают кроме А. И. Ульяновой Голубева-Яснева (в то время «якобинка»), Лядов, которого, как и всех других присутствовавших, Владимир Ильич «поразил своей ученостью»², Сильвин, Старков. На другой день после выступления Ленина участники вечеринки говорили Старкову, что «такой бешеной страстности и внутренней стойкости и убежденности им не только не приходилось видеть, но они и не представляли себе возможным ничего подобного. Наряду с этим они должны были отметить, что и такой стальной логики им также не приходилось встречать»³.

Выступление Владимира Ильича на этой вечеринке было настолько ярким и значительным, что оставило след в памяти не только друзей, но и противников. О речи Ленина помнит например Чернов. Ждать беспристрастия от неудачливого председателя контрреволюционной учредилки, которому столько «обид» наносили на протяжении всей его политической карьеры большевики и Ленин, было бы конечно наивно. Однако даже из изложения Чернова ясно видно, что выступление Ленина вызвало большое смятение среди присутствовавших на собрании народников. Тот же Чернов рассказывает, что Воронцов с «большим

азартом налетал» на Ленина, а Владимир Ильич, который «производил приемами спора в общем весьма благоприятное впечатление», возражал Воронцову «очень успешно, деловито, слегка насмешливо и хладнокровно»⁴.

Марксисты могли поздравить себя с крупной победой в московских революционных кругах и в кругах учащейся молодежи, среди них марксизм завоевал себе новых сторонников. Московское выступление Ленина рикошетом отозвалось и в Петербурге, способствовав и здесь упрочению престижа марксизма и марксистов.

В революционных и марксистских кругах выступление Ленина вспоминали даже полтора года спустя: когда Мартов приехал в Петербург осенью 1895 г., ему рассказывали подробности выступления Владимира Ильича против В. В. «Речь имела успех» — передает Мартов слышанные им тогда отзывы.

легальный марксизм

В половине 90-х годов марксизм получил значительное распространение среди интеллигенции и учащейся молодежи. В этот период «марксистами» были и такие люди, как Струве (впоследствии либерал, один из идейных вождей кадетской партии, министр Врангеля), Потресов (один из лидеров меньшевизма, видный ликвидатор, после Октября — проповедник интервенции против СССР), Туган-Барановский (буржуазный профессор, министр контрреволюционной Украинской рады). Эти господа считались марксистами не только в «обществе» и среди революционно настроенной молодежи: марксистами признавали их и работавшие в подполье социал-демократы. Название «легальных марксистов», т. е. фальсификаторов марксизма, бравших из учения Маркса только то, что приемлемо для буржуазии, и отвергавших его революционную сущность, эта, по существу буржуазная, публика получила позже, несколько лет спустя, когда в ходе революционной борьбы пролетариата она полностью обнажила свою контрреволюционную природу. В период, предшествовавший возникновению массового рабочего движения, в период формирования идеологии революционного пролетариата Ленин сразу же, раньше, чем

¹ «Ленин в 1894 г.» (журнал «Красная летопись» № 1/10 за 1924 г.).

² М. Лядов, Мои встречи с Лениным (журнал «Красная гвардия» № 2-3 за 1924 г., стр. 41).

³ Между прочим Ленин не знал, что его оппонент — В. В. Говорят, что когда Владимир Ильич, уходя с собрания, узнал об этом, он остался недоволен. Вероятно не считал В. В. в этот период серьезным противником, на борьбу с которым марксистам следует затрачивать силы. Михайловский, подновивший народническое мировоззрение, был куда опаснее В. В. с его допотопными воззрениями. Поэтому-то Ленин вскоре занялся именно Михайловским.

⁴ В. М. Чернов, Записки социалиста-революционера, стр. 182.

кто бы то ни было, распознал (за несколько лет до «бернштейниады»), что Струве — не марксист, что Струве только маскирует свои буржуазные взгляды марксизмом. А ведь Струве в это время считался восходящей звездой марксизма! В радикальных и революционных кругах на него смотрели как на марксистский авторитет!

Более того, Струве был не только «марксистом», но и «социал-демократом»: он написал манифест, изданный от имени I съезда РСДРП (1898), и как представитель русской социал-демократии присутствовал на одном из конгрессов II интернационала. Но не все то золото, что блестит, и Ленин пылливо и недоверчиво присматривался к деятельности умного и изворотливого Петра Бернгардовича, не без успеха притворявшегося марксистом.

С легальными марксистами Ленин лично познакомился на маслянице 1894 г. на квартире инженера Классона (известного своей деятельностью в области гидроторфа при советской власти). На собраниях у Классона постоянно бывали Струве, Туган-Барановский, Потресов, Я. П. Коробко, архитектор С. М. Серебровский, О. К. Григорьева, Шевлягин. Из революционных марксистов иногда заходили С. И. Радченко и Крупская. Для Ленина был вполне ясен буржуазный характер воззрений Струве и его группы. Тем не менее он интересовался «струвистами» и встречался с ними у Классона, на собраниях у которого Владимир Ильич «был наиболее яркой фигурой, и тогда уже намечалась непримиримость его в целом ряде вопросов»¹. Группа Струве выступала против народничества, беря аргументацию для его критики из марксистского арсенала; поэтому Ленин смотрел на эту группу как на возможного союзника революционных марксистов, которого можно использовать в борьбе против народнического мировоззрения, господствовавшего над умами передовой молодежи и в данный период являвшегося главнейшим препятствием к распространению и упрочению марксистской идеологии.

В своей литературно-политической деятельности Ленин «блокировался» со Струве, поддерживал его и поощрял постольку, поскольку Струве выступал против народ-

ников. Ленин критиковал Струве и отмежевывался от него постольку, поскольку Струве выступал с «поправками» к марксизму как ревизионист и буржуазный апологет. Эту двусторонность тактики Ленина в отношении Струве и его группы обязательно надо иметь в виду. Хорошо известна критика Лениным наделавшей много шума антинароднической книги Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (осень 1894 г.). Но обыкновенно забывают, что грань между Струве и революционными марксистами Ленин провел еще раньше — в «Друзьях народа». Ведя там резкую борьбу против народнических столпов и беря попутно под свое прикрытие выступавшего против народников Струве, Ленин одновременно оговаривал, что он однако не считает Струве вполне своим единомышленником, отмежевывался от него. В «Друзьях народа» мы находим прямое заявление Владимира Ильича о том, что он «солидарен не со всеми, высказанными им (Струве), положениями», и потому «защищать» всю «его статью целиком» он, Ленин, не намерен (речь идет об одной антинароднической статье Струве в немецкой с.-д. печати правого крыла)². Таким образом уже в своем первом литературно-политическом выступлении Ленин достаточно ясно давал понять, что революционные марксисты не считают господина Струве вполне «своим», что между ними и Струве пролегает некая грань, характер и глубина которой зависят от дальнейшей эволюции Струве. Таков первый этап во взаимоотношениях Ленина (петербургских революционных марксистов) со Струве и его группой.

Второй этап связан с выходом в свет названной выше книги Струве, которая встретила значительный интерес со стороны марксистов и вызвала большое возбуждение в народническом лагере. Большинство социал-демократов сочло взгляды, развивавшиеся Струве, доподлинно марксистскими. Мартов например, проживавший в это время в Вильно, был твердо убежден, что книга Струве — это «символ веры» русских марксистов³. Такую же оппортунистическую близорукость проявил и Плеханов, «не заметивший» ревизионизма

¹ Классон, См. журнал «Красная летопись» № 2 (13) за 1925 г.

² Соч., т. I, стр. 202.

³ Мартов, Записки с.-д., стр. 236.

Струве¹. Иную позицию в этом вопросе заняли петербургские революционные марксисты во главе с Лениным, сразу же увидевшим ревизионистский характер книги Струве. Когда Струве и его единомышленники, окрыленные успехом книги, тогда же, осенью 1894 г., выдвинули вопрос о совместном литературном выступлении марксистов различных направлений против народников, Ленин охотно согласился на переговоры, но поставил предварительным условием совместного выступления полную свободу критики «струвистов» революционными марксистами. И позже, в период «Искры» например, Ленин любил повторять, что прежде чем «объединяться, надо сначала размежеваться». Это правило он проводил и в петербургский период своей деятельности. Соглашение со «струвистами» было допустимо только в том случае, если революционным марксистам будет обеспечена возможность высказать свою точку зрения на «струвизм» целиком, без всяких урезок. Группа Струве пошла на это условие. Дискуссию решили вести в организованном порядке, для чего был устроен ряд собраний, на которых присутствовали от революционных марксистов Ленин, Старков и Радченко, от легальных — Струве, Потресов и Классон. На этих-то дискуссионных собраниях Ленин читал свой направленный против Струве доклад, которому дал знаменательное заглавие: «Отражение марксизма в буржуазной литературе». В докладе Ленин жестоко критиковал Струве, показывая ревизионистский, буржуазный характер его отклонений от марксизма. Струве защищался. Интересные подробности этой дискуссии передает Старков: «Споры доходили до самых глубин исторических и экономических проблем и в конечном счете велись почти исключительно между

¹ Плеханов считал себя непримиримым блюстителем марксистской ортодоксии, а на деле он как самый типичный центрист отлично мирился с ревизионизмом Струве в течение ряда лет. Впервые Плеханов решился открыто выступить против Струве только в 1901 г. (1), когда эволюция Струве от марксизма к открытому либерализму приняла настолько явный, бросающийся в глаза характер, что дальнейшее молчание по этому поводу Плеханова, все эти годы продолжавшего надеяться на исправление Струве и превращение его в марксиста (см. ст. Плеханова против Струве в № 1 «Заря»), стало уже совершенно невозможным. С запозданием на 5-6 лет Плеханов придвинулся наконец к позиции Ленина (относительно Струве), но целиком на эту позицию он так и не стал.

Струве и Владимиром Ильичем». Припираемый к стене логикой Ленина Струве начал сыпать цитатами и выкладками из иностранной буржуазной литературы, но это не спасало положения. «В таких случаях Владимир Ильич забирал томы материалов у Струве или находил их в Публичной библиотеке и на следующее заседание, всего лишь через один или два дня, являлся во всеоружии, вполне владея этим материалом и давая нам блестящий и глубокий анализ его».

Дискуссия наглядно показала наличие «глубокого расхождения во взглядах» революционных марксистов и струвистов. Два направления в русском марксизме определились с полной очевидностью. В то же время известная общность взглядов делала возможным совместное выступление обоих направлений против общего врага — народнического мировоззрения. Это совместное выступление решено было осуществить в виде издания легального марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» со статьями Ленина, Плеханова, Струве, Потресова, В. Ионова (саратовский марксист) и П. Скворцова (нижегородский марксист) — оба последние были привлечены к участию в сборнике Владимиром Ильичем. Практическое осуществление этого литературного предприятия взял на себя Потресов, которому незадолго до этого, в декабре 1894 г., удалось легально выпустить знаменитую работу Плеханова (Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Марксистский сборник был напечатан в апреле или мае 1895 г.; царские цензоры, усмотрев в сборнике крамолу, сначала задержали распространение его, а потом сожгли сборник. Удалось однако выкрасть у цензоров около сотни экземпляров, которые потом тайно ходили по рукам. Выпуск сборника был крупным литературным событием того времени. Несмотря на усилия царских слуг, сборник, читавшийся и перечитывавшийся в революционных и марксистских кругах и кружках, сыграл крупную роль.

«Гвоздем» сборника явилась статья Ленина против Струве (и отчасти против народников) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». В основу статьи, подписанной псевдонимом «К. Тулин», лег уломинавшийся выше реферат Владимира Ильича. Та резкая критика, которой подвергся Струве со стороны Ленина, тот «толчок влево», который был

дан ему Лениным и петербургскими социал-демократами во время дискуссии, не остался безрезультатным, и в сборнике Струве занял уже гораздо более «левую» позицию, чем в своей книге. Временный блок с легальными марксистами, блок, в котором гегемония целиком принадлежала революционному марксизму, сослужил свою службу пролетариату. «Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризованном виде)»¹. Блок с легальными марксистами дал возможность революционной социал-демократии разгромить своего ближайшего врага в идейной области, в области легальной литературы и публицистики — реакционное народническое мировоззрение, дал возможность широко распространить идеи марксизма в обществе и привлечь на свою сторону лучшие, наиболее передовые элементы интеллигенции. На протяжении всего своего развития наша партия неоднократно заключала временные соглашения и союзы с различными политическими течениями, направлениями и партиями для достижения известных целей. Литературно-политический блок с легальными марксистами был первым опытом этого рода, первым проявлением замечательного маневренного и тактического искусства Ленина и большевиков. Этот исторически законный блок вполне оправдал себя. Результатом применения блока явилось завоевание революционным марксизмом новых позиций, его победное продвижение вперед. Недаром российские черносотенцы, коллеги Струве по эмиграции, до сих пор не могут простить ему того факта, что в давно прошедшие времена Струве был использован революционными марксистами и тем самым против своей воли косвенно содействовал на известном этапе ненавистным большевикам.

связи с отдельными рабочими

Ко времени приезда Ленина в Петербург марксизм уже заметно начинал вытеснять народофильскую идеологию из сознания передовых петербургских рабочих, которые в тот период насчитывались пока еще только единицами и десятками. Всех действительно сознательных рабочих Петербурга можно было буквально пересчитать по паль-

цам, настолько еще незначителен был этот слой к зиме 1893—94 г. Большинство «распропагандированных» рабочих, входивших в кружки, знало друг друга в лицо и по именам. К весне 1894 г. поворот в сторону марксизма среди передовых рабочих определился вполне. Ряд дискусионных собраний передовых рабочих и революционной интеллигенции — народофильской и социал-демократической — показал значительный упадок влияния народофильцев среди рабочих, а последовавший затем разгром народофильской организации царской охранкой еще более ослабил позиции народофильцев в рабочем классе.

Судя по мемуарной литературе, можно с известным основанием полагать, что во второй половине 1893 г. Ленин занятий в рабочих кружках не вел². Пропагандой в кружках он начал заниматься с осени 1894 г., может быть с весны того же года, но не раньше. По словам Крупской, «в 1893—1894 гг. Владимир Ильич завязывал, главным образом, связи; работа в кружках относится, главным образом, к осени 1894 г. и к 1895 г.»³.

«Характерной чертой Владимира Ильича, — рассказывает В. А. Шелгунов, один из выдающихся петербургских рабочих этого периода, прошедший долгую школу политической работы и пользовавшийся большим влиянием среди сознательных рабочих, — было стремление выуживать отдельных способных и подающих надежды рабочих»⁴. Знакомясь с наиболее видными и авторитетными рабочими, Ленин ставил своей задачей выработку из них организаторов и руководителей будущей партии. Занимаясь с ними, обычно с каждым в отдельности, читая и комментируя им наиболее интересные произведения экономической литературы, беседуя на актуальные темы, Ленин расспрашивал в то же время посещавших его рабочих об их «работе, о настроении рабочих, об отношении администрации и часто заставлял излагать ответы в письменной форме»⁵. Завязывание связей с отдельными выдающимися рабочими, марксист-

² В этот период еще не у всех членов группы «стариков» были кружки, вероятно потому, что слишком мало было сознательных рабочих и их не хватало для организации новых кружков. Достоверно известно, что кружка не было, например у Г. Красина, по видимому не было его и у Старкова (см. А. Финшер, «В России и в Англии», 1922 г., стр. 19).

³ Из заметки Н. Крупской от 18 I 1931 г.

⁴ Сборник «Об Ильиче», стр. 109, 2-е изд.

⁵ Там же.

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 374.

Иван Бабушкин

ская «обработка» их, подготовка в лице этих пока еще «одинок» руководящих кадров партии, ее актива, ознакомление через «одинок» с положением рабочей массы и ее настроениями — все это являлось преобладающей формой работы Владимира Ильича среди рабочих зимой 1893—94 г.

Восстановить всю «сеть» связей Владимира Ильича, определить, когда именно и с кем он завязал знакомство, нельзя, нет материалов. Одним из первых рабочих, с которым Ленин познакомился (через Г. Красина) и с которым поддерживал постоянную связь, был названный выше Шелгунов (р. 1867 г.), ставший впоследствии крупным работником петербургской социал-демократической организации (Петербургского союза борьбы). При свидании с Лениным Шелгунов назвал ему ряд видных петербургских рабочих (К. Норинский, А. Фишер, И. Кайзер), с которыми стоило завязать знакомство, и при одном из следующих посещений Владимира Ильича привел с собой Фишера. Обоим им Ленин читал, переводя с немецкого, книгу Бруно Шенланка о синдикатах и трестах. О высоком умственном уровне передовых рабочих этого времени, много занимавшихся своим развитием, свидетельствуют беседы и занятия Владимира Ильича с Шелгуновым и Фишером о книгах Николая-она «Очерки нашего пореформенного

хозяйства», Парвуса «О рынках» и др. Так же завязались связи с другими рабочими, с С. Фунтиковым например, А. П. Ильиным (арестован в августе 1897 г.; с ним Владимир Ильич познакомился через Сильвина), с И. И. Яковлевым (с ним Ленин изучал «Капитал» Маркса; в декабре 1895 г. Яковлев был арестован). Вот и все сведения, которые можно найти в литературе относительно более или менее постоянных связей Ленина с отдельными рабочими зимой 1893—94 г. (знакомство с Яковлевым относится впрочем уже к осени 1894 г.).

Большинство названных выше рабочих принимало участие в движении сравнительно давно, с начала 90-х годов (частью с конца 80-х годов). Это были первые социал-демократические рабочие, пионеры марксизма и социал-демократизма, защищавшие в рабочих низах новое еще тогда учение марксизма от критики и нападков народо-вольцев. Некоторые из них (Фишер, Фунтиков, Норинский, Кайзер) были взяты полицией во время больших апрельских арестов 1894 г. Другие, как Шелгунов, Яковлев, Ильин, продолжали принимать участие в движении и стали членами Петербургского союза борьбы, так же как и Бабушкин, Б. Зиновьев и П. Карамышев, совсем молодые энергичные рабочие, с которыми Ленин познакомился несколько позже, в период, когда работа группы начала интенсивно развертываться.

пропаганда в рабочих кружках

С осени или конца лета 1894 г. Ленин начал вести пропаганду в рабочих кружках за Невской заставой. Один из этих кружков, организованный Шелгуновым, собирался на квартире рабочего Семянниковского завода Ивана Васильевича Бабушкина (1873—1906 гг.), которого Ленин очень уважал и ценил. И в позднейшие годы Бабушкин был особо близок к Ленину. Это был «крупный партийный работник, гордость партии, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу», — так характеризовал Ленин Бабушкина в 1910 г., когда впервые узнал, что пропавший без вести после революции 1905 г. Бабушкин был расстрелян в 1906 г. в Сибири генералом Ренненкампфом¹. Во время пребывания Ленина в Петербурге Ба-

¹ Соч., т. XIV, стр. 396.

Бушкин был активнейшим членом Петербургского союза борьбы и по праву должен считаться одним из основателей и строителей нашей партии.

В кружок Бабушкина кроме него самого входило еще пять рабочих, в том числе вероятно И. Костин, близкий друг Бабушкина, тоже с Семянниковского завода. Костин в конце года был арестован и выслан. Из других участников кружков за Невской заставой, в которых работал Ленин, Крупская называет кроме Бабушкина еще Боровкова, П. Грибакина, А. Бодрова, Ф. Бодрова и Жукова (два первых впоследствии были арестованы по делу Петербургского союза борьбы). Входили ли эти товарищи в кружок Бабушкина, неизвестно. Вообще нет точных данных о количестве кружков, которые Ленин вел систематически или периодически навещал зимой 1894-95 г. Нет сведений об их личном составе (в каждый кружок обыкновенно входило 5-6-7 рабочих), программе и продолжительности занятий. Совершенно бесспорно лишь существование кружка Бабушкина, о котором последний говорит в своих воспоминаниях, и факт ведения Лениным кружковых занятий зимой 1894—95 г. за Невской заставой, но материалы об этой работе крайне скудны.

В мемуарной литературе имеются данные о других кружках, которые еще вел Ленин, но крайне трудно определить, какие из этих кружков следует отнести к зиме 1894—95 г., а какие к осени и зиме 1895 г. Можно считать почти бесспорным существование кружка, организованного рабочим В. А. Князевым, арестованным потом по делу Петербургского союза борьбы. В кружок входили: Князев, А. П. Ильин (арестован в 1897 г.), Астафьев, Крылов и Нилян-дер. Князев и Ильин оба работали в мастерской и в порту нового адмиралтейства, как раз там, где в феврале 1895 г. вспыхнули волнения среди рабочих. По словам Князева, занятия в кружке начались «летом». Если Князев не ошибается, то в таком случае это был конец лета 1894 г. Это тем более правдоподобно, что и охранка начала замечать оживление в работе социал-демократов как раз с середины 1894 г., когда, по ее сведениям, образовалась «центральная группа», ставившая своей задачей «пропаганду среди рабочих противоположительных идей и образование ряда тайных рабочих кружков с целью выработать сплоченную, организованную силу для борьбы с капиталистами и правительством». Занятия

в кружке Князева велись раз в неделю. Повидимому кружок работал и зимой 1894—1895 г.

Тот же Князев называет еще кружок, который вел Ленин на квартире рабочего П. Дмитриева, и кружок, собиравшийся у Крочкина-Федорова. Шелгунов тоже упоминает о работе Ленина в кружках на Васильевском острове, но вероятно эти кружки возникли и работали осенью — зимой 1895 г. По сведениям охраны, Ленин в первой половине 1895 г., до своей болезни и отъезда за границу, руководил кружком в гавани. Кружок возник в конце 1894 г., собирався на квартире рабочего завода «Сименс и Гальске» И. И. Яковлева¹.

Посещая кружки зимой 1894—95 г., Ленин в соответствии с установленной «стариками» практикой вел в них занятия по политической экономии, читая и объясняя рабочим «Капитал» Маркса. «Капитал» проходил и в других кружках «стариков». Отсюда видно, насколько высок был уровень слушателей кружков и насколько были серьезны предъявляемые к ним «стариками» требования. Французский социалист Лафарг, с которым Ленин познакомился в Париже, с удивлением и даже недоверием слушал рассказы Владимира Ильича о том, как в подпольных кружках читают и изучают Маркса передовые русские рабочие. Лафаргу казалось, что «Капитал» рабочим недоступен и непонятен.

Из воспоминаний ученика Ленина Бабушкина известно, что Ленин излагал рабочим учение Маркса «словесно, без всякой тетради». С целью побудить их к самостоятельному обсуждению вопросов политической экономии и классовой борьбы Владимир Ильич «подзадоривал», как говорит Бабушкин, слушателей к высказыванию и защите своего мнения, «заставляя одного рабочего доказывать другому справедливость своей точки зрения». В результате завязывалась оживленная дискуссия. При такой системе пропаганды слушатели не

¹ К показаниям мемуаристов о работе Ленина в «чужих» кружках приходится относиться с большой осторожностью. Ошибки здесь особенно легки. За давностью времени вполне возможно смешать Ленина с другими участниками Союза, работавшими в кружках: Старковым, Кржижановским и другими, тем более, что фамилии пропагандистов рабочим большей частью были неизвестны и пропагандистов знали только по их кличкам (по словам Князева, Ленин был известен под именем «Николай Петровича», по словам Яковлева он знал Ленина как «Федора Петровича»).

только уясняли себе досконально тот или иной вопрос, но и приучались самостоятельно выступать и говорить, приобретали ораторские навыки.

«Наши лекции,—вспоминал Бабушкин,—носили характер очень живой, интересный; мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора». Тахтарев не был лично знаком с Лениным в тот период, когда Владимир Ильич вел пропаганду в рабочих кружках за Невской заставой, но от Бабушкина слышал восторженные отзывы о новом пропагандисте, пользовавшемся среди рабочих «особым успехом благодаря своим знаниям и своему умению вести дело». Кружковые рабочие питали большое уважение к Ленину «за его мастерское выяснение различных вопросов, связанных с положением рабочего класса и с отношением труда и капитала».

Приведем еще отзыв о пропагандистской и лекторской работе Ленина члена Союза борьбы и товарища Владимира Ильича по работе В. Старкова, который неоднократно наблюдал Владимира Ильича во время его выступлений в рабочих кружках. «Надо

было видеть,—рассказывает Старков,—с каким огромным терпением и чуткостью к уровню понимания слушателей он развивал теорию Маркса о стоимости, об основах буржуазного строя. И надо сказать, рабочие платили ему за это данью огромного уважения и любви».

Чисто пропагандистской деятельностью, разъяснением основ марксистской теории Ленин в рабочих кружках никогда не ограничивался. Приступив к занятиям в кружках, он, как мы уже видели, сразу же начал вводить в круг своих занятий с рабочими элементы актуальности и современности.

Владимир Ильич внимательно присматривался к тем процессам, которые происходили в рабочем классе, и когда в конце 1894 г. обнаружилось первое проявление массового рабочего движения, руководимая им группа «стариков», опиравшаяся на сеть рабочих кружков, оказалась уже вполне подготовленной Лениным к тому, чтобы стать во главе пробуждающихся рабочих масс и повести их вперед, на борьбу с царем и капиталом.

**ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО В РОССИИ—МУЖИК,
ДУМАЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ КРЕСТЬЯНСКОГО
СОЦИАЛИЗМА, НАРОДНИКИ В САМОМ ШИРО-
КОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА.**

**ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО В РОССИИ—РАБОЧИЙ
ДУМАЮТ СОЦИАЛДЕМОКРАТЫ.**

(ЛЕНИН).

Германский фашизм В БОРЬБЕ ЗА НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ МИРА

**внешняя политика
пораженной Германии
до победы фашизма**

Осенью 1918 г. германская армия, опиравшаяся на истощенный тыл, потеряв способность сопротивляться. Безнадежность дальнейшей войны стала ясной даже руководителям германского генерального штаба. Нужно было спасти армию от полного разгрома, а страну — от оккупации войсками Антанты. Наступил период мирных переговоров, закончившийся Версальским договором. Версаль лишил германский империализм части территорий, всех колоний, постоянной армии и возложил на нее бремя репараций. До войны доля Германии в мировой торговле составляла 12,5 проц., а по отдельным отраслям Германия снабжала мировой рынок почти на 100 проц. (например химическая продукция, калий и др.). Сейчас эта монополия почти разрушена. В этих условиях Германия как капиталистическая страна существовать не может. Германский финансовый капитал пошел в свое время на заключение Версальского договора для спасения капиталистической системы в Германии хотя бы ценой внешнеполитической капитуляции. Борьба с надвигающейся революцией отодвинула в сторону все другие соображения. Версальский договор был подписан. Во всех городах Германии водворились французские военные контрольные комиссии. Значительная часть германских офицерских кадров, не имевшая возможности попасть в ряды рейхсвера, пошла в добровольческие корпуса контрреволюции, а потом через несколько лет в ряды гитлеровских штурмовых отрядов.

До 1923 г. внешняя политика Германии носила оборонительный характер. Она была направлена главным образом против попыток французского империализма расширить рамки Версаля путем окончательного захвата Рейнских провинций. Руководящие германские круги прекрасно знали, что французский империализм считает свою задачу незаконченной, что он попытается при первом удобном случае заковать Германию

в дополнительные стальные кольца. В то же время приходилось учитывать, что Восточная Пруссия находится под постоянной угрозой польского удара. Германская буржуазия делала главную ставку на Англию. Она понимала, что если Франция не пошла на оккупацию Германии в целом и на ее окончательный разгром, то решающую роль в этом сыграла Англия, не желавшая сто процентного использования Францией своей победы. Наступил период «английских надежд». Однако уже в это время с германской стороны делались попытки сговора с Францией. Рейнские промышленники устанавливали контакт с французскими металлургическими группами. После этого наступил рурский конфликт, начавшийся с отказа Германии выполнять часть версальских обязательств.

После рурского этапа Германия вновь переходит к оборонительной политике. Английский и американский капитал направляется золотым потоком в Германию и финансирует выполнение ею репарационных обязательств. Германия оплачивает эту помощь добровольным отказом от Эльзас-Лотарингии, оставляя за собой однако право снова выдвинуть требование ревизии восточной границы. Германия в этот период надеется при помощи соглашения с Францией добиться пересмотра границ с Польшей, возвращения Польского коридора и Верхней Силезии. Германская буржуазия готова на время отказаться от самостоятельной империалистической политики и пойти на служебные, подчиненные роли к антантовскому империализму. На этот период падают новые репарационные соглашения.

В большой игре, ведшейся в это время германской буржуазией, Советскому союзу уделялось весьма серьезное место. В начале 1919 г. Германия пыталась включиться в антисоветский фронт, но, убедившись в невозможности добиться успеха по этой линии, она изменила политику и подписала с СССР Раппальский договор, на котором строились дальнейшие советско-германские отношения. Германская буржуазия была

ислугана возможностью соглашения между Советской республикой и державами-победительницами, в результате чего на свет появилась так называемая восточная ориентация Германии. Наступил период, когда были заключены германо-советские договоры 1925 и 1926 гг. (Берлинский договор), установлены тесные экономические отношения, давшие германской промышленности крупные советские заказы, сыгравшие огромную роль в развитии германского народного хозяйства.

Раздались однако первые удары всеобщего экономического кризиса. В Германии начала нарастать националистическая волна, на гребне которой оказалась национал-социалистическая партия, применявшая методы самой разнузданной националистической демагогии. Экономический кризис ускорил рост ревизионистских тенденций в Германии. Озлобленная масса мелкой буржуазии, раздавливаемая жерновами кризиса, искала объяснения всех бедствий в Версальском договоре. Под давлением кризиса и внешнеполитической активности масс, подхлестываемых национал-социалистической демагогией, германская буржуазия вновь попыталась проводить в жизнь активную политику. Германия добивалась возможности стать равноправным империалистическим партнером Антанты. К этому периоду относятся ее неудачные попытки установить таможенный союз с Австрией и вновь поднять вопрос о пересмотре восточной границы. Впервые было выдвинуто и требование равноправия в вооружениях. Но все надежды германской буржуазии стать полноправным союзником Антанты разбились о твердую линию французской внешней политики.

Одновременно с надеждами на франко-германское сближение большие расчеты в Германии уже в тот период возлагались на использование англо-французских противоречий. О напрасных чаяниях германской буржуазии на поддержку Англии в силу ее противоречий с Францией один из наиболее трезвых политиков Германии, генерал фон-Зект, писал в своей книге «Германия между Западом и Востоком»: «Глубоко ошибочно мнение, что Англия из-за опасения преобладания Франции активно заинтересована в укреплении Германии... Мнение о дружественности Англии по отношению к Германии видимо принадлежит к числу самых прочных предрассудков широких слоев Германии. Подобные расчеты больше лежат в области мечтаний, нежели являются результатом объективного анализа»... «Англия без-

условно не будет вступать из-за Германии в вооруженный конфликт с Францией... В борьбе между Германией и Францией Англия будет проводить линию наименьшего сопротивления».

Германия в годы кризиса бросалась в разные стороны в поисках выхода, но везде находила тупик. Решительно поставить вопрос о ревизии Версальского договора германская империалистическая буржуазия не могла.

Мирный пересмотр Версальского договора в условиях империализма, когда всякий передел мира решается силой, невозможен. Ленин писал об этом: «Пересмотр договоров — либо комедия, либо всемирная революция. Пока империализм останется империализмом, останется и система империалистических разделов и переделов».

Между тем неравномерное развитие капитализма в различных странах изменило соотношение сил между империалистами и поставило в порядок дня новый передел мира соответственно новому соотношению империалистических сил. Последний же возможен в настоящих условиях только в результате новой империалистической войны. Мирная ревизия Версаля, бывшая лозунгом II интернационала, все более становится только прикрытием для подготовки к новой войне. Обострение классовых противоречий внутри отдельных стран еще более обостряет накопившиеся противоречия в лагере империализма. Особенно это верно по отношению к Германии, где германский фашизм стал сейчас не только организатором гражданской войны против пролетариата, но и носителем империалистической войны.

Одновременно в поисках выхода из тупика и изоляции германский фашизм становится открытым вдохновителем антисоветской интервенции, выдвигая план разрешения споров между германским и антантовским империализмом за счет Советского союза.

Переход к новому туру войн и интервенций подготавливается усиленным темпом, и в этом переходе германский фашизм, подхлестываемый нарастающим социальным недовольством масс, пытается сыграть наиболее активную роль.

Проследить основные пружины, пути и перспективы этой активизирующейся империалистической политики германского фашизма на настоящем этапе — задача настоящей статьи.

фашистская программа внешней политики Германии

Внешнеполитическая программа германского фашизма была разработана и зафиксирована еще задолго до прихода Гитлера к власти. Национал-социалисты еще в первые годы существования своей партии исходили в своих общих построениях из внешнеполитических предпосылок. Версальский договор и проигранная война явились с точки зрения национал-социалистов п е р в о п р и ч и н о й острого кризиса германского народного хозяйства, небывалого обострения классовой борьбы, разорения городской мелкой буржуазии и крестьянства, роста гнетущей безработицы. Во всех высказываниях Гитлера, Розенберга и других фашистских политиков красной нитью проходит одна и та же установка: спасение капитализма невозможно на чисто экономических путях, единственный путь — война. Гитлер неоднократно повторяет: «На первом месте должен стоять меч».

После прихода к власти национал-социалисты добились максимального политического успеха, но этот успех ни в какой степени не разрешил жизненной проблемы германского капитализма. Экономический кризис продолжает углубляться. Широкие массы мелкой буржуазии и крестьянства все более настойчиво предъявляют к оплате выданные им германским фашизмом социальные векселя. Поэтому национал-социалисты все в большей степени становятся на путь внешнеполитической активизации, ставя своей задачей всестороннюю подготовку войны. Чтобы понять внешнеполитические маневры германского фашизма в настоящий момент и уяснить себе его тенденции, необходимо более подробно остановиться на программных документах национал-социалистской партии.

Основными произведениями, выявляющими установки национал-социалистов в области внешней политики, являются в первую очередь носящая автобиографический характер книга Гитлера «Моя борьба» и «труды» Альфреда Розенберга «Будущий путь германской внешней политики» и «Миф XX столетия».

Внешнеполитическая программа национал-социалистов исходит из резкой критики довоенной политики гогенцоллернской Германии. В этот период, по мнению Гитлера, Германия должна была выбрать один из двух путей. Первый путь — это была широкая

территориальная экспансия, направленная в первую очередь на Восток. Германия должна была направить острие своей военной мощи против России при одновременном разгроме Франции как основного препятствия, лежащего на этом пути. Вильгельмовская Германия должна была обеспечить себе дружественный нейтралитет Англии, отказавшись при этом от колониальной экспансии и устраняя все, что могло бы обострить англо-германские отношения.

Второй путь является прямой противоположностью первого и рассматривается Гитлером как нецелесообразный и несоответствующий германским национальным интересам.

По второму варианту Германия должна была вбить клин между Францией и Россией, вытеснить Англию с ее позиций и обеспечить себе нейтрализацию России ценою поддержки ее экспансии в Азии. Вильгельмовская Германия, утверждают фашистские политики, совершила роковую ошибку: она избрала самый опасный путь — путь борьбы против Англии и России одновременно. В результате этой ошибочной политики Германия оказалась изолированной и вынуждена была бороться на три фронта, имея против себя не только Францию и Россию, но и самого опасного противника — Англию.

В то же время Гитлер считает ошибкой союз Германии с Австро-Венгрией, этим «габсбургским трупом», который был камнем на шее германской армии и обусловил неизбежность ее военного поражения. Гитлер говорит: «В то время как мощные военно-промышленные страны объединились в агрессивный союз против Германии, мы собрали вокруг себя несколько старых импотентных государств и пытались с этими осужденными на гибель развалинами противостоять мировой коалиции».

Такова национал-социалистская оценка ошибок германской внешней политики довоенного периода. Отсюда непосредственно вытекала основная линия будущей политики германского фашизма. Она сводится к следующему: Германия должна покончить с гибельными установками довоенного периода. Борьба с Англией явилась бы самоубийством. Германская раса не может терять своих лучших сыновей, отправляя их в колонии, отрывая их от «народного сердца» (того, что Розенберг называет «мифом»).

Внешние рынки в условиях кризиса являются слишком шаткой базой для такой страны, как Германия. Национал-социали-

Шахт—председатель Рейхсбанка, один из вдохновителей и идеологов антисоветского курса

мел. Когда мы сегодня говорим о новых землях, то мы думаем только о России и подвластных ей окраинах».

Гитлер в своей книге категорически отвергает требование восстановления границ 1914 г. Он называет этот лозунг бессмысленным, неосуществимым в настоящих условиях, либо означая повторение старых ошибок и войну со всеми соседями одновременно.

Границы 1914 г. для Германии не имеют никакого значения, так как с точки зрения национал-социалистов они ее не устраивают. Германия должна быть обеспечена территорией, «на которой будущее поколение германского народа могло бы рожать своих сыновей. Это оправдывает принесение в жертву теперешнего поколения». «Все разговоры о возвращении священных территорий являются бессмысленными и вредными, соответствующими психологии нашего народа, являющегося громадным тупым стадом баранов» — говорит Гитлер.

Отсюда вытекает следующий тезис внешней политики национал-социалистов — принцип военного союза, ставящего себе целью войну против общего врага, ибо мирных союзов не бывает. Пацифистская политика предшествующих германских правительств

сделала Германию сейчас неполноценным партнером для наступательного союза. Национал-социалистское правительство должно будет стать на путь ускоренной реализации военного союза, отвечающего основным целям германской внешней политики.

Естественным союзником Германии является Италия, толкаемая к тесному сотрудничеству с Германией общностью фашистской идеологии и неудовлетворенностью мирными договорами. Используя итало-французские противоречия, итало-германский союз может реализоваться на почве раздела сфер влияния: Италия получает Балканы и Ближний Восток, Германия — Восточную Европу. Германия должна пожертвовать при этом своими интересами, в особенности в Южном Тироле. Италия сама по себе не может однако обеспечить Германии осуществление ее завоевательных планов. Для этого необходим еще и другой решающий фактор — Англия. Гитлер при этом развивает теорию неизбежности англо-германского союза.

После окончания войны руководящие английские круги поняли опасность полного обессиления Германии и завоевания Францией гегемонии на континенте. Национал-социалистская Германия должна лишь убедить Англию, что ей с германской стороны ни теперь, ни в будущем не угрожает опасность, что Германия уходит с мировой сцены и ограничивается Восточной Европой. Франция в глазах национал-социалистов является воплощением всяческого зла. Гитлер и Розенберг десятки раз называют французский народ негроидами, метисами, «позором для белой расы», народом, обреченным на вырождение и вымирание. Францию нужно заставить отказаться от военной гегемонии в Европе и «освободить» ее вассалов, в первую очередь Польшу и Чехо-Словакию, а Югославию предоставить Италии. При таком условии Германия обещает не добиваться пересмотра западной границы и отказывается от Лотарингии.

Таковы внешнеполитические установки Гитлера. Их дополняют рассуждения главного специалиста национал-социалистов по расовым и внешнеполитическим вопросам Альфреда Розенберга, который доказывает, что только блок Германии, Англии и скандинавских народов может спасти Европу от угрожающей гибели.

«Роковой вопрос о территории и хлебе, — пишет Розенберг, — в прошлом решался

германским народом с мечом в руках. Мечовидные предки носили впереди плуга. Сегодня нам может помочь только испытанное германское оружие». Розенберг далее констатирует: «Для того, чтобы реализовать германские планы на востоке, необходимо уничтожить все препятствия». Он утверждает: «Пока Франция в союзе с чехами и поляками господствует в Европе, наш народ не сможет процветать. Стремление к овладению территориями на востоке означает смертельную вражду с поляками и чехами. В великой борьбе за существование чести и свободы германского народа нельзя считаться с такими жалкими, малоценными и нахальными народами, как поляки и чехи. Их надо уничтожить для того, чтобы плуг германских крестьян мог вспахать землю на благо грядущих поколений».

Основной целью территориальной агрессии германского фашизма являются Польша и Советская Украина. Этот план не изобретен национал-социалистскими стратегами, он полностью заимствован из архива германского генерального штаба периода брест-литовской линии, приведшей к оккупации Украины. Основной стержень фашистской внешней политики является по существу возрождением германского империализма в его последних тенденциях. Еще Людендорф надеялся, что антантовский империализм согласится удовлетворить аппетиты Германии за счет советских территорий. Сейчас эти надежды окрыляют Розенбергов.

Национал-социалисты совершенно открыто говорят, что борьба с большевизмом должна вытеснить Россию из Европы в Азию и содействовать превращению Советской Украины в германскую колонию.

Стратегический план национал-социалистов до прихода к власти таким образом сводился к заключению тесного военного союза с Италией, обеспечению активной поддержки Англии, изоляции Франции, которой будет предоставлен выбор — либо отказаться от поддержки Польши и предоставить ее собственной судьбе, либо начать вооруженную борьбу против англо-германо-итальянского блока. Первым объектом военной экспансии является восток, точнее Советская Украина.

Подготовка войны в области внутриазиатской политики, надежды на использование антисоветских тенденций в капиталистическом мире для возглавления кресто-

вого похода против СССР — это «генеральная линия» германского фашизма, выработанная им еще задолго до прихода к власти.

С таким багажом национал-социалисты 1 февраля 1933 г. превратились в руководящую партию германского финансового капитала, осуществляющую режим террористической фашистской диктатуры.

первые шаги германского фашизма в области внешней политики

Опьяненные успехом, национал-социалисты параллельно с захватом всех командных высот и концентрации в своих руках полностью власти приступили к осуществлению своей внешнеполитической программы. Не учитывая всей сложности империалистических противоречий, со свойственным им авантюризмом они прежде всего перешли к реализации своей антисоветской программы, надеясь, что английская буржуазия поможет фашизму сколотить антисоветский блок. Борьба с коммунизмом в Германии, по планам фашизма, должна перерасти в крестовый поход против Советского союза. Польша должна будет отдать Германии Коридор и Верхнюю Силезию и превратиться в плацдарм для наступления на Советский союз интервенгов, возглавляемых германским фашизмом. Самый Советский союз при этом ими рассматривался лишь как объект территориальной политики фашизма, но не как могущественный военно-политический фактор, который заставит с ним весьма посчитаться в случае попытки перехода от антисоветского проектерства к интервенционистским авантюрам.

Рис. Д. Моора

**Брюнинг — герой
чрезвычайных декретов,
предшественник
открытой фашистской
диктатуры**

Рис. 1. Гросса

Убит во время бегства

Почти с первых дней прихода к власти германские фашисты приступили к развертыванию антисоветской кампании. Последовала серия бесчинств в отношении советских организаций и граждан в Германии. Розенберг обратился с призывом о крестовом походе против СССР. Началась бешеная антисоветская кампания фашистской прессы.

Расчеты национал-фашистов оказались однако построенными на песке. Национал-социалисты совершенно не учли глубины противоречий, раздирающих капиталистическую Европу. Не подлежит сомнению, что в Англии крепнут антисоветские тенденции и усиливаются интервенционистские настроения. В то же время Англия вынуждена считаться с реальной обстановкой. В разрезе борьбы, ведущейся между Великобританией и Соединенными штатами, Германия является третьестепенным фактором, в то время как Франция играет серьезнейшую роль. Английский империализм не может идти во имя поддержки германского фашизма на обострение отношений с Францией. Франция же прекрасно знает, что возродившийся германский империализм представляет угрозу самому существованию Франции, ставящей на карту все достигнутое ею в империалистической войне. Именно поэтому Франция не может оставить на произвол судьбы ни Польшу, первый объект германской агрессии, ни Югославию, разгром которой является основной задачей политики итальянского фашизма.

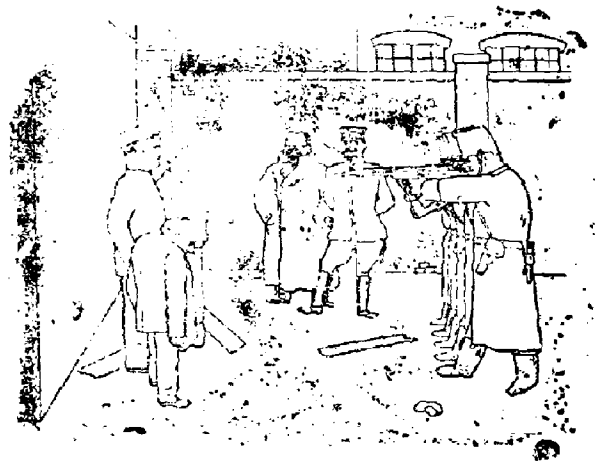
Одновременно с этим германские фашисты допустили ряд грубых ошибок, создав вокруг себя обстановку всеобщего недоверия и беспокойства. Отдельные национал-социалистские вожди потребовали отнятия

Дании Шлезвига, у Франции — Эльзаса. Они заговорили о возвращении колоний, о военно-морском строительстве.

Стремясь к осуществлению передела мира военным путем и организуя интервенцию против СССР, германский фашизм одновременно поставил перед собой следующие ближайшие проблемы: 1) проблему присоединения Австрии к Германии (так называемый «аншлюс»), 2) проблему захвата Польского коридора и 3) проблему вооружений. Однако эти проблемы далеко не являются просто «частичными требованиями» германского империализма, а составляют неразрывную часть всей версальской системы, без взрыва которой они не могут быть разрешены. Рассмотрим, как стали эти проблемы перед германским фашизмом.

Национал-социалисты рассчитывали при поддержке Италии и сочувствии австрийского народа вскоре после прихода к власти осуществить присоединение Австрии к Германии. Италия оказала однако решительное сопротивление реализации «аншлюса», ибо интересы Италии и Германии отнюдь не являются тождественными. Италия, стремящаяся использовать Германию в качестве тарана против Франции, отнюдь не заинтересована в чрезвычайном усилении ее мощи. Итальянский империализм не для того боролся в течение десятилетий с Австро-Венгрией, чтобы на ее месте столкнуться с более могущественным германским империализмом. Австрия представляется Германии как плацдарм для экономического и политического проникновения на Балканы. В то же время и Италия рассматривает юго-восточные страны как принадлежащую ей вотчину. Италия ставит своей задачей завоевание восточного побережья Адриатического моря, стремится к ликви-

Рис. 2. Гросса

Милая родина, ты можешь быть спокойна

дации Югославии и к ее расчленению при помощи создания нового государственного организма, в который вошли бы Кроацция и Венгрия, а при возможности и Австрия. Все эти соображения заставили Италию решительно выступить против присоединения Австрии к Германии.

С другой стороны, сопротивление «аншлюсу» усиливается и со стороны значительной части австрийской буржуазии, представляемой стоящей у власти христианско-социальной партией во главе с Дольфусом. Значительная часть австрийской промышленности видит в «аншлюсе» угрозу своим жизненным интересам под углом зрения конкуренции мощных германских картелей и трестов. Французский империализм пытается также закрепить позиции в Австрии и ослабить влияние Италии в борьбе против «аншлюса». Дольфус использует эту борьбу между Францией и Италией, чтобы получить финансовую поддержку от той и от другой. В силу всего этого правительство Дольфуса заняло резко отрицательную позицию в отношении «аншлюса», отстаивая независимое от Германии существование. Германо-австрийские отношения обострились до такой степени, что напоминают обстановку, предшествовавшую австро-прусской войне.

Гитлеровские банды непрерывно проникают в Австрию и организуют там террористические акты. Национал-социалистские авантюристы надеются запугать бесхребетных австрийских христианских социалистов и «унифицировать» Австрию.

Второй проблемой, вокруг которой идет борьба между германскими и антантовскими империалистами, является проблема так называемого Польского коридора. Это — главный и наиболее острый пункт польско-германских противоречий. Польский коридор и Данциг принадлежали Германии, но по Версальскому договору были отданы Польше для предоставления ей выхода к морю и для ослабления побежденной Германии. С тех пор Польский коридор, отрезавший от Германии Восточную Пруссию, является предметом вражды и спора между польской и германской буржуазией. Особенно напряженными стали взаимоотношения Польши и Германии с приходом к власти Гитлера. По обеим сторонам польско-германской границы сконцентрированы войска, и по ту сторону каждой границы произносятся воинственные речи друг против друга. Выхода из положения германский империализм и здесь ищет в пер-

Рис. Г. Гросса

Да здравствует Носке! Молодая революция умерла

вую очередь на пути противосоветских авантюр. С помощью английских твердолобых германский фашизм надеется разрешить польско-германские противоречия за счет Советской Белоруссии, которая могла бы быть отдана взамен Польского коридора и Данцига.

Наконец третья проблема, вокруг которой германский фашизм развертывает пока безуспешную борьбу, — это проблема равноправия Германии в организации вооружений. По Версальскому договору рейхсвер не мог превышать 100 тыс. чел., а полиция — 180 тыс. чел. Но уже сейчас германский империализм в виде различных полувоенных организаций имеет силы, численно во много раз превосходящие разрешенные Версалем. В штурмовые отряды в настоящее время входит не менее 600 тыс. чел., в военную организацию «Стальной шлем», состоящую из кадрового офицерства военного времени, входит не менее 400 тыс. чел. Кроме того в связи с созданием принудительной трудовой повинности намечена мобилизация не менее 1.100 тыс. чел., которые будут организованно обучаться военному делу, как это практикуется сейчас с уже работающими в трудовые лагеря.

Таким образом в Германии явочным по-

рядком происходят мобилизации и подготовка армии и при этом более внушительных размеров, чем в довоенное время (тогда постоянная армия насчитывала 800 тыс. чел.).

Естественно, что эта угрожающая активность обеспокоила даже английскую буржуазию, что наиболее ярко проявилось в прениях в английской Палате общин, происходивших 13 апреля 1933 г. Против режима Гитлера выступил с резкими обвинениями не только лейборист майор Аттли, но и представители консерваторов Остин Чемберлен и Уинстон Черчилль, заявившие, что Германия угрожает европейскому миру, что пока в ней господствует агрессивный дух, она не имеет права на равноправие в вооружениях.

Поражение, понесенное в Лондоне, первоначально озлобило национал-социалистов. Их пресса начала писать об английском коварстве, угрожала разоблачением англий-

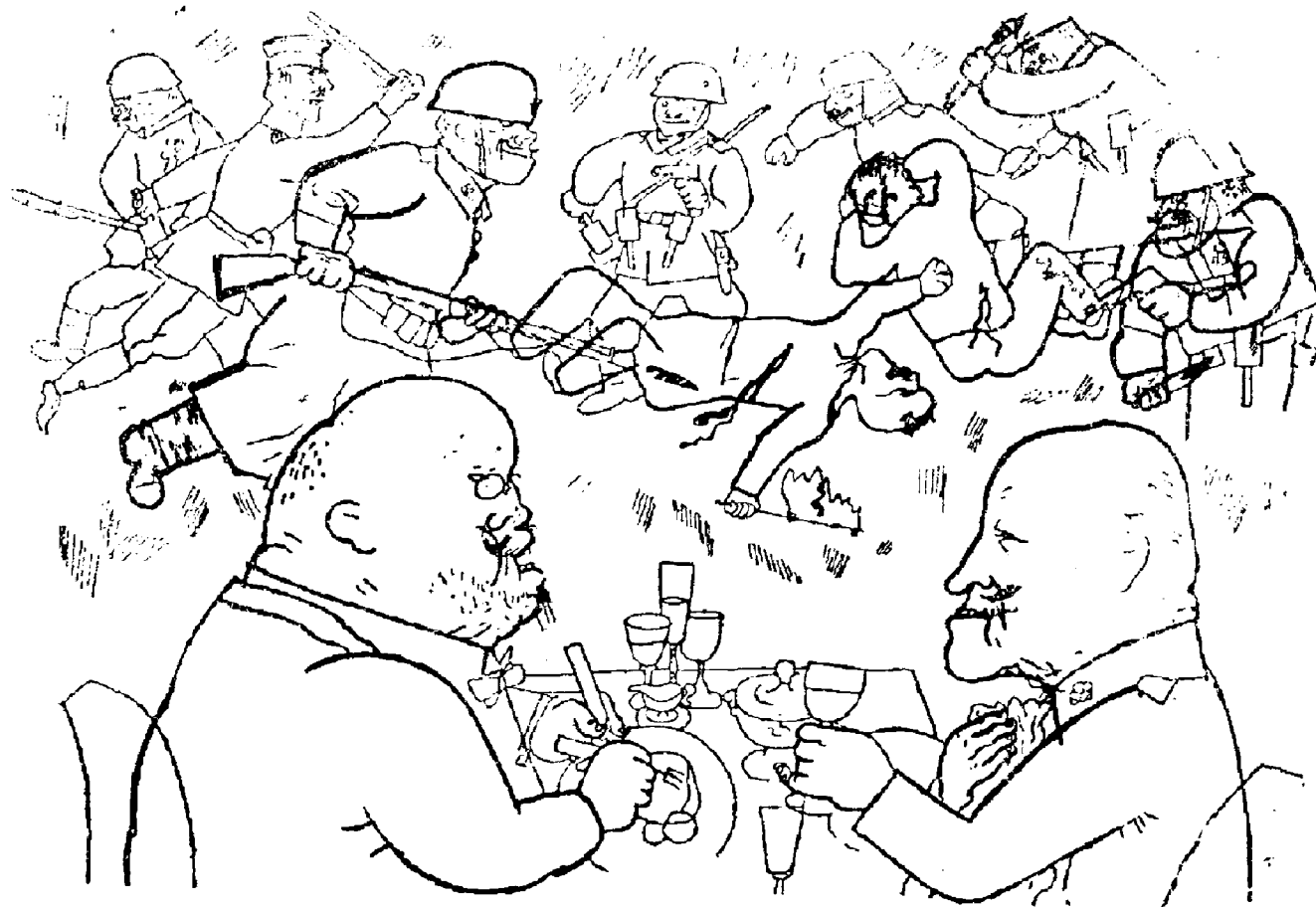
ских жестокостей в Пизии и Египте и даже во время войны с бурами. Один из национал-социалистских «теоретиков» Готфрид Федер заявил: «Германия больше не намерена вырывать своими руками жар для других. Она будет следовать примеру Англии. У нас нет оснований выражать сочувствие (в связи с делом Метро-Виккерс) стране, которая относится к нам в последнее время так недружелюбно. Пусть Англия проводит бойкот России с помощью Франции».

«Франкфуртер пейтунг» поместила статью своего лондонского корреспондента, который сообщил, что в Лондоне обстановка складывается крайне неблагоприятно для Германии. Имеется тенденция возложить на Германию ответственность за провал конференции по разоружению.

Одновременно с этим шла большая игра вокруг предложенного Муссолини «пакта четырех». Первоначальный текст требовал от Франции фактического отказа от геге-

Геринг вдохновляет,
штурмовики действуют

Коммунисты падают, акции растут

монии. Он предусматривал совместное обсуждение всех крупных политических и экономических вопросов, вследствие чего Франция теряла свободу действий и превращалась в партнера соглашения «четырех», имея против себя Италию и Германию, с одной стороны, и лавирующую Англию, стремящуюся к роли арбитра, — с другой. Пакт предусматривал также урезывание в вопросах ревизии Версальского договора. Все это означало бы изоляцию Франции и тяжелый удар по ее союзникам — Малой Антанте и Польше. Решительное сопротивление Франции плану Муссолини сделало неосуществимым его реализацию в первоначальном виде. Италия, крайне заинтересованная в реализации «пакта четырех», так как она рассчитывала этим путем лишить французскую внешнюю политику самостоятельности, начала переговоры о пакте в новом его варианте.

Пакт поддерживала и Англия, игравшая в нем решающую роль. В результате со стороны Англии и Италии было начато концентрированное наступление на Францию. От Гитлера также требовали умеренности и уступчивости, угрожая в противном случае полной изоляцией Германии.

Выступление английского военного министра Гейльшема явилось кульминационным пунктом этого давления на германский фашизм. В результате наступил радикальный поворот в тактике германского правительства. 17 мая Гитлер произнес свою «историческую речь» в Рейхстаге, специально собранном для этой цели. В своей декларации Гитлер совершенно неожиданно для штурмовиков, ждавших удара кулаком по столу, выступил в роли пацифиста. Его стиль очень напомнил миролюбивые заверения, делавшиеся в свое время так называемыми демократическими германскими министрами.

Гитлер заявил: «Даже решающий успех насильственного разрешения европейской проблемы имел бы своим последствием разрушение европейского равновесия и явился бы зародышем новых противоречий и осложнений. Новые войны, новые жертвы, новая нужда явились бы результатом такой политики. Взрыв подобного безумия привел бы к крушению нынешнего общественного и государственного порядка. Германское национальное правительство одушевлено глубоким желанием не допустить подобного катастрофического развития».

Гитлер декларировал свое уважение

Обитатели коричневого дома
(буйное отделение)

Гуген-завоеватель

к национальным чувствам других народов и отказ от политики германизации. Германия готова уничтожить все свои вооружения, если другие нации сделают то же самое. Гитлер требовал уже не ревизии Версальского договора, а лишь выполнения его решений всеми партнерами. Германия, по словам Гитлера, согласна на установление переходного периода сроком в 5 лет, в течение которых она не будет добиваться полного уравнивания в правах.

Декларация Гитлера и его пафос встретили крайне скептическое отношение во Франции и Польше. Английский империализм сознательно притворился наивным, чтобы заставить Францию стать на указанный ей Лондоном путь.

Так появился на свет второй проект, несомненно сильно отличающийся от первоначального. В этом новом тексте подчеркиваются неприкосновенность компетенции Лиги наций и полное сохранение в силе ст. 19-й, требующей наличия единогласия при постановке вопроса о ревизии Версаля. Одновременно с этим восстановление равноправия Германии в деле вооружений ограничивается рамками режима, обеспечивающего безопасность всех государств

В этой сложной и противоречивой ситуации германский фашизм был вынужден отказаться от лобовой атаки на Версальский договор. Германия однако не отказалась от плана насильственного пересмотра Версальского договора. Она лишь пыталась выиграть время и получить передышку, в течение которой могло быть осуществлено вооружение Германии, в особенности в отношении тех видов оружия, которые в настоящее время запрещены Версальским договором.

Германский фашизм применил обходные пути и в своем основном стратегическом плане реализации антисоветского блока. В обстановке полной изоляции и необходимости уступок Франции фашистская Германия вновь вернулась к старому методу использования «советской карты», которая должна повысить удельный вес германского империализма. Национал-социалистское правительство ратифицировало продление Берлинского договора Германии с СССР. Гитлер в Рейхстаге произнес «дружественную» Советскому союзу речь. Фашистская пресса несколько ослабила анти-советскую кампанию.

Ряд крупных газет поместил статьи о том, что национал-социалисты полностью отказались от агрессивной территориальной политики и всяких посягательств на Советскую Украину, брест-литовская линия является бессмыслицей и в Москве-де совершенно неправильно расценивают тенденции германского правительства.

Весь этот широкий маневр, проделанный национал-социалистами с изумительной быстротой и риском сбить с толку своих прямолинейных сторонников, по существу все же весьма прозрачен. Старая программа внешней политики германского фашизма отнюдь не была аннулирована. Национал-социалисты, приспособляясь к обстановке, стремились выиграть время и прибегали к маскировке.

Антисоветская установка германского фашизма не может быть скрыта под дружественными фразами и жестами. «Восточный вариант» германского генерального штаба во второй половине войны, обновленный национал-социалистскими стратегами, лишь спрятан и притом достаточно близко. Ставка делается на антисоветскую конъюнктуру и на дальнейшее обострение мирового экономического кризиса, который заставит империалистические государства искать выхода на путях войны, и в первую очередь против Советского союза. Нацио-

ал социальсты рассчитывают, что под ан-глийским и итальянским давлением Фран-ция будет изолирована, должна будет бро-ситься на произвол судьбы Польшу, и тогда германский империализм, освободившись от версальских уз, выйдет на широкую дорогу.

«Дружественные» заверения фашистских вождей не смогли обмануть общественное мнение Советской страны, прекрасно знаю-щей истинные цели и тенденции национал-социалистической внешней политики. Прошло лишь несколько недель с момента паци-фистских жестов Гитлера и его окруже-ния, и начался новый этап их антисовет-ской активности: германская делегация на мировой экономической конференции в Лондоне вручила меморандум, в котором содержится редкое по бесстыдству и ци-низму требование предоставления Германии советских территорий. Этот меморандум был вручен сознательно именно Гугенбер-гом, так как в случае провала этой попыт-ки Гугенберг должен был явиться козлом отпущения. В ответ на решительный про-тест советского правительства германская официальная пресса с изумительной наив-ностью попыталась доказывать, что в ме-морандуме не содержалось ничего враждеб-ного Советскому союзу. Этот невинный до-кумент представляет собой чисто академи-ческий проект наряду с десятками других проектов, предложенных конференции.

Вслед за меморандумом Гугенберга по-следовал ряд других антисоветских проб-ных шаров, пущенных германским фашист-ским правительством, имеющих одну и ту же целевую установку: всемерное прово-цирование интервенционистской войны и ускорение сколачивания антисоветского блока. Германский фашизм не может дол-го ждать, ему даны весьма ограниченные сроки, здание фашистской диктатуры по-строено на шаткой почве. Германская бур-жуазия, учитывая свое бессилие в об-ласти экономической политики, лихорадоч-но ищет спасения на путях войны. В усло-виях бурного роста германского милитариз-ма и агрессивности лозунг ревизии мирных договоров есть лозунг передела мира, передела, который установит систему, такую же и еще более беспощадную, еще более жестокую, нежели система Версаля. Во главе ревизионистско-го фронта стали фашистские правитель-ства, осуществляющие в своих странах по-литику кровавого террора и подавления грядущих масс, правительства, пропове-

дующие зоологическую расовую ненависть, культ войны и меча.

Приход к власти национал-социалистов в Германии послужил тем камешком, кото-рый, будучи брошен в насыщенный раствор империалистических противоречий, вызвал немедленную кристаллизацию враждебных блоков и вскрыл наличие во всем капитали-стическом мире интервенционистских и ми-литаристических планов.

Однако эти планы строятся без хозяина, без мирового рабочего класса. Угроза ми-ровой империалистической войны прибли-жает перспективу мировой пролетарской революции и полное крушение всех планов империалистических хищников.

С. Бантке

ЗАРНИЦЫ ОКТАБРЯ ВО ФРАНЦИИ

(О ВОССТАНИЯХ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ
АРМИИ В 1917 г.)

**Ленин о французском
пролетариате в годы
мировой войны**

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг. была затеяна с целью переделить мир между небольшой горсточкой империалистов для того, чтобы еще сильнее эксплуатировать народы колоний и полуколоний, для того, чтобы еще сильнее подавлять революционное движение против империализма у себя дома и в угнетенных странах.

Мировая война привела в движение огромные народные массы и поставила их на службу империализму. Она выхватывала из самых отдаленных уголков земного шара сотни тысяч и миллионы людей, перебрасывала их, как скот, в трюмах пароходов с одного материка на другой, а затем гоняла тысячи километров в товарных вагонах, в грузовых автомобилях, пешком, чтобы бросить затем в окопы.

При этом каждая из империалистических держав стремилась защищать свою родину при помощи солдат другой страны: англичане говорили, что они будут «сражаться до последнего французского солдата», а французы, — что они будут «воевать до последнего русского солдата». Чтобы на деле это осуществить, французские империалисты, рассматривавшие Россию как неисчерпаемый источник пушечного мяса, добились летом 1916 г. от царского правительства присылки на французский фронт нескольких русских бригад. Русские рабочие и крестьяне, насильно брошенные во Францию, являлись таким образом живым примером го-

товности французского империализма действительно воевать до последнего русского солдата.

Но чем дольше длилась война, тем больше по обе стороны залитых водой или полужасыпанных снегом окопов солдаты приходили к сознанию того, что им не за что воевать. Положение солдат на фронте становилось все хуже и хуже, а положение в тылу уже в 1915 и 1916 гг. во всех воюющих странах — все более и более угрожающим.

Хотя стачки охватывали еще только небольшие отряды рабочего класса, они каждую минуту грозили стать более мощными и охватить целые отрасли промышленности.

Задача заключалась в том, чтобы прервать эти смутные, неясные стремления протеста в сознательные выступления против войны и империализма и направить их в сторону революционных действий.

Но кто мог взять на себя выполнение этой величайшей исторической задачи? Все партии II интернационала изменили делу социализма и, пойдя на прямой союз со своей буржуазией, стали активно помогать ей вести войну до победного конца. Массы были брошены на произвол судьбы, не имея своих пролетарских организаций. Только одна партия, партия большевиков во главе с Лениным, осталась на боевом посту и еще выше подняла знамя борьбы за свержение власти буржуазии.

Ленин уже в начале войны наметил программу действий для всего международного пролетариата. Ленин дал ему величайший лозунг, лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. Ленин писал, что мы «должны готовить массовое (или по крайней мере коллективное) выступление в войске не одной только нации, а всю пропагандистско-агитационную работу вести в этом направлении. Направление работы, упорной, систематической, долгой, может быть в духе превращения империалистической войны в гражданскую — вот вся суть». Как мы видим, Ленин придавал особое значение работе в армии, борьбе за солдатские массы.

Но буржуазия во всех странах в союзе со своими социал-предателями принимала

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 55. Разрядка на ил. — С. Б.

все меры к тому, чтобы не допустить распространения идей большевизма не только в армии, но и среди рабочего класса. В этом отношении в годы войны в особенности отличалась Франция. Французские социалисты и синдикалисты вместе с буржуазией не допускали ни малейшего проявления протеста против войны и активно помогали военной цензуре. Они отказывались печатать в социалистических и профсоюзных газетах письма рабочих и солдат, содержащих критику патриотического поведения предателей — социалистов и синдикалистов. Тем не менее волна протестов росла. Рабочее движение упорно поднималось вверх, и постепенно во Франции начиналась нелегальная упорная, систематическая, хотя в начале и очень еще небольшая революционная работа.

Уже в феврале 1916 г. Ленин мог поэтому с полным основанием писать: «Неправда, что «французы не способны» на систематическую нелегальную работу. Неправда. Французы быстро научились прятаться в траншеях. Быстро научатся они и новым условиям нелегальной работы и систематической подготовке революционного движения масс». «Я верю, — продолжал Ленин, — в французский революционный пролетариат. Он подталкивает и французскую оппозицию»¹.

Эту уверенность Ленина французский пролетариат полностью оправдал уже в следующем, 1917 году.

рабочее движение в 1915—16 гг. и настроения солдат во Франции

Рабочее и революционное движение во Франции развивалось в начале войны более медленно, чем в других воюющих странах. С августа по конец 1914 г. согласно официальной статистике происходит всего 17 стачек, охватывающих только около одной тысячи человек. Но 1915 г. дает уже 98 стачек с 10 тыс. стачечников, а с 1916 г. начинается подъем стачечного движения.

Во время второй зимней кампании 1915—16 г. положение рабочих во Франции значительно ухудшилось. Цены на продукты выросли в 3-4 раза, в то время как заработная плата оставалась на прежнем уровне.

Неудивительно поэтому, что уже начало 1916 г. ознаменовалось значительными стачками на военных заводах в Париже и в провинции. В течение года бастуют в разных концах Франции текстильщики, транспортники, химики и др. Всего мы имеем за 1916 г. 315 стачек с 41.409 участниками, бастовавшими около 240.000 рабочих дней.

Это оживление рабочего движения не могло не оказать своего влияния как на рост оппозиции против социал-шовинизма, так и на настроение солдат на фронте. Под влиянием этого оживления после Циммервальдской конференции в сентябре 1915 г. во Франции создается «Комитет по восстановлению международных связей». Он объединяет вокруг себя оппозиционные элементы социалистической партии и синдикатов и ведет пропаганду против войны, за мир.

В особенности значительное впечатление произвело голосование против военных кредитов трех депутатов, участвовавших на II международной социалистической конференции в Кинтале. Один из них, Бризон², в своей речи в Палате депутатов сказал: «Мы стоим за окончание войны, за немедленное перемирие, мы полагаем, что рабочий класс должен вмешаться, чтобы его добиться». Другой депутат, также участник Кинтальской конференции, А. Блан заявил: «Мы признаем, что наше выступление будет иметь больший успех в траншеях, чем здесь». Эти выступления в Палате чрезвычайно встревожили буржуазных депутатов, требовавших от правительства принятия решительных мер против антивоенной пропаганды.

Но кинтальцы были правы, когда заявляли, что «есть много солдат, которые думают, как мы». После второй зимней кампании, после боев под Верденом летом 1916 г., стоивших многих тысяч жертв и не давших никаких результатов, на фронте в настроениях солдат происходит значительный перелом. Многие солдаты-крестьяне посылают своим родственникам письма и требуют от них, чтобы те не подписывались на военные займы и не затягивали этим войну. Несмотря на все строгости военной цензуры, эти солдатские письма доходили до самых отдаленных деревень во

¹ Бризон не был подлинным революционером и видел свою задачу в том, чтобы недопустить развития большевизма во Франции, но его выступление против военных кредитов в тот период сыграло революционизирующую роль.

² Ленин, т. XIX, стр. 24

Франции. «Не надо подписываться на будущий военный заем, чтобы принудить этим правительство заключить мир»,— требовали солдаты.

Они требовали, с другой стороны, чтобы их жены, отцы и братья — крестьяне — сокращали посевы, убивали скот и не давали хлеба и мяса интендантам. Но этот крестьянский саботаж войны, имевший место в целом ряде деревень, приводил только к еще более жестоким репрессиям со стороны полиции и жандармерии. Нужно было, чтобы сам фронт пришел в движение и поддержал начавшиеся выступления в тылу.

Вскоре после выступления против военных кредитов кинталцы начали получать ряд писем с фронта, в которых солдаты писали: «Пусть те, кто побывал в Кинтале, будут смелее. Бойцы на фронте вас приветствуют». Один солдат 27-го пехотного полка писал: «Продолжайте смело, не сдавайте вашего дела и вашей пропаганды, несмотря на преследования. Вы имеете за собой почти большинство сражающихся на фронте и всех жен и матерей мобилизованных». Можно привести еще десятки мест из других солдатских писем, требовавших более смелых, более решительных выступлений со стороны французских циммервальдистов. Но последние, будучи очень слабыми в идейном и организационном отношении, представляя собой незначительную пропагандистскую группу, зараженную притом сектантством, не умели связать своих выступлений с нараставшим массовым движением против войны.

революция 1917 г. в России и ее влияние на французскую армию

Под влиянием революции в России во Франции усилилось массовое рабочее и революционное движение. Французские циммервальдисты, значительно усилившие свою деятельность, устроили демонстрацию в честь русской революции, в которой участвовало свыше 5 тыс. чел. Кроме того они выпустили специальную листовку, призывая бороться против войны, за революцию. «Дело всеобщего избавления,— писали циммервальдисты в этой листовке,— приближается. Ни одна капля народной крови не должна быть потеряна. Она должна претвориться в революционную энергию, в суровую ненависть против режима массовой бойни, против капитализма. Повсюду восставшие народы должны осво-

бодиться от своих классовых правительств для того, чтобы поставить на их место депутатов от рабочих и солдат, перешедших на сторону народа... Русская революция дала сигнал к всемирной революции, а всемирная революция упрочит окончательный успех русской революции. На войну народов нужно ответить мировой революцией».

Этот боевой призыв показывает нам, какое огромное влияние оказала русская революция на наиболее передовые элементы рабочего класса Франции. Рабочий класс выдвинул боевой лозунг борьбы против войны и превращения ее в революцию по примеру того, как это сделали русские товарищи. Несмотря на тройную цензуру, на фронт проникают и сообщения о русской революции и эта листовка, которая распространяется, хотя и в незначительном количестве, среди солдат в окопах.

Широкие массы французских рабочих, солдат и крестьян связывают русскую революцию с близким окончанием войны и началом революции у себя во Франции. В движение приходят все новые и новые массы. В городах стачки охватывают одну отрасль промышленности за другой. Число стачек в 1917 г. вырастает до 700, охватывая около 300 тыс. чел., потерявших в общем около 1.500 тыс. рабочих дней. Эта мощная волна стачечного движения во Франции и известие о русской революции производят перелом в настроениях на фронте. Можно определенно сказать, что Франция весной и летом 1917 г. стояла на пороге революции. Огонь гражданской войны тогда вспыхивал то в тылу, то на фронте.

И Ленин был абсолютно прав, когда в январе 1917 г. писал, что «революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс»¹. И во Франции мы имеем величайшее недовольство и озлобление масс, в особенности на фронте. Этому способствовало то обстоятельство, что третья зимняя кампания 1916—17 г. проходила во Франции в исключительно тяжелых условиях. Ухудшилось снабжение армии продовольствием, обмундированием и боевым снаряжением. На фронт были брошены последние резервы, состоявшие из стариков и юношей. Среди солдат усилились демобилизационные настроения и участились случаи братания. Сообщения о

¹ Ленин, т. XIX, стр. 385

происходящих стачках на военных заводах, массовых собраниях и демонстрациях в тылу вносили моральное разложение во французскую армию. О деморализации французской армии можно судить по быстро вырвавшему числу дезертиров. Если в 1915 г. по официальным данным было 2.433 случая дезертирства, а в 1916 г. — 8.924, то в 1917 г. мы имеем уже огромную цифру — 21.171 случай дезертирства. Кроме того увеличивается количество случаев оставления солдатами своих постов. В 1917 г. по официальным данным таких случаев было 4.650.

Но наибольшее влияние на состояние французской армии оказала русская революция 1917 г. Недаром Густав Эрве в своей шовинистической газетке «Ля виктуар» должен был признать, что «эта проклятая революция сильнее поколебала моральное равновесие солдат на фронте, чем утомление, редкие отпуска и вести о парижских народных волнениях».

В ряде воинских частей солдаты устраивают демонстрации, на которых приветствуют русскую революцию. Иногда демонстрации проходят под красными знаменами. Были отдельные случаи, когда солдаты заставляли офицеров приветствовать красное знамя. В окопах довольно часто раздаются «Интернационал», песнь «Салют 17-му полку», и, что наиболее важно, в ряде мест делаются первые шаги к образованию советов рабочих и солдатских депутатов.

Кое-где создаются первые нелегальные ячейки, пытающиеся найти связь с рабочим революционным движением. Солдаты-рабочие связываются со стачечниками письмами, в которых обещают последним свою поддержку, если положение осложнится. Один из современников так описывал настроение масс весной 1917 г.: «Народное брожение, углубляемое страданиями, готово вылиться наружу. Этот факт главенствует теперь надо всем. Достаточно какого-нибудь незначительного пустяка для того, чтобы могучие инстинкты, находящиеся теперь в скрытом виде, проявились во всей своей силе».

Этим толчком явилось апрельское наступление французской армии у Шмэн-де-Дам.

кто решил организовать апрельское наступление 1917 г.

Революция в России спутала все карты союзников. Согласно совместно разработанному представителями генеральных

штабов союзных армий плану военных действий, весной 1917 г. предполагалось начать общее наступление на французском фронте с одновременным нанесением ударов на русском, итальянском и балканском фронтах. Главнокомандующий французской армией Жоффр, придерживавшийся тактики обороны, был смещен генералом Нивеллем.

Человек средних способностей и огромного честолюбия, Нивелль готов был рисковать. А это означало, что он не остановится перед тем, чтобы, пожертвовав лишней сотней тысяч солдат, начать, как тогда выражались, «движение на фронте».

Кто же и при каких условиях решил предпринять это знаменитое наступление?

На секретном совещании в ставке главнокомандующего в Компьене присутствовали премьер-министр Рибо, военный министр Пенлеве, министр военного снаряжения социалист А. Тома, верховный главнокомандующий генерал Нивелль и командиры четырех армий — генералы Кастельно, Мишле, Петен и Франше д'Эспере.

На этом совещании обсуждался разработанный генералом Нивеллем план самой большой за время войны операции, основная цель которой состояла в том, чтобы прорвать немецкий фронт у Лаона и отбросить немецкую армию назад к Рейну. План предусматривал даже такие детали, как триумфальный въезд на белых лошадях генералов Нивелля и Мажиню в побежденные города, но при этом план содержал крупнейшие ошибки военно-стратегического характера.

Не все однако были согласны с планом наступательной операции, и генералу Нивеллю пришлось искать поддержки у Пуанкаре, который заявил, что военные соображения должны отойти на задний план и что операцию нужно произвести во что бы то ни стало, так как этого требуют высшие интересы Франции.

В чем же состояли эти высшие интересы? Почему Пуанкаре до наступления четвертой зимней кампании стремился, рискуя сотнями тысяч солдат, нанести последний и решительный удар Германии?

Франция устала от войны. Народные массы глухо роптали, массовые стачки и начало морального разложения французской армии ставили правительство перед задачей во что бы то ни стало добиться крупной победы и в шовинистическом угаре подавить нараставшее революционное брожение. Это была классовая задача, выдвигаемая французской буржуазией

Прусская гвардия атакует французскую пехоту

как окончились мечты генерала нивелля

Военное командование собрало для апрельского наступления 1.400 тыс. чел. при 5.580 тяжелых и легких орудиях, 200 танках и сосредоточило 33 миллиона снарядов. Один из историков мировой войны, профессор Зайончковский, писал по этому поводу, что «по количеству собранных войск, артиллерии, снарядов, авиационных средств и танков атака французов между Суассоном и Реймсом представляла собой наиболее грандиозное предприятие за всю войну».

Первые атаки начались 12 апреля, а решающая атака по плану должна была быть развернута 16 и 17 апреля. Но неспособность и тулость французского командования, которое, не проведя даже требуемой артиллерийской подготовки, бросило в беспорядочную атаку сотни тысяч людей, привели французскую армию к крупнейшему поражению: встреченные сильным пулеметным и артиллерийским огнем с торных массивов над долиной реки Эн, находившихся в руках у немцев, огромные массы людей бросились назад, но их снова погнала вперед бившая по своим французская артиллерия. Десятки тысяч солдат были скошены буквально в несколько минут.

Вот как на секретном заседании Парламента и Сената 29 июля 1917 г. депутат Барриегере описывал это сражение:

«Я вижу перед собой и всю жизнь буду видеть равнину реки Эн. Спустя четверть

часа после начала нашего наступления без плана блуждают черные войска, лица своих руководителей. Их косят снаряды, по ним стреляют наши 75-сантиметровые пушки. В шесть часов утра началось сражение, в семь часов оно было проиграно».

генерал нивелль готовит новую атаку

После утренней атаки 16 апреля между немецким и французским фронтом оказалось свыше 20 тыс. французских солдат, не успевших вернуться в свои окопы. Французское военное командование, зная об этом, дало приказ артиллерии уничтожить немецкие пулеметные гнезда, скрытые в долине. Вместе с несколькими немецкими пулеметными гнездами французской артиллерией было сознательно расстреляно в тот день 20 тыс. своих же солдат. Но этого было еще мало: генерал Нивелль готовил новую атаку. 25 апреля по его приказу началось новое наступление, кончившееся так же неудачно, как и первое. Генерал Нивелль не унывал, он решил повторить массовую атаку. На этот раз он собрал 32 дивизии, но условия для наступления были еще хуже, чем 16 апреля.

Начавшись 5 мая, наступление продолжалось 6 мая и с перерывами шло до 10 мая. В огонь посылались дивизия за дивизией, и все-таки французская армия не могла продвинуться ни на шаг. Безумное наступление предпринятое с исключи-

Битва на Марне. Французская пехота идет в атаку

тельной целью поднять упавший авторитет главнокомандующего, стоило Франции 160 тыс. солдат, не считая 5.813 русских солдат и 8.862 сенегальцев. А вся операция генерала Нивелля обошлась Франции в 400 тыс. жертв.

пробуждение солдатских масс и начало восстаний

Это грандиозное поражение имело огромное революционизирующее влияние на массы французских солдат. Это поражение раскрыло глаза сотням тысяч солдат, раненым у Шмэн-де-Дам и Суассона и долгое время не получавшим никакой помощи. Оно раскрыло глаза и тем, кто успел уйти живым из боя. Недовольство, накапливавшееся в годы войны, быстро перерастало под влиянием поражения в революционные настроения и революционные действия.

Вскоре после майского наступления значительную часть французской армии охватывает революционное брожение. По данным Гастона Брюйяна, начальника отдела наблюдения за моральным состоянием армии при главном штабе, в мае 1917 г. беспорядки охватили 75 пехотных полков, 22 егерских полка, 12 артиллерийских полков, 2 колониальных пехотных полка, 1 французский полк, 1 батальон сенегальцев и 2 части, не имевшие еще назначения.

Начальник штаба генерал Петен дает следующую картину революционного движения

среди солдат: «Уже несколько дней накапливались, вызывая беспокойство, акты коллективного неповиновения. Рота, которая должна была принять участие в наступлении на мельницу у Ляфо, отказалась идти на фронт. Солдаты распространяли прокламации: «Долой войну, смерть генералам!».

9 мая на фронте у Артуа в 59-м пехотном полку был убит командир батальона за то, что пристрелил нескольких солдат, отказавшихся идти в атаку. 19 мая 46-й пехотный полк отказался идти в атаку и ушел в ближайший лес, где расположился лагерем. Поддавшись провокаторам, солдаты не взяли с собой оружия. Окруженные кавалерией и пулеметчиками, они вынуждены были вернуться в окопы.

Но лучше всего об этом рассказывают сами участники событий в ряде своих рабочих корреспонденций, помещенных летом 1932 г. в органе французской компартии «Юманите». «В конце апреля 1917 г.—пишет один из рабкоров, бывший у Вердена,—после 34 дней пребывания на передовой линии огня по нас вдруг стала бить наша артиллерия. Наш полк, как один человек, поднялся и после целой ночи ходьбы пришел в лес Сен-Пьер. Полковник требовал, чтобы мы вернулись обратно, но мы ответили ему криками: «Долой войну, да здравствует мир!». Захватив товарные вагоны, на которых мы мелом написали «Долой войну», под звуки «Интернационала» мы двинулись в сторону Бар-ле-Дюк». Только

после «чистки», т. е. ареста нескольких десятков солдат, эта часть вернулась на фронт.

20 мая одна из запасных дивизий демонстрирует с пением «Интернационала». 27 мая на участке Лафер-ан-Тордена батальон, который должен был быть отправлен на передовую линию на автомобилях, стреляет в воздух и заставляет шоферов вернуться обратно. Отправка на фронт срывается.

десять заповедей французского солдата

По фронту начинают широко распространяться знаменитые десять заповедей французского солдата. Они являются характернейшим документом эпохи. Эти заповеди гласили следующее:

1. Отмена злоупотребления наказаниями и дисциплинарными взысканиями. Офицеры должны вести такой же образ жизни, как и солдаты.

2. Отмена телесных наказаний и ругани.

3. Отмена муштровок, доводящих до переутомления, на привалах.

4. Улучшение пищи.

5. Выплата полагающихся солдатам прибавок.

6. Разрешение отпусков раз в три месяца регулярно. Это теперь тем осуществимее, что в настоящее время вступают в пляску смерти свежие силы англичан и американцев.

7. Особый отпуск для всех, кто еще ни разу не отлучался с фронта.

8. Возвращение по домам солдат старейших призывов, потому что если осенью во Франции и во всей Европе не будет убран хлеб, то в следующем, 1918 году, будет голод.

9. Отмена смертной казни на фронте.

10. Прежде чем наступит зима, чтобы был положен конец войне и заключен немедленный мир без аннексий и контрибуций.

Эти заповеди французского солдата стали программой действий, под ними собирались тысячи подписей фронтовых солдат, пытавшихся добиться окончания войны еще до наступления зимы 1917 г. Среди солдат вырастает стихийное стремление заставить генералов, сидящих в Париже, и правительство принять эти десять заповедей и немедленно окончить войну.

поход на париж

В ряде полков создаются нелегальные советы солдатских депутатов, устраивавшие свои тайные совещания. В результате наиболее передовые в революционном отношении 36-й и 129-й полки после предварительного стовора решили сняться с позиций и двинуться на Париж. Пуанкаре в IX томе своих «Воспоминаний», охватывающих 1917 г., который он назвал «Смутным годом», 30 мая вносит следующую запись: «Генерал Франше д'Эспере донес главнокомандующему, что только два полка, 36-й и 129-й, в итоге тайных совещаний солдат решили направиться походом на Париж». 30 же мая генерал Фош отдает приказ всем командующим и префектам принять все меры для уничтожения двигавшихся на Париж полков. Революционные полки шли на Париж с возгласами: «Наши жены умирают с голоду. В Париже расстреливают народ. Долой правительство, которое не заключает мира! Да здравствует революция!».

Полки подходили к Парижу через лес Вилльс-Котре, где были расположены аннамиты, встретившие восставших пулеметным огнем. Кроме того с фортов Парижа открыла огонь артиллерия, которой было сказано, что это подходит к Парижу блуждающая немецкая часть. Весь передовой отряд французских революционных солдат был полностью уничтожен. Несмотря на самые суровые репрессии со стороны правительства и военного командования, несмотря на строжайшую цензуру, все же на фронте распространился слух о том, что аннамиты стреляли по французским солдатам. Об этом говорит и сам Пуанкаре. В своих мемуарах он вынужден признать, что «среди солдат упорно циркулировал слух, что находящиеся в Париже аннамиты стреляли по французским частям».

французские социал- шовинисты за работой в период наступления 1917 г

Альберт Тома, будучи министром военного снабжения, участвовал в секретных совещаниях в Компьене, на одном из которых было решено бросить в жерло войны несколько сот тысяч солдат во имя «дви-

жения на фронте». Господин социалист Тома прекрасно знал, что французская армия не имеет достаточного количества военных материалов, в особенности для артиллерийской подготовки, он знал, что сражение обречено на неудачу, и вместе с тем во имя подавления росшего недовольства в широких массах французских солдат, рабочих и крестьян Тома присоединил и свой голос к решению о необходимости наступать. А. Тома, который неоднократно хвалился тем, что он является другом Керенского, готовил наступление на французском фронте еще и потому, что его друг, господин социалист Керенский, лихорадочно готовил такое же авантюристическое июньское наступление 1917 г. на русском фронте.

Другой французский господин социалист Ренодель 15 апреля вместе с Клемансо и другими выехал в штаб 5-й армии к генералу Мишле для того, чтобы своим присутствием воодушевлять генералов, а своими патристическими речами вдохновлять солдат на апрельское наступление.

Господин Ренодель пробыл в штабе Мишле 16, 17 и 18 апреля, и после явного провала всего плана апрельского наступления он вернулся в Париж и конечно поделился своими «впечатлениями» с коллегами по парламентской фракции.

Тома и Ренодель, так жаждавшие вместе с французским генеральным штабом победы, оказались в результате перед стихийным восстанием солдатских масс. Тогда на сцену выступил третий «социалист» Пьер Лаваль. Он предложил французской буржуазии в качестве якоря спасения против разраставшегося недовольства и мятежей в армии разрешить социалистам поехать в Стокгольм. Лаваль в своем выступлении в Парламенте заявил:

«После стольких тысяч жертв, после грех лет войны вполне понятно, что страна устала, и надо найти наилучшее средство для морального под'ема этой великой страны». И на возгласы, раздавшиеся с разных скамей Парламента: «Какое?», Лаваль, продолжая свою речь, заявил: «Это средство—дать войскам надежду и доверие рабочему населению, хотите вы или нет—это Стокгольм,—это полярная звезда».

Эти господа социал-шовинисты видели свою задачу в том, чтобы добиться «морального под'ема великой страны», чтобы дать солдатам надежду в виде Стокгольма. Лаваль, Ренодель и другие социал-шовинисты прекрасно знали, что из затеваемой немец-

кими социал-патриотами международной конференции в Стокгольме ничего кроме обмана для масс не получится. Они выдвинули Стокгольм как барьер против массового революционного движения, как «мечту о мире», которая на время может ослабить напряженную обстановку и отбросить назад нарастающую снизу волну возмущения.

Социал-шовинисты Тома, Ренодели, Лавали прекрасно служили тогда и служат сейчас своей империалистической буржуазии. За свою верную службу А. Тома в годы войны был министром, а после ее окончания—председателем бюро труда при Лиге наций. «Социалист» Лаваль был выдвинут французской буржуазией не только в министры, но и в председатели совета министров, а Ренодель — неизменный депутат Парламента, вдохновитель и один из организаторов первой интервенции против Советской России—это очередной кандидат в министры, это будущий французский Носке, будущий французский Цергибель.

Но никакие репрессии, никакие попытки господ Лавалей и Реноделей своими «революционными» речами в Стокгольме не могли задержать роста революционного сознания, роста революционного движения среди французских солдат весной и летом 1917 года.

восстания во французской армии продолжают

Если Лаваль от имени социалистов пытался «уговорить» массы не выступать с революционными действиями, то генерал Петен, сменивший 16 мая генерала Нивелля, стремится подавить движение путем репрессий. Но несмотря ни на что, мятежи в армии продолжают, и полковник Эрбрион 2 июня снова доносит о мятежах на этот раз в 21-м армейском корпусе а на другой день—о мятеже в 7-м корпусе. Пуанкаре спрашивает себя 2 июня: «Надо ли добиться новой победы на Марне, чтобы достичь нашего выздоровления?». После «победы» у Шмэн-де-Дам Пуанкаре стремится к новой «победе» у Марны во имя оздоровления страны! Он готов уложить новые сотни тысяч французов, чтобы в их крови утопить пробуждающееся революционное движение. Генерал Петен ищет зачинщиков военных мятежей во Всеобщей конференции труда и среди циммервальдистов. Он ставит ряд условий, без которых, по его мнению, невозможно оздоровить армию. «Болезнь,—зая-

Братание на русско-германском фронте в 1917 г.

вил Петен на заседании Совета министров 11 июня 1917 г.,—пустила глубокие корни, однако она не неизлечима. Я надеюсь ее преодолеть в несколько недель. Но надо применить примерные наказания во взбунтовавшихся полках и надо отказывать в помиловании во всех случаях коллективного неповиновения и ухода с поста...

как французская военщина расправлялась с повстанцами

Правительство принимает решение в духе высказываний генерала Петена, а президент Республики Пуанкаре в ответ на просьбы о помиловании ряда солдат заявляет, что «армия портится и сейчас не время для послаблений». Военно-судебная машина, действующая быстро и решительно, выносит тысячи смертных приговоров. В мятежных полках расстреливают каждого десятого. По официальным сведениям насчитывалось до 118 тяжелых случаев нарушения воинского устава, каждый из которых приводил к массовым расстрелам. Вдовы казненных солдат лишались права на пенсию, и уже после окончания войны многие из них потребовали пересмотра приговоров.

Анри Барбюс подсчитал, что апелляционный суд вынужден был признать, что в 2.700 случаях солдаты были расстреляны, не будучи ни в чем виноваты. И несмотря на все эти казни, аресты, ссылки в концентрационные лагеря и дисциплинарные батальоны, еще 26 июня Пуанкаре вынужден был записать в свой дневник: «По словам Фурнье, еще один полк прошел Шален с революционными возгласами и криками «Да здравствует мир!». Болезнь таким образом не излечена. 5 новых казней последуют в результате отклонения просьб о помиловании».

Пуанкаре сознается, что он лечил нарастающую во Франции революцию казнями. Но причины «болезни» лежали глубоко в рабочих и солдатских массах. Эти революционные настроения и брожения усиливались благодаря русской революции и непосредственному влиянию русских частей, находившихся во Франции, отказывавшихся сражаться и требовавших отправки назад в Россию.

Революционизирующее влияние русских частей во Франции вынужден признать британский посол в Париже Берти, который писал в конце июня 1917 г., что «моральное состояние частей французской армии ухудшилось вследствие потерь и неудач, а также

вследствие бунта русских частей на французском фронте». И на этот раз Пуанкаре и его сторонники не изменили себе и оказали прямую поддержку русскому генералу Зенкевичу, стремившемуся силой оружия привести к повиновению взбунтовавшиеся русские части.

Усмирение русских частей в лагере Дю-Куртине является одной из позорнейших страниц истории Франции¹. Лагерь был окружен артиллерией и пулеметами. Несмотря на то, что русским частям была обещана отправка в Россию, им предложили отправиться на фронт. Отказ повлек за собой обстрел лагеря 18 сентября 1917 г. артиллерийским и пулеметным огнем. Несколько сот человек было убито, а лагерь в значительной части разрушен. Русским

¹ См. об этом вопросе у М. Н. Покровского «Памяти Куртинского расстрела» в сборнике его статьи «Империалистическая война». А также сборник воспоминаний русских солдат во Франции и на Балканах «Октябрь за рубежом» с предисловием М. Н. Покровского.

солдатам предложили на выбор: фронт или каторжные работы в Африке. Большинство предпочло последнее.

И Т О Г И

Но сила массовых движений среди солдат заключалась в том, что они переплетались с мощным стачечным движением в самой Франции и национально-революционным движением в Марокко и Индо-Китае. Нараставшее революционное движение привело к глубокому правительственному кризису во Франции и к крупным разногласиям в лагере буржуазии.

На очередь дня стали вопросы о смене кабинета и о перемене методов борьбы против массового движения. На закрытых заседаниях Палаты против министра внутренних дел Мальви выступает Клемансо и обвиняет его в том, что Мальви не решался разгромить рабочие организации, что он запрещал обыски на биржах труда и якобы пропуская на фронт «анархистские» бр-

Русские солдаты, окруженные колючей проволокой и пулеметами, в концлагере во Франции

Генерал Вейган, безжалостно расстреливавший восставших французских солдат

шюры и воззвания. «Пусть мне не говорят, что эта пропаганда (нацифистская.—С. Б.) не имеет влияния на фронте,— заявил Клемансо.— Разве вы не читали этих гнусных 10 заповедей, распространяемых в траншеях... Разве вы не видели поездов с едущими в отпуск солдатами, вопящими: «В Стокгольм!». Ведь этот крик означает: «Заключайте мир!». А обстоятельства совсем не допускают еще толков о мире». Французская буржуазия и ее социал-шовинистические агенты принимали все меры к тому, чтобы солдатское движение не слилось с массовыми рабочими выступлениями.

Не имея своей боевой политической партии, которая могла бы возглавить этот массовый революционный поток, шедший с фронта в помощь рабочему движению, пролетариат Франции не смог перейти в решительную атаку против своей буржуазии. Неизвестные солдаты революции подняли знамя восстания против своих генералов и буржуазии и, пойдя на Париж, приступили этим к превращению империалистической войны в гражданскую.

Углубляющийся с каждым днем всеобщий кризис капитализма, отбросивший назад, к XIX столетию, основные отрасли промышленности в важнейших капиталистических странах, приход в Германии к власти фаши-

стов, попытка за счет передела малых стран ослабить империалистические противоречия с неизбежностью подводят мир к новой империалистической войне, к новой интервенции против Советского союза.

Империалистическая буржуазия Франции, Англии, Германии снова будет бросать под колесницу войны сотни тысяч и миллионы грудящихся во имя «свободы, цивилизации и культуры». Но опыт первой империалистической войны, опыт Октябрьской революции и революционных боев 1917—1921 гг. многому научил рабочих и трудящихся всего мира.

И если международная буржуазия затеет новую империалистическую войну или войну против СССР, мы будем свидетелями грандиозных массовых «походов на Париж», «походов на Берлин», «походов на Вашингтон» французских, немецких и американских солдат, будем свидетелями превращения новой империалистической войны в войну гражданскую.

Французские пролетарии, которые крепко хранят память о безвестных героях солдатских восстаний 1917 г., которые крепко запомнили восстание на Черном море во французской эскадре, в случае новой войны сумеют показать, что Фридрих Энгельс был полностью прав, когда еще в конце 60-х годов говорил, что в «области революционной стихии французские пролетарии большие мастера».

рис. Яноша

Пуанкаре—гиена войны

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В ИРЛАНДИИ

значение национального движения в Ирландии для пролетарской революции

Усилившееся за последние два года национально-революционное движение в Ирландии вызывает все большую тревогу английской буржуазии. Снова возрождается так называемый «ирландский вопрос». Эта проблема, над которой бились английские буржуазные политики в течение всего прошлого столетия, казалась английской буржуазии уже окончательно разрешенной с переходом власти 1921 г. в руки ирландской буржуазии. Однако рост рабочего и крестьянского движения в Ирландии не только поставил британский империализм перед «ирландской проблемой», но и самую эту проблему поставил в новом свете, с новой остротой.

Конец относительной стабилизации капитализма, экономический и аграрный кризис вызвали растущее недовольство масс стоящей у власти партией крупной буржуазии.

Именно этот рост революционного движения масс заставил вождя ирландских мелких промышленников Де-Валера выдвинуть антибританские лозунги. Это же недовольство трудящихся масс существующим положением вызвало поражение на всеобщих выборах партии крупной буржуазии и поставило у власти Де-Валера, который был вынужден начать — хотя и нерешительно — борьбу против империалистической политики Великобритании в отношении Ирландии

Программа Де-Валера была весьма умеренна. Самым острым ее пунктом был отказ вносить в английское казначейство 3 млн. ф. ст. ежегодных платежей в счет выкупа земель. На разрыв с Британской империей Де-Валера итти не решился.

Приход к власти Де-Валера вызвал тем не менее среди британских империалистов бурю негодования и угроз. Вся империалистическая печать, от консерваторов до лейбористов включительно, развила целую программу репрессий против ирландского государства. В ответ на отказ внести в английское казначейство очередной взнос в счет земельных платежей Томас, верный лакей английской буржуазии, спешным порядком внес в парламент таможенный законопроект, крайне разорительный для ирландской торговли. Таможенные пошлины в размере 40 проц. стоимости на все продукты ирландского сельского хозяйства должны были вынудить Де-Валера сдаться и прекратить всякие выступления против британских империалистов.

В то же время эти пошлины на с.-х. продукты должны были побудить консерваторов (в большинстве лендлордов или связанных с сельским хозяйством) поддерживать английское «национальное правительство».

Причину тревоги английской буржуазии разгадать нетрудно: она продиктована страхом перед развивающимся национально-освободительным движением в Ирландии, которое может послужить толчком для дальнейшего развития антиимпериалистического и сепаратистского движения в других британских колониях и в первую голову в Индии. Не последнюю роль играют и соображения стратегического характера. Ллойд-Джордж, выступивший в парламенте в июле 1932 г. с яркой империалистической речью, заявил: «Мы уже научены опытом войны, когда побережье Ирландии оказалось губительной ловушкой для наших кораблей. Если бы в то время ирландское побережье находилось в руках какой-нибудь независимой суверенной державы, то с нами было бы покончено. Мы на такой риск не пойдем»¹.

Британские империалисты знают, что Ирландия является наиболее уязвимой частью Британской империи. Поэтому английская буржуазия стремится всеми силами сохранить статус-кво, определенный договором 1921 г. при основании так называемого Ирландского Свободного государства. «Ни-

¹ «Таймс», 20 июля 1932 г.

как нельзя признать за одной страной право по собственному почину в корне менять двусторонний договор» — писала по этому поводу консервативная «Сэндей таймс».

Значение национально-освободительного движения в Ирландии против британского империализма для дела мировой пролетарской революции вообще и для борьбы английского пролетариата против своей буржуазии в частности очень велико. Его подчеркивали еще основоположники марксизма, придававшие большое значение ирландской борьбе за независимость. Маркс принимал самое активное участие в ирландском движении, поддерживал борьбу фениев и организовал кампанию за амнистию фенианским заключенным. На заседании совета I интернационала Маркс внес свою знаменитую резолюцию, в которой клеймил политику Гладстона и заявлял, что «генеральный совет международного товарищества рабочих восхищается мужеством, твердостью и великодушием, с которым ирландский народ ведет свою борьбу за амнистию»¹.

Маркс уделял так много внимания ирландскому вопросу потому, что был убежден, что национальное движение Ирландии будет иметь решающее значение для пролетарской революции в Англии. «После многолетних занятий ирландским вопросом я пришел к тому заключению, что решительный удар господствующим классам Англии можно нанести не в Англии, а только в Ирландии (а он имел бы решающее значение для рабочего движения во всем мире)»².

Маркс вел непрерывную агитацию за право Ирландии на самоопределение вплоть до отделения ее от Англии, воспитывая английский пролетариат в духе международной солидарности. Недаром оппортунисты из II интернационала тщательно скрывали и искажали взгляды Маркса на ирландский вопрос. Социал-фашисты вопреки Марксу развивали в Англии и во II интернационале прямо противоположные взгляды, защищая империалистическую точку зрения. Здесь нет надобности и возможности подробно излагать их взгляды на Ирландию. Ограничимся указанием на лейбориста Томаса, который, защищая в английском парламенте закон об экономических репрессиях против ирландского государства, откровенно заявил:

¹ Маркс-Энгельсу, 18 ноября 1869 г. Собр. соч., т. XXIV, стр. 251.

² Маркс-Менсеру и Фохту 9 апреля 1869 г. Избранные письма, под редакцией Адоратского, изд. 3-е.

«Я считаю, что процветание Ирландского Свободного государства связано с процветанием нашей страны и в лучших интересах обеих стран быть объединенными в пределах Британской империи. Я считаю, что Британская империя еще сыграт свою роль как сотрудничество народов под лозунгом справедливости и честного уважения чужих прав»³.

Ленин, разоблачая искажение социал-демократией взглядов Маркса на ирландское национальное движение, подчеркивал, что Маркс учил на примере Ирландии пролетариат как угнетенной, так и особенно угнетающей нации правильной постановке и разрешению национального вопроса.

«Маркс и Энгельс в ирландском вопросе вели последовательно пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма»⁴.

«Ибо думать, что мыслима социальная революция без маленьких наций в колониях и Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,—думать так, значит отречься от социальной революции»⁵.

Тов. Сталин, разъясняя позднее точку зрения Маркса и Ленина товарищам, не понявшим линии основоположников марксизма в национальном вопросе и считавшим национальное движение в Ирландии движением реакционным, писал:

«Разве движение Ирландии против английского империализма не есть движение демократическое, наносящее удар империализму? И разве это движение мы не должны поддерживать?»⁶.

Значение национального движения в Ирландии для пролетарской революции с наступлением эпохи империализма не только не уменьшилось, а даже увеличилось.

Хотя английская буржуазия не имеет более в своих руках непосредственной власти во всей Ирландии, однако Ирландия попрежнему остается полуколонией британского империализма. Реакция в Англии попрежнему

³ «Таймс», 21 декабря 1932 г.

⁴ Ленин, т. XVII, стр. 464.

⁵ Ленин, т. XIX, стр. 269.

⁶ Сталин, Речь на конференции РСДРП в апреле 1917 г.

Типичная ирландская деревня (графство Галуэй)

чу опирается на порабощение Ирландии и других колоний Британской империи. По-прежнему задача национального самоопределения Ирландии и ее отделения от Англии является одной из основных задач английского пролетариата в его борьбе против британского империализма, за пролетарскую революцию. Эту связь между революционной борьбой английского пролетариата и национальным движением рабочих и крестьян Ирландии, выступивших на борьбу с британским империализмом, понимает прекрасно и сама английская буржуазия.

Отсюда ее тревога и страх перед новым этапом старого «ирландского вопроса», беспокорявшего английскую буржуазию с момента его возникновения. Национальное движение в Ирландии длится уже несколько столетий, ибо завоевание Ирландии и ее эксплуатация начались еще в первой половине XII века.

Английская буржуазия, вскормленная и разбогатевшая за счет эксплуатации в первую очередь Ирландии и Индии, стоит сейчас перед все возрастающей опасностью революционного взрыва именно в этих странах. Ирландия, не менее чем Индия, в настоящее время представляет с собой ядро британского империализма.

Вот почему история национально-революционной борьбы Ирландии против английской буржуазии и против ее империалистической политики в этой стране представляет такой актуальный интерес, особенно в настоящее время, когда эта борьба вступила в новую фазу, определяемую оформлением ирландской коммунистической партии, возглавляющей освободительно-революционную борьбу ирландского пролетариата и крестьянства.

Основные этапы национального аграрного движения в Ирландии до войны

Ирландский рабочий класс и крестьянство имеют долголетние традиции борьбы против британского ига. На разных исторических этапах эта борьба велась различными классовыми группировками и принимала разные формы, но она всегда носила революционный характер. Ирландия была первой английской колонией и фактически продолжает оставаться ею до сих пор. В то же время Ирландия является классическим примером, доказывающим несостоятельность теории деколонизации.

Развиваясь за счет колониальных сверхприбылей, английская промышленность получила возможность быстрого расцвета за счет полного удушения промышленного развития Ирландии, остававшейся «земледельческим округом Англии» (Маркс).

«Чем основательнее я изучаю предмет, тем яснее становится для меня, что английское нашествие лишило Ирландию всякой возможности развития и отбросило ее на столетие назад и притом тотчас же, начиная с XII века»¹ — писал Энгельс Марксу.

Национальное движение в Ирландии носило до последнего времени преимущественно аграрный характер.

Землевладельцами в Ирландии со времени ее завоевания были англичане, а исконное ирландское население было низведено до положения нищих крестьян-арендаторов, плативших землевладельцу непомерную арендную плату. Эта арендная плата, по свиде-

¹ Энгельс Марксу 19 января 1870 г. Собр. соч., т. XXIV, стр. 289.

тельству королевской комиссии, посланной в Ирландию в 1838 г., «поглощала нередко весь доход с земли за исключением достаточного для пропитания запаса картофеля», а иногда и картофеля не хватало. Крестьянин голодал круглый год, сокращая свои потребности ниже всякого «прожиточного минимума». Маркс писал, что «нет ни одного животного, которое было бы способно до такой степени сокращать свои потребности и ограничиваться таким минимумом условий своей жизни, словом, нет ни одного животного, которое обладало бы талантом жить так, как живут в Ирландии»¹.

Неудивительно, что в Ирландии не прекращались стихийное сопротивление крестьян и их выступления против поборов землевладельцев. Вскоре стихийное крестьянское движение начало принимать более организованные формы. Крестьяне объединялись по местностям и провинциям. Возникли крестьянские организации («Дубовые парни», «Рокисты», «Парни права» и т. д.), которые боролись против лендлордов методами индивидуального террора и отказа платить арендную плату. Так как арендаторами были ирландцы, а землевладельцами англичане, то аграрное движение сразу приняло национальный характер.

В городах началось национальное движение ирландской буржуазии, она стала искать лозунги, которые бы имели успех у крестьян.

Великая французская революция дала толчок национальному движению в Ирландии. Французская буржуазия отправила две экспедиции в помощь готовящемуся восстанию в Ирландии. Однако экспедиции явились слишком поздно. Англичанам удалось подавить восстание 1798 и 1803 гг. Почти все повстанцы, погибшие при подавлении восстания, были крестьяне. Вульф Тон, руководитель первого восстания, покончил жизнь самоубийством в тюрьме, а Эммета, лидера второго «бунта», англичане повесили. Для лучшего «контроля» над своей колонией, угрожавшей дальнейшими восстаниями, Англия установила в 1800 г. «союз с Ирландией», ликвидировав ирландский парламент, т. е. фактически аннексировав Ирландию. Буржуазные вожди ирландского национального движения были подкуплены и не организовали сопротивления «союзу». Энгельс приводит пример, ярко характеризующий

степень разложения лидеров ирландского национального движения:

«При соединении (с Ирландией), которое Англия купила взяткой в 1.000.000 ф. ст., одному из подкупленных был сделан упрек: «Вы продали свое отечество». Ответ был таков: «Конечно, и я чертовски рад, что у меня было отечество, которое я мог продать»².

«Союз» с Англией конечно несколько не уменьшил количества крестьянских волнений. Аграрное движение все разрасталось. Землевладелец и адвокат Даниэль О'Коннель увидел возможность увеличить политическую силу буржуазии, опираясь на крестьянство. Он осуществил руководство аграрным движением, направив его в русло «легальной борьбы». О'Коннель выдвинул лозунги эмансипации (равноправия) католиков и отмены союза с Англией. Несмотря на то, что он был сам лендлордом и арендаторы в его имении были так же притеснены, как и повсюду, О'Коннель добился огромной популярности. Под его влиянием находились огромные массы крестьян. На митинги, созываемые О'Коннелем, являлось до 400.000 чел. Однако все свое влияние О'Коннель использовал для того, чтобы удержать крестьян от революционного действия и предотвратить крестьянскую войну. Поэтому вся деятельность О'Коннеля ничего не принесла крестьянству. Он добился того, что католические помещики и ирландская буржуазия были допущены в английскую Палату общин, но в благодарность за эту правительственную уступку помог провести закон, который снизил число ирландцев, имеющих права голоса, с 200.000 до 26.000.

В начале второй половины XIX века начался в т о р о й период аграрного развития Ирландии, период форсированного развития буржуазных отношений в земледелии, выразившийся в концентрации земель у лендлордов, в огораживании, в массовом изгнании арендаторов с земли и превращении этой земли в пастбище для торгового скотоводства.

«Отмена хлебных законов лишила Ирландию монополии снабжать Англию хлебом в нормальное время. Лозунгами стали шерсть и мясо, т. е. превращение пахотных земель в пастбища. Отсюда стремление к систематическому объединению имений. Закон

¹ «Архив Маркса — Энгельса», т. II (VII), стр. 235.

² Энгельс Бернштейну. «Архив Маркса — Энгельса», т. I, стр. 316.

в задолженных имениях, прекративший массу прежних разбогатевших агентов-посредников в землевладельцев, ускорил этот процесс. Очистка ирландских имений — вот теперь единственный смысл английского господства в Ирландии»¹.

Весь этот период Маркс охарактеризовал как «англо-саксонскую революцию», «коренной переворот в ирландском обществе».

«Эта революция состоит в том, что ирландская аграрно-турная система уступает место английской, что система мелкой арендной собственности заменяется крупной, так же, как старые землевладельцы заменяются новыми капиталистами»².

Голод 1847 г. (в действительности голод продолжался несколько лет) дал дальнейший толчок капиталистическому развитию Ирландии. Крестьяне вымирали, разбегались, бросали участки для того, чтобы иметь возможность заработать себе на пропитание на общественных работах (на них принимали только тех, у кого земельная площадь не превышала $\frac{1}{4}$ акра — 0,1 га).

В период между 1838 и 1888 гг. около 3,7 тыс. крестьян лишилось своих участков. Разоренные крестьяне, не находя работы в городе, эмигрировали за границу, главным образом в САСШ, причем эмигранты ежегодно выслали средства для эмиграции оставшимся дома. Результаты массового разорения и эмиграции крестьянства были плачевны для ирландского земледелия: производство падало быстрее, чем убывало население, население же уменьшилось за 15 лет с 1845 по 1860 г. почти вдвое — с 8 млн. чел. примерно до 4,6 млн. чел.

Крестьянство сопротивлялось всеми возможными средствами. Тайные организации совершали ночные обыски у дворян для захвата оружия, запахивали пастбища по ночам, разрушали изгороди, закапывали рвы, терроризировали помещиков и их агентов. Теперь крестьяне убивали уже не только ненавистных лендлордов и их агентов, но и арендаторов, занимавших участки выселенных крестьян.

Руководство движением было попрежнему в руках ирландской буржуазии. При этом в среде «вождей» с самого начала не было единства. Английскому правительству уда-

лось арестовать лидеров левого крыла национального движения Лэйлора и Митчеля; это не предотвратило восстания 1848 г., но оно было быстро подавлено. Буржуазные лидеры оттягивали восстание, а во время восстания тщательно защищали частную собственность. Восставшим и изголодавшимся крестьянам их лидеры запрещали трогать проезжавшие мимо возы с зерном, а также захватывать помещичьи земли.

В 60-х годах руководство национальным движением перешло к ирландской мелкой буржуазии. В Америке среди ирландских эмигрантов возникло «фенианское братство» — боевая организация, не признававшая парламентской борьбы и поставившая себе целью вооруженное восстание. Многие фении обучились военному искусству во время гражданской войны в Америке. Состав фенианской организации был полупролетарский — мелкие крестьяне, ремесленники и с.-х. рабочие.

Предательство, неизбежное в мелкобуржуазных тайных организациях, и жесточайший правительственный террор сломили предполагавшееся восстание. Фении были разбиты. Рядовые участники поплатились долгими годами каторги; части вождей удалось бежать в Америку, где они постепенно оторвались от движения. Ряд выступлений, организованных в дальнейшем фениями, уже не поднимался до высоты вооруженного восстания.

Это движение, опиравшееся в конечном счете на аграрные волнения, вынудило английскую буржуазию пойти на уступки. Аграрное развитие в Ирландии пошло по другому пути, чем в Англии. Вместо дальнейшей концентрации земель и очистки имений от арендаторов пришлось дать крестьянам некоторую возможность выкупать свою землю, пришлось дробить крупные имения. Революционные взрывы борьбы ирландского народа за свободу и за землю становились все более грозными, и они выдвинули на очередь дня новые реформы в Ирландии.

С 1868 г. министерство Гладстона — этого героя либеральных буржуа и тупых мещан, по выражению Ленина, — начинает эпоху реформ в Ирландии, затянувшуюся на полвека. Первой реформой английского правительства в этом направлении был земельный закон Гладстона, лишь несколько упрощивший аренду (закон ограничивал право лендлорда выбрасывать арендатора с участка, когда ему вздумается), но отнюдь не

¹ Маркс Энгельсу 30 ноября 1867 г. Собр. соч., т. XXIII, стр. 230.

² Маркс Энгельсу. Собр. соч., т. XI, стр. 211, изд. 1924 г.

приостановивший роста арендной платы. Маркс писал Энгельсу в 1850 г.:

«Итак, гора Гладстон благополучно родила свою ирландскую мышь. Я, право, не знаю, что могут иметь тори против этого закона, который так бережно относится к ирландским лендлордам и в конце концов отдает охрану их интересов в испытанные руки ирландских юристов... Но если честный Гладстон думает покончить с ирландским вопросом, исходя из этой новой перспективы, рассчитанной на длительное развитие этого процесса, то это очень забавно»¹.

Еще более резко оценивал Маркс буржуазную аграрную реформу Гладстона в статье «Английское правительство и заключенные фении»:

«Все это лишь обман, имеющий конечной целью внушить почтение Европе, прельстить ирландские суды и адвокатов перспективами бесконечных процессов между лендлордами и фермерами, привлечь лендлордов обещанием денежных субсидий со стороны государства и завлечь более богатых фермеров некоторыми полууступками».

С помощью подобных реформ английская буржуазия пыталась разрешить ирландский вопрос. Широко распространившаяся кампания «Земельной лиги», возникшей в 1879 г. и борозшейся за прочность аренды, «справедливую» арендную плату и свободную продажу земель, т. е. за буржуазно-демократический путь развития Ирландии, вынудила английскую буржуазию провести и дальнейшие реформы. Однако разрешить аграрный вопрос эти реформы конечно не могли. Эту задачу разрешить могла бы только аграрная революция, полностью ликвидирующая пережитки феодализма. Реформы же затянули процесс выкупа на полстолетия и возложили на ирландское крестьянство огромное бремя земельных (выкупных) платежей. По словам Ленина, «ирландский крестьянин только в XX веке стал превращаться из арендатора в свободного владельца земли, но те либералы навязали ему выкуп по «справедливой» оценке. Миллионы и миллионы данит платит он и будет платить еще долгие годы английским помещикам в награду за то, что они несколько столетий грабили его и доводили до постоянных голодовок».

Английские либеральные буржуа заставили ирландских крестьян отблагодарить за

это помещиков чистыми деньгами»². Эти платежи крестьянство выплачивает и до сих пор.

«Земельная лига» действовала до конца 80-х годов. В 1882 г. Парнелль, председатель лиги и лидер национального движения буржуазии, подписал соглашение с Гладстоном, по которому обещал фактически распустить лигу в ответ на некоторые уступки Гладстона (некоторые ограничения выселений за недоимку арендной платы). «Земельная лига», оказавшись без руководства, распалась, и крестьянское движение уже не выходило за рамки отдельных стихийных вспышек.

Ирландская парламентская партия — партия буржуазных националистов — сделалась просто ответвлением английской либеральной партии и занималась лишь «конституционной» агитацией за гомруль, т. е. за некоторое самоуправление Ирландии без отделения от Англии.

В 1905 г. возникла мелкобуржуазная организация «Шин-фейн», которая пропагандировала отделение от Англии, но в то же время решительно выступала против классовой борьбы пролетариата.

В начале XX столетия, уже в эпоху империализма, в Ирландии началось зарождающееся рабочее движение, которое получило под влиянием тред-юнионизма.

Наибольшего подъема движение достигло в 1913 г., а его вершиной была забастовка в Дублине. В ответ на забастовку предприниматели объявили массовый локаут, захвативший свыше 20.000 рабочих и сопровождавшийся арестами, избиениями, массовыми демонстрациями и т. д. Борьба продолжалась 6 мес. В конце концов профсоюзные бюрократы подписали прелатерское соглашение, и рабочим пришлось сдаться. Но эта забастовка была переломным моментом, годом «гражданской зрелости» ирландского пролетариата. Он начал освобождаться из-под влияния буржуазного национализма, впервые понял, что ирландские буржуа являются такими же классовыми его врагами, как и английские империалисты.

Слабость ирландского рабочего движения этого этапа заключалась в том, что оно не возглавлялось выдержанной пролетарской партией, а находилось под мелкобуржуазным руководством. Классовая борьба пролетариата протекала вне связи с крестьянским движением. Национально-революционная борьба не была связана с экономической

¹ Маркс Энгельсу 17 февраля 1850 г. Собр. соч., т. XXIV, стр. 294.

² Ленин, т. XVII, стр. 245.

борьбой рабочих. Даже Джеймс Коннолли, вождь социалистического движения в Ирландии, провозгласивший, что только рабочий класс является носителем революционно-национальной борьбы, не понимал необходимости партии, способной руководить экономической и политической борьбой пролетариата и национальным движением. Возглавив в 1916 г. восстание против английского империализма, Коннолли не сумел увязать провозглашение политической независимости Ирландии с классовыми требованиями пролетариата и крестьянства.

Восстание 1916 г. было плохо подготовлено. Ожидаемый транспорт оружия из Германии не прибыл. Вследствие плохой связи с провинциями восстание не перебросилось на другие части страны. В результате ожесточенной борьбы героическое дублинское восстание было жестоко подавлено. Вожди восстания были расстреляны. Раненого Коннолли расстреляли на носилках.

Джеймс Коннолли

POBLACHT NA h EIREANN.
THE PROVISIONAL GOVERNMENT
OF THE
IRISH REPUBLIC
TO THE PEOPLE OF IRELAND.

IRISHMEN AND IRISHWOMEN In the name of God and of the dead generations from which she receives her old tradition of nationhood Ireland through us summons her children to her flag and stakes her freedom.

Having organised and trained her manhood through her secret revolutionary organisation the Irish Republican Brotherhood and through her open military organisations the Irish Volunteers and the Irish Citizen Army, having patiently perfected her discipline, having bravely waited for the right moment to reveal itself she now seizes that moment and supported by her exiled children in America and by gallant allies in Europe, but relying in the first on her own strength, has struck in full confidence of victory.

We declare the right of the people of Ireland to the ownership of Ireland, and to the unfettered control of Irish destinies, to be sovereign and indefeasible. The long usurpation of that right by a foreign people and government has notwithstanding the right of our country to be extinguished except by the destruction of the Irish people. In every generation the Irish people have asserted their right to national freedom and sovereignty, six times during the past three hundred years they have asserted it in arms. Standing on that fundamental right and again asserting it in arms in the face of the world, we hereby proclaim the Irish Republic as a Sovereign Independent State and acknowledge the right and the duty of our comrades in arms to the cause of Irish freedom, of our welfare, and of its exaltation among the nations.

The Irish Republic is entitled to and hereby claims the allegiance of every Irishman and Irishwoman. The Republic guarantees religious and civil liberty equal rights and equal opportunities to all its citizens, and declares its resolve to pursue the happiness and prosperity of the whole nation and of all its parts, cherishing all the children of the nation equally, and oblivious of the differences carefully fostered by an alien government, which have divided a minority from the majority in the past.

Confidence arms have brought the opportune moment for the establishment of a permanent National Government representative of the whole people of Ireland and elected by the suffrages of all its men and women, the Provisional Government hereby reconstitutes itself to conduct the civil and military affairs of the Republic in trust for the people.

We place the cause of the Irish Republic under the protection of the Most High God, whose blessing we invoke upon our arms, and we pray that no one who serves that cause will be brought to bay by cowardice, treachery, or rapine. In this supreme hour the Irish nation must, by its valour and firmness and by the readiness of its children to sacrifice themselves for the common good, prove itself worthy of the august destiny to which it is called.

Signed on behalf of the Provisional Government.
THOMAS J. CLARKE
DEAN Mac DIARADA THOMAS MacDONAGH
P. B. FRANKS EAMONN CEANNT.
JAMES CONNOLLY. JOSEPH PLUNKETT.

Объявление о независимости Ирландской республики

Довоенные социал-демократы, основываясь на быстром подавлении восстания, объявили его «путчем», социально «стоившем немногого». Ленин дал резкий отпор подобной недооценке значения революционно-национальной борьбы мелких наций и призывает пролетариат угнетающих государств к активной поддержке национального движения в Ирландии.

борьба ирландских масс с британским империализмом после войны

Высокая волна национально-освободительного движения в Ирландии, поднявшаяся накануне и во время войны, вылилась в настоящую гражданскую войну, для ликвидации которой английские империалисты сочли благоразумным уступить власть ирландской крупной буржуазии.

В 1921 г. английская буржуазия организовала так называемое Ирландское Свободное государство, предварительно вызвав черносотенное восстание на севере Ирландии и отрезав от нового государства этот промышленный округ.

Северная Ирландия (Ольстер) осталась провинцией Великобритании. Для нее учрежден специальный ольстерский парламент, но этот парламент не имеет права ни обсуждать бюджет, ни определять таможенную

политику, ни принимать какие-либо акты или постановления, противные английским законам или английской политике. Армия и полиция в Ольстере остаются английскими. Однако даже в так называемом «свободном» Ирландском государстве в руках английской буржуазии также остались функции морской обороны и важнейшие в стратегическом отношении морские форты. Кабальный договор 1921 г. не только не успокоил страну, но вызвал еще большее возмущение масс, направляемое теперь не только против английского империализма, но и против его агентуры — ирландской буржуазии. Последняя расправлялась с революционно-национальным движением не хуже английских твердолобых. Повстанцев ловили, избивали, расстреливали. Рабочие отвечали на это стачками, доходя до захвата отдельных фабрик. В деревнях развертывалась настоящая гражданская война между кулаками и с.-х. рабочими. Мелкие крестьяне захватывали и делили имения лендлордов. В 1923 г., после двухлетней ожесточенной борьбы, сопротивление республиканцев, не признававших договора 1921 г., было наконец сломлено. «Национальное правительство» Ирландии выполнило задание английских империалистов «с экономией английских жизней» (по циничному выражению лорда Биркенхеда).

Ленин так охарактеризовал перемену, происшедшую за время войны в расстановке классовых сил в Ирландии:

«Теперь ирландские националисты (т. е. ирландские буржуа) победили: они выкупают свои земли у английских помещиков (лендлордов); они получают национальное самоуправление (знаменитый гомруль, из-за которого шла такая долгая и упорная борьба Ирландии с Англией); они свободно будут править «своей» землей в купе со «своими» ирландскими попами»¹.

Перед ирландским пролетариатом и крестьянством встала теперь задача борьбы против национального правительства, против «своих» капиталистов, ставших прямыми агентами британского империализма. Только пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством сможет довести до конца эту революционно-национальную борьбу.

С конца периода относительной стабилизации капитализма в Ирландии начался новый подъем национально-революционного движения. Вследствие кризиса это движение приняло особенно массовый характер. На

всеобщих выборах 1931 г. партия крупной ирландской буржуазии Куманн-на-н'Гейл потерпела поражение и большинство голосов было подано за Фианна Фал — партию мелких промышленников. Партия Фианна Фал выступала на выборах под национальными лозунгами, используя в своих целях недовольство трудящихся масс существующим положением.

Лидер Фианна Фал Де-Валера обещал отменить присягу английской короне (символ подчинения Ирландии) и прекратить выплаты в английское казначейство ежегодных земельных платежей. Оградившись высоким таможенным барьером, Де-Валера надеялся создать условия для развития местной промышленности, предпочтительно мелкой, и ликвидировать таким путем безработицу в Ирландии. Де-Валера поддержала ИРА (ирландская республиканская армия) — массовая организация с рабоче-крестьянским составом и мелкобуржуазным руководством. ИРА считает необходимым добиваться независимости и объединения Ирландии вооруженной борьбой, но на деле плетется в хвосте Фианна Фал.

Коммунистической партии, которая могла бы разоблачить реакционную политику Де-Валера и возглавить антиимпериалистическую революционную борьбу масс в Ирландии, тогда еще не было. Революционные рабочие группы — предшественники компартии — были слишком слабы. Тем не менее под их влиянием в деревнях возникли комитеты трудящегося крестьянства, объединявшие мелких и средних крестьян и поднимавшие их на борьбу под лозунгом полной отмены земельных платежей для беднейшего крестьянства, требуя заставить платить кулака и крупного сельского предпринимателя-скотовода. Вследствие слабости революционных рабочих групп эти крестьянские комитеты были связаны с ИРА и самостоятельной от ИРА политической линии не имели. Партия мелких промышленников, Фианна Фал, оказалась единственной крупной политической партией, которая как будто была готова руководить антиимпериалистической борьбой. Поэтому за нее голосовала значительная часть рабочих и крестьян.

Крестьянские массы были заинтересованы в антибританской борьбе, потому что она означала борьбу против земельных платежей, которых мелкое ирландское крестьянство, совсем обнищавшее в результате кризиса, не в состоянии было платить. Вместо господствовавшей раньше в Ирландии ан-

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 244.

ишской земельной аристократии там господствует теперь английская буржуазия, эксплуатирующая ирландское население при помощи ирландской буржуазии и кулаков. Даже земельные платежи поступали не английским землевладельцам, а английским буржуа-рантье, авансировавшим в свое время крупные суммы на выкуп земли, а теперь пожидающим проценты.

За недоимки по земельным платежам судебные приставы конфисковали скот и инвентарь, а нередко и земельные участки. Особенно массовый характер приняла эта конфискация с приходом к власти Де-Валера. Трудящиеся крестьяне организовали отпор этим конфискациям, нередко всей деревней отстаивая конфискуемое имущество односельчанина.

Борьба вокруг земельных платежей расколола деревню на два фронта: трудящееся крестьянство боролось против земельных платежей, а кулаки и крупные скотоводы—главные экспортеры с.-х. продуктов в Англию—считали более выгодным вносить земельные платежи, чем выплачивать высокие таможенные пошлины, установленные английским правительством «в наказание» за невзнос этих платежей. Англия является единственным внешним рынком Ирландии. На других, более далеко отстоящих рынках отсталая Ирландия не в состоянии конкурировать. Даже на английском рынке ее побивает Дания, стоящая на более высоком уровне капиталистического развития. Сельскохозяйственный экспорт составляет 70 проц. вывоза Ирландии. Поэтому ирландские кулаки и крупные скотоводы поддерживали партию Куманн-на-н'Гейл, агитировавшую за «более тесный союз с Англией», т. е. фактически за сохранение Ирландии в качестве английской полукolonии. Де-Валера пытался привлечь на свою сторону кулаков и крупных сельских капиталистических предпринимателей выдачей государственных субсидий и экспортных премий экспортерам, но его программа была все-таки слишком «левой» для этих слоев деревни.

Вокруг Куманн-на-н'Гейл возник ряд новых кулацких организаций, поставивших своей целью бороться против политики Де-Валера. Была организована фашистская «ассоциация ветеранов», которая заявляла, что ее задачей является «водворение законного мира в Ирландии». Члены этой «ассоциации» занимались разгоном собраний и демонстраций, разгромом рабочих организаций и нападениями на гражданское население. При

Де-Валера

этом пускались в ход дубинки, камни и даже револьверы.

Все эти организации вначале настаивали на уплате земельных платежей в английское казначейство, объявляя, что Де-Валера нарушает «деловую честность». Затем, убедившись, что эти требования не пользуются никакой поддержкой трудящегося крестьянства, эти реакционные организации развили бешеную демагогию. Теперь они требуют полной отмены земельных платежей и решительного снижения налогов, лежащих на сельском населении, «до тех пор, пока длится экономическая борьба с Англией». В борьбе за влияние на крестьянские массы Де-Валера пришлось пойти значительно дальше своей первоначальной программы. Под давлением трудящегося крестьянства он должен был ввести двухгодичный мораторий земельных платежей, снизить их наполовину и прекратить конфискации инвентаря за недоимки земельных платежей.

Несмотря на всю свою демагогию, Куманн-на-н'Гейл и родственные ей организации не пользуются влиянием в стране: тру-

дящиеся массы отнюдь не желают поддерживать явных агентов британского империализма.

Вместе с тем нарастает раскол в рядах Фианна Фал и ИРА. Ирландские трудящиеся убеждаются, что «борьба» Де-Валера против британских империалистов ограничивается интересами ирландских мелких промышленников. Де-Валера не может и не желает мобилизовать массы на решительную борьбу против британского империализма. Массам становится все яснее, что он не способен довести до конца дело национального освобождения и объединения Ирландии. Насаждаемая им мелкая местная промышленность расцветает за счет потогонной системы, за счет невиданной эксплуатации ирландского рабочего. В социальной области правительство Де-Валера ведет самую реакционную политику: проводит снижение зарплаты учителям, государственным служащим и рабочим на государственных предприятиях и организует полицейскую охрану штрейкбрехеров. Все это заставляет рабочие массы отходить от Фианна Фал, нынешней правительственной партии Ирландии.

Трудящееся крестьянство, добившись двухгодичного моратория и снижения земельных платежей наполовину (ставших теперь статьей государственного дохода ирландского государства), продолжает поддерживать антиимпериалистическую борьбу, потому что агентами империалистов являются те же кулаки и скотоводы, против кото-

Полицейский броневик, участвовавший в боях с рабочими во время сентябрьских событий в Бельфасте в 1932 г.

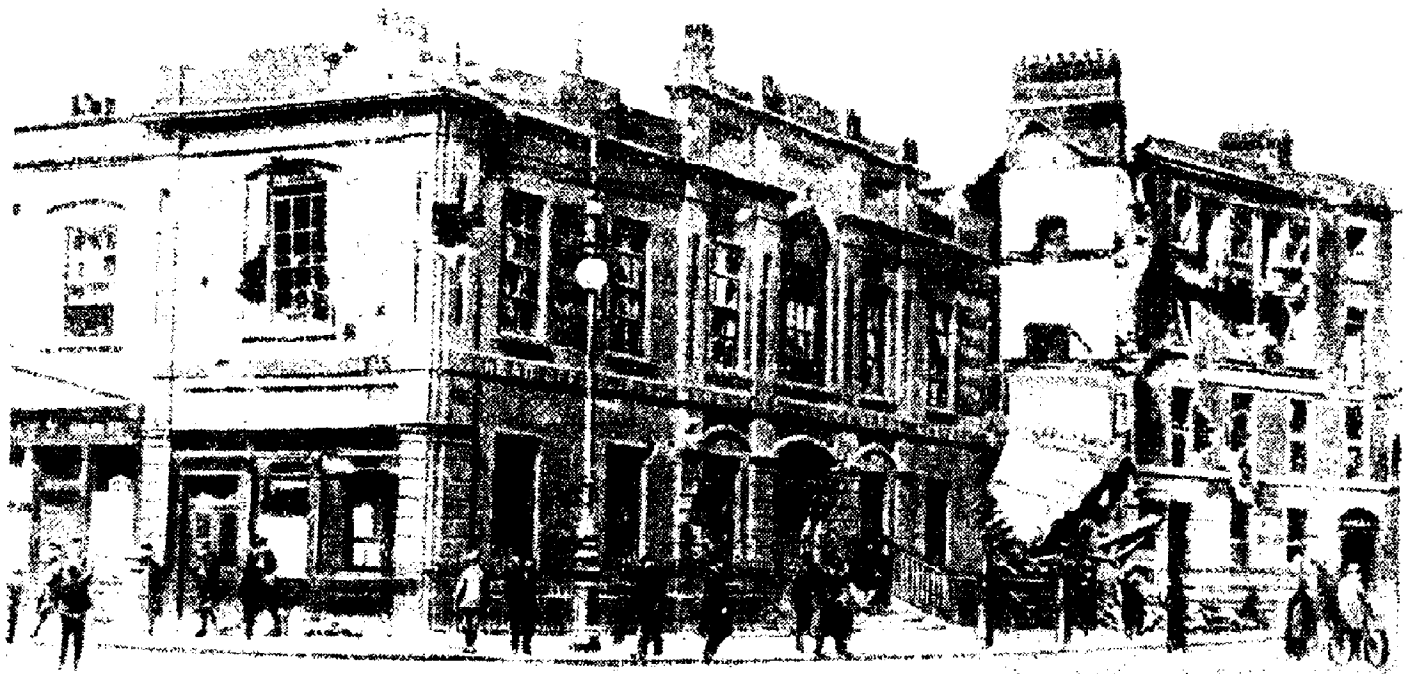
рых направлена основная борьба крестьянства. Мелкие и средние крестьяне убеждаются, что правительство Де-Валера перекладывает всю тяжесть экономической войны на плечи трудящегося крестьянства, заставляя оплачивать убытки кулаков и крупных скотоводов от экономической борьбы с Англией экспортными премиями и государственными субсидиями и в то же время повышая налоги, отказываясь конфисковать без компенсации крупные имения и хозяйства и разделить землю между безземельными и малоземельными. Кулаки же умудряются нажимать прибыли, скупая скот за бесценок у мелких крестьян и получая экспортные премии за его вывоз в Англию. В антианалоговой кампании трудящееся крестьянство выступает против правительства Де-Валера.

Нарастающее недовольство рядовых членов Фианна Фал отразилось в массе резолюций протеста, выносимых местными организациями Фианна Фал против тех или иных действий правительства. Это недовольство масс выразил в своей речи на конгрессе этих местных организаций делегат Мик Гинлей, выступивший с заявлением, что «правительство ничего не делает для рядовых членов и ни в чем не изменяет и не улучшает политики прошлого правительства».

Комитеты трудящегося крестьянства начали кампанию против правительства Фианна Фал вокруг дела Гральтона. Гральтон, мелкий крестьянин графства Лейтрим, партизан во время гражданской войны 1921—1923 гг., организовавший крестьян на раздел местного имения, после подавления восстания уехал в САСШ и там вступил в компартию.

В 1932 г. он приехал обратно в Ирландию, сделался членом революционных рабочих групп и развил активную работу среди трудящихся крестьян своего графства, выступая против местных кулаков и попов. Правительство Де-Валера издало приказ о высылке его из Ирландии под тем предлогом, что он принял американское подданство. Крестьянские комитеты организовали кампанию в защиту Гральтона. В день высылки Гральтон исчез, укрываемый мелкими крестьянами своего графства, и уже третий месяц остается неуловимым для полиции Де-Валера. Дело Гральтона раскрывает глаза трудящемуся крестьянству на реакционный характер правительства Де-Валера.

Идет брожение и в рядах ИРА. ИРА сопровождает свою поддержку Де-Валера рядом оговорок, но все еще налегает на воздей-

„Либерти-Холл“—„Дом свободы“—главный штаб ирландских республиканцев в Дублине в 1916 г.

ствовать на него, заставить его вступить на путь решительного разрыва с Британской империей. Рядовые члены ИРА недовольны этой политикой хвостизма. Недовольны они и расплывчатостью программы, ибо мелкобуржуазное руководство ИРА не имеет ясной социальной программы и не способно возглавить антикапиталистическую и антибританскую борьбу в Ирландии.

В этой обстановке возникла компартия Ирландии. То обстоятельство, что компартия является всеирландской, подчеркивает, что рабочие не признают искусственного империалистического деления Ирландии на Северную Ирландию и «Ирландское Свободное государство».

Все буржуазные партии — Куманн-на-Гейл, Фианна Фал и руководство ИРА—подняли яркую кампанию против возникающей компартии. Ирландские епископы писали многочисленные послания с заклинаниями не слушать никаких «головорезов, безбожников-коммунистов». В Лейтриме попы убеждали крестьян не иметь никакого дела с коммунистами и даже закрывать глаза при встрече с ними на дороге. В Северной Ирландии буржуазия, разжигая религиозные предрассудки, натравливала рабочих-протестантов на католиков. Наконец организованная толпа хулиганов, подстрекаемая попами и реакционерами, напала на «Дом Коннолли» в Дублине (главный штаб революционных рабочих групп) и разгромила его

лотла, выбив окна, переломав мебель и предав огню революционную литературу, документы и портреты Коннолли.

Несмотря на террор, 7 июня с. г. в Дублине собрался учредительный съезд компартии. Революционные рабочие группы выросли во время событий в Бельфасте в сентябре 1932 г., когда протестантские и католические рабочие совместно строили баррикады, борясь с полицией под руководством революционных рабочих групп. Такое же влияние имела и трехмесячная упорная забастовка ирландских железнодорожников в феврале—апреле 1933 г. На съезде компартии присутствовали 45 делегатов из Дублина, Бельфаста, Уотерфорда, Корка, Донегала, Килькенни, Лейтрима. Съезд постановил разоблачить реакционную политику Де-Валера, взять в свои руки руководство революционным движением на основе единого фронта с рядовыми ИРА, бороться за создание всеирландской рабоче-крестьянской республики в отличие от буржуазной республики, за которую борется ИРА.

С организацией компартии Ирландии начался новый этап антиимпериалистической борьбы ирландских масс. Руководство освободительным движением переходит к авангарду пролетариата — коммунистической партии, которая возглавит движение крестьянства против британского империализма и его буржуазно-кулацкой агентуры в Ирландии.

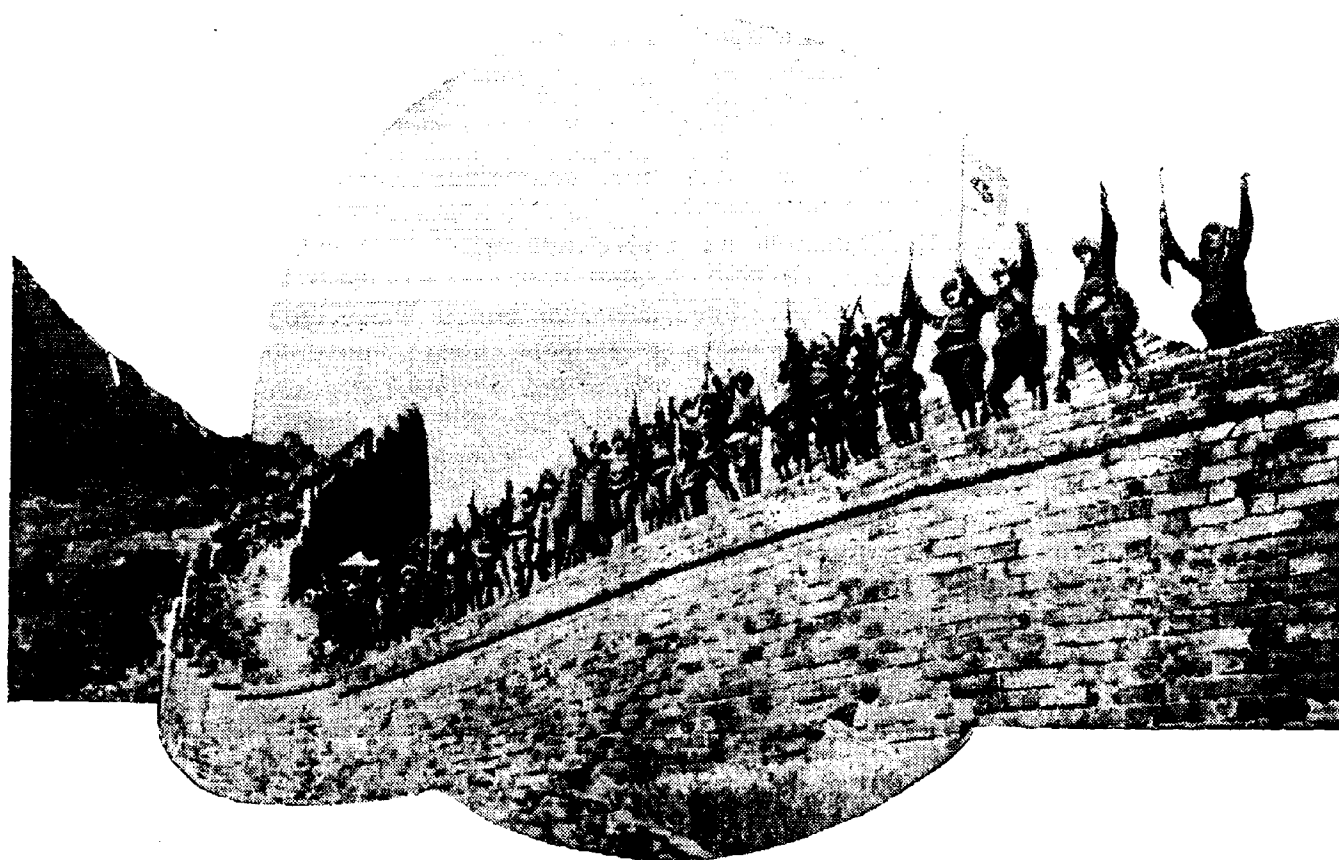
КЛАССОВАЯ БОРЬБА В МАНЧЖУРИИ ДО ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ

империализм и национально-освободительная борьба в манчжурии

Второй год трудящиеся массы Манчжурии ведут героическую национально-освободительную войну против японских оккупантов и их агентуры из среды туземных господствующих классов.

Второй год кровь обильно орошает манчжурскую почву. Почти ежедневно новые деревни, поселки и города превращаются в развалины японскими карательными отрядами, японской воздушной бомбардировкой. Несмотря на неслыханный террор оккупантов, антияпонское партизанское движение весной 1933 г., как и с весны 1932 г., снова широко и мощно разлилось по всей стране. Японская пресса то и дело сообщает об осаде городов и японо-манчжурских гарнизонов многотысячными отрядами антияпонских партизан, о захвате партизанами отдельных городов, о содействии антияпонскому движению самых широких масс населения.

За последнее время особенно возросло среди партизан влияние китайской коммунистической партии. Об этом кричат, вопят, на это жалуются все органы прессы, издаваемые в Манчжурии японцами и их приспешниками. Поэтому национально-освободительная война в этом году качественно значительно отличается от прошлого года. В районе Чаньши (Гиринская провинция), по сообщениям прессы, образовалась даже целая армия красных партизан, насчитывающая около 3 тыс. бойцов, называющая себя «32-й китайской красной армией» (другие китайские красные армии

Триумф „победителей“. Японский отряд на великой китайской стене

общей численностью более 300 тыс. чел. действуют в Собственно Китае, ведя оборону китайских советских районов против войск Чан Кай-ши и других реакционных генералов). «Крестьяне охотно идут в ряды этой армии»—пишет «Шенкзин-бао» (от 5 мая). В Дунбяньском районе «производится большевизация бандитов»—отмечает «Монсо Нупио» (от 1 мая). «Шайка в 700 чел., называющая себя «отрядом Северо-восточной партизанской армии», установила связь с коммунистами и действует совместно»—говорит «Харбин Ници-Ници» (от 6 мая). «В районе Цзяндао—1.000 коммунистов» («Тавантбо» от 1 мая) и т. д. и т. п.

Все это по сравнению с прошлым годом, когда стихийное антияпонское движение в основном возглавляли бывшие генералы Чжан Сюэ-ляна, колеблющиеся, готовые изменить при удобном случае, поучавшие, что войну против японцев должны вести только солдаты, а рабочие и крестьяне должны работать, не прибегая к оружию (Ма), все это — новое, это то, что поднимает движение на высшую ступень, что создает японской оккупации действительно серьезную угрозу.

В захвате Манчжурии, начатом 18 сентября 1931 г., японский империализм искал облегчения своего тяжелого положения, в котором он очутился в результате действия всеобщего кризиса капитализма и под ударами величайшего мирового циклического кризиса. Затеявая войну на Азиатском материке, японский империализм надеялся создать новые возможности для продолжения своего паразитического существования. Монополизация Манчжурии и Северного Китая исключительно для японских эксплуататоров, подавление соседнего китайского революционного движения, которое в первую очередь грозит японским империалистам, удушение революционного брожения в самой Японии, где «опасные мысли» распространяются с огромной быстротой, закрепление в Манчжурии базы для предстоящей схватки с другим хищником—североамериканским империализмом, и особенно оборудование плацдарма для нападения с целью грабежа на Советский союз—все эти задачи хотела разрешить захватом Манчжурии и части Северного Китая японская военно-полицейская монархия.

Стихийно возникшая антияпонская национально-освободительная война в Манчжурии чувствительным образом затрудняла

Китайский партизан-красноармеец

и продолжает затруднять полное разрешение задач, поставленных японским империализмом. В настоящих условиях, в условиях конца временной капиталистической стабилизации, в обстановке преддверия ко второму туру революций и войн, когда именно «вся совокупность тихоокеанских противоречий является главным очагом новой мировой империалистической войны» (тезисы XII пленума Коминтерна) и тем самым огромной важности очагом контрреволюционной антисоветской войны, вооруженная освободительная борьба народных масс Манчжурии имеет поистине всемирно историческое значение.

Характер разыгрывающейся в Манчжурии национально-освободительной войны может быть гораздо лучше понят, если учесть проявления, особенности и развитие классовой борьбы за предшествовавшую оккупации эпоху империалистического закабаления страны.

Эта область была закабалена империализмом настолько глубоко, что периодами непосредственно управлялась военно-политическим аппаратом захватчиков. Всякое проявление антиимпериалистического и антифеодального движения здесь подавлялось со всей свирепостью военными силами империалистов.

В наиболее заселенной части Манчжурии протекала в 1894—1895 гг. захватническая война Японии против Китая, сопровождаемая жестоким терроризированием китайского населения. Вскоре после этого—со времени боксерского восстания 1900 г.—

страна была оккупирована царскими войсками. Русско-японская война состоялась в Манчжурии — «оу КМЖД» и «Квантунскую арендованную область», где сохранилось господство японского военно-полицейского аппарата, и — «оуду» — отчужденная КВЖД, где хозяйничали царские войска и администраторы.

После Октябрьской революции в Манчжурию вдобавок к японским и белоогвардейским вооруженным силам явились американские, чехо-словацкие и другие империалистические военные отряды и власти.

Из всего этого становится ясным, под каким большим непосредственным военно-политическим господством империализма шло развитие социально-экономических отношений в Манчжурии.

Другой существенной особенностью Манчжурии, отражающейся на развитии классовой борьбы, являлось наличие в Манчжурии больших пространств девственных плодородных земель. «Право собственности» на эти земли было заявлено эксплуататорскими классами, однако наличие их создавало иллюзии у пролетаризированных элементов о возможности более легкого существования «на земле», отвлекало их из города и более заселенных районов и оказывало некоторое тормозящее влияние на развитие аграрного и рабочего движения.

Хотя китайская революционная буря 1925 — 1927 гг. не вызвала в этой относительно отсталой и в известной мере обособленной области Китая активного классово организованного революционного подъема, тем не менее и здесь происходили определенные сдвиги и изменения. И здесь все больше и больше проявлялось недовольство крестьян невыносимо тяжелым положением, росло количество рабочих забастовок в городах, усиливалось влияние и расширялась работа молодой китайской коммунистической партии. Элементы революционного движения вызревали здесь медленно. Но потенциальная мощь их проявилась в стихийном взрыве национально-освободительной вооруженной борьбы, в которой пролетариат во главе с его передовым организованным отрядом — компартией — в настоящее время постепенно становится гегемоном и руководителем.

Следует подчеркнуть несомненное и весьма существенное влияние русского революционного движения на трудящихся Манчжурии.

Русский революционный опыт 1905 г. и опыт самой Октябрьской революции приходил в большой мере на глаза у местного населения, так как все, что происходило в России, имело непосредственное отражение в полосе КВЖД, где было достаточное количество русских рабочих. Рабочие и служащие КВЖД участвовали во всеобщей забастовке железнодорожников в 1905 г. здесь имели место бурные митинги и демонстрации и боевые выступления рабочих.

После Октябрьской революции и в Харбине создался совет рабочих и солдатских депутатов, имевший свою вооруженную силу и до нападения на него китайско-белоогвардейских войск (12 декабря 1917 г.) развивший довольно энергичную деятельность.

Если бы не незнание языка, если бы барьер национальной отчужденности, искусственно созданный империалистами с целью разобщения русских и китайских рабочих, если бы не ряд других мешающих обстоятельств, русское революционное движение дало бы более быстро ощутимые и яркие последствия в Манчжурии.

Но несомненно, русский революционный опыт, самое существование Советского союза, успехи пролетарской диктатуры по пути ликвидации эксплуатации человека человеком, осуществление грандиозного пятилетнего плана социалистического строительства — все это подавало и подает пример и манчжурским трудящимся, все это революционизировало и революционизирует их, указывает путь, по которому нужно следовать.

О переходе на высшую ступень аграрного и рабочего движения в Манчжурии, особенно за последние полгода, свидетельствует большое количество сообщений прессы о ходе и развитии национально-освободительной борьбы.

Этот переход становится все более ясным, если сравнивать настоящий уровень и содержание движения угнетенных масс с тем, что было в недавнем прошлом.

крестьянское движение

Стихийное недовольство манчжурского крестьянства феодально-крепостнической эксплуатацией еще до эпохи империализма выливалось в хунхузское движение. Все формы и способы эксплуатации в совокупности приводили нередко к тому, что производитель-крестьянин лишался даже не-

Манчжурский крестьянин-партизан

обходимого продукта и возможности воспроизводства своей рабочей силы.

Разоренные крестьяне уходили в леса, организовывали хунхузские отряды. Хунхузы стремились экспроприировать своих эксплуататоров, находились обычно в состоянии непрерывной войны с вооруженными силами господствующих классов и правительственных органов.

Весьма часто однако во главе бездомного крестьянства становились предприимчивые авантюристы, которые использовали хунхузские отряды в интересах собственного обогащения. Начальники хунхузских шаек нередко сами становились помещиками и феодалами-бюрократами.

Еще в период 1850 — 1890 гг. хунхузы, собираясь временами в целые армии, брали приступом крупные города-крепости, в которых отсиживались эксплуататорские классы.

Форсированное в конце 90-х годов проникновение империализма в Китай и в частности в Манчжурию до того ухудшило существование трудящихся масс, что возмущение их стало неизбежным. Оно и вылилось в так называемое боксерское восстание (1900 г.). Но боксерское движение было искусно возглавлено частью отечественной

же феодально-бюрократической верхушки. Ее усилиями содержание боксерского восстания было выхолощено.

Боксерское восстание охватило главным образом Северный Китай и Манчжурию. Оно получило широкий размах весной 1900 г. Боксеры нападали на представителей иностранного капитала и на их агентуру из среды туземных господствующих классов. В Пекине был осажден посольский квартал. Боксеры требовали удаления из Китая всех представителей империалистов.

Империалистические державы сговорились о посылке международного экспедиционного корпуса для подавления боксерского восстания. Этот корпус, состоявший из русских, японских, английских, французских и германских войск, захватив Пекин, разбил слабо вооруженных боксеров.

Беспримерные жестокости карательных отрядов империалистов глубоко запечатлелись в памяти китайского народа. Целые города сжигались дотла. Население уничтожалось десятками тысяч независимо от пола и возраста. Раненые боксеры штыками прикалывались тут же на месте.

Точно такие же зверства совершала царская военщина в Манчжурии, оккупированной русскими властями

Ленин, выражая взгляды передовых русских рабочих, заклеймил самым решительным образом политику царизма и «подвиги» царской офицерщины: «Они бросились на Китай, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей... Политика царского правительства в Китае есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его»¹

Характерно, что манчжурские феодалы-бюрократы во время боксерского восстания, формально ведя войну с русскими империалистами, в то же время вылавливали и убивали представителей восставших масс в самом разгаре движения. Так например во время осады Харбина боксерами в июле 1900 г. гирицкий цзяньцзюнь² приказал схватить прибывших в Гирин пятьдесят боксеров-агитаторов и перебить всех до одного.

Общими усилиями империалистов и туземных феодалов боксерское восстание было потоплено в крови. Но эксплуататоры не смогли уничтожить в китайской деревне классовую борьбу, питаемую всей социально-экономической структурой страны.

Но как и хунхузская деятельность до эпохи империализма, так же как боксерское восстание, так и борьба крестьян на протяжении еще многих лет, не имея должного руководства, оставалась классово неорганизованной, стихийной.

Попрежнему доведенные до отчаяния крестьяне комплектовали хунхузские отряды, попережнему они временами объединялись в целые хунхузские армии, угрожающие не только туземным господствующим классам и аппарату власти, но и русским и японским империалистическим эксплуататорам и их вооруженным силам в Манчжурии. Агенты русского империализма в Манчжурии еще до русско-японской войны отмечают как один из важнейших типов хунхузских отрядов тип «хунхузов-мстителей», «недовольных существующим правительственным порядком, нападающих на правительственные обозы при учреждениях, уничтожающих власть правительства и вводящих свое управление»³.

Вследствие закрепления господства импе-

риалистов в Манчжурии и усиления эксплуатации крестьянство в годы перед мировой войной очутилось в совершенно безвыходном положении

Внутри страны все время глела расплывчатая неорганизованная крестьянская война, заметным образом отзывавшаяся на эксплуататорской деятельности имущих классов. Харбинский биржевой комитет в специальном «меморандуме» в 1913 г. Управлению КВЖД подчеркивал, что к западной линии дороги прекратился подвоз бобов и других зерновых продуктов и наступил полный застой торговли вследствие деятельности хунхузов. «Возможно даже наступление продовольственного кризиса в Харбине, так как запасы муки на исходе»⁴.

Имея свои приливы и отливы, хунхузское движение в Манчжурии продолжалось до последнего времени. Власти нередко были вынуждены отправлять целые бригады и дивизии регулярных войск на его подавление.

Нестерпимое положение крестьянства явилось причиной также крупных восстаний в 1927 — 1928 гг., тайных полумистических крестьянских обществ «Больших мечей» в восточных уездах Мукденской провинции. «Большие мечи», выступая против правительственных органов, требовавших непомерных налогов, захватывали целые районы, устанавливая свою администрацию. Но после ряда кровопролитных боев мукденские войска подавили восстание.

Однако только в последние годы перед японской оккупацией классово неорганизованное аграрное движение Манчжурии начало приобретать элементы целеустремленности и сознательности. Советская власть и борьба красной армии на юге Китая, тяжелая поступь мирового экономического кризиса, ускоряющего все процессы, оказывали огромное влияние и на аграрное движение в Манчжурии.

Особенно высокого уровня антиимпериалистическая и аграрно-революционная борьба достигла в районе Цзяньдао, Гиринской провинции, где руководство борьбой в основном находилось в руках корейской и китайской коммунистических партий. Корейцы, составляющие здесь 80 проц. населения, подвергались не только бешеной эксплуатации, но и двойному национальному угнетению со стороны японских вла-

¹ Ленин, т. IV, стр. 61—63, изд. 3-е.

² Цзяньцзюнь — военный губернатор.

³ Хвостов, Описание Мукденской провинции, стр. 158. Петербург, 1904 г.

⁴ Мартынов, Железнодорожные рельсы Манчжурии, стр. 75. Москва, 1913 г.

Китайская полиция расстреливает заподозренных в принадлежности к компартии

стей и китайских господствующих классов. Здесь имелись также элементы, бежавшие от японских властей Кореи, получившие уже некоторый революционный опыт.

В результате всех этих обстоятельств красное партизанское движение здесь широко развилось до японской оккупации. Выступления крестьян проходили уже под лозунгами установления советской власти. В восставших деревнях объявлялась советская власть, ликвидировалась японская и китайская полиция, имущество и земля помещиков и кулаков-ростовщиков распределялись между всеми трудящимися.

После арестов и убийств сотен революционеров в начале 1930 г. в Цзяньдао японская полиция похвалялась, что корейская и китайская компартии здесь разгромлены и навсегда установлено «спокойствие». Поэтому величайшим сюрпризом для дальневосточной буржуазной прессы явилось невиданно мощное по широте и размаху выступление трудящихся Цзяньдао 30 мая 1930 г., в день годовщины шанхайских расстрелов. По всей области одновременно сотни партизан совершили вооруженные выступления против японских, китайских и корейских административных учреждений, против полицейских участков, обстреляли японское консульство в Тоудаогу, прерва-

ли телеграфное, телефонное и железнодорожное сообщение и т. д.

Японская и китайская полиция в этом районе Китайской республики всегда работала рука об руку в деле подавления революционного аграрного движения. В декабре 1930 г. китайский официоз в Харбине вновь с удовлетворением отмечает, что «к 10 декабря в районе Цзяньдао японской консульской полицией арестовано свыше 200 участников коммунистических беспорядков. Восстановлены спокойствие и порядок»¹.

Одних японских жандармов и полицейских в этом районе имелось более 4 тыс. чел. Лихорадочная деятельность и драконовские меры полиции неизменно однако разбивались о революционную настойчивость и энергию угнетаемых.

Через месяц после декабрьских арестов 1930 г. снова сообщалось, что в районе Цзяньдао в деревнях Тавангау и Хоавангоу уезда Ванцин установлена советская власть и что земельные участки, здания, продовольствие и семенные фонды распределены поровну между крестьянами.

Но в 1931 г. значительные крестьянские волнения под революционными лозунгами происходили уже и в Мукденской провин-

¹ «Гунбао». 14 декабря 1930 г.

ции. В апреле прессой отмечены крестьянские выступления в уезде Ляоюань и других. Разоренные вследствие кризиса крестьяне устраивали походы в уездные города, требовали распределения хлебных запасов помещиков среди голодающих; местами сами захватывали помещичьи амбары.

Английские империалисты с опаской отмечали, что в Мукденской провинции растущая безработица в городах и «бедственное положение в деревне повели к усилению коммунистического движения и создали угрозу революционных выступлений, которые уже имеют место в различных сельских местностях»¹.

туземная буржуазия и революционное движение

Кустарная и ремесленная туземная промышленность существовала в Манчжурии до проникновения в нее империализма. Но она была менее развита, чем в Собственно Китае, и соответственно невелико было количество рабочих, занятых в ней.

Возникновение современного промышленного и транспортного пролетариата происходило одновременно с разворачиванием деятельности империалистов. Сооружение и

эксплуатация железных дорог, основание предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности, быстрый рост экспорта манчжурской продукции сопровождалось ростом и усилением рабочего класса.

Главным эксплуататором манчжурского пролетариата являлись империалисты, и против них в первую очередь направлялась борьба рабочего класса в Манчжурии. Но не только империалистические предприниматели противостояли рабочему классу. Современная туземная буржуазия, выращенная в большой мере самим империализмом, медленно, с большими задержками, но все же скачкообразно развивавшаяся, играла в последний период как эксплуататор немаловажную роль.

Этапом убыстренного роста туземной буржуазии явился период мировой войны и империалистической интервенции против Советского союза. Периодом относительных успехов в развитии туземной буржуазии были также годы перед мировым кризисом. Она вздохнула посвободнее в эти годы в значительной мере благодаря японо-американским противоречиям.

Но туземная буржуазия Манчжурии, родившаяся и выросшая под знаком глубочайшей империалистической интервенции, была по своей природе совершенно неспо-

¹ «Peking and Tantzin Times». May 21, 1931

Группа захваченных партизан-коммунистов в концлагере

собна к революционной роли. Тесно связанная с капиталом империалистических государств (компраторы, подрядчики, совместные предприятия), глубоко сросшаяся с феодально-бюрократическим аппаратом, уходящая своими корнями в азиатский ростовщический капитал, манчжурская буржуазия, воплощая часто в своем лице и феодально-крепостническую эксплуатацию, и ростовщичество, и современные формы капитала, была даже более отсталой, более реакционной и еще менее способной к антиимпериалистической борьбе, чем буржуазия какой-либо иной области Китая.

Единственные требования, вернее пожелания, которые она выдвигала, сводились к тому, чтобы обеспечить себе большую долю участия в эксплуататорской прибыли.

Многие туземные капиталистические предприятия принадлежали самим феодалам-милитаристам непосредственно. Другими — «государственными» — они бесконтрольно владели, олицетворяя собою государственную власть.

Но, как правило, по природе своей милитаристы всегда оставались феодалами, всегда в их деятельности проглядывал примат феодальных интересов.

Холопство перед империалистами ярко выражено в заявлении генерала Сюй Жанчжоу, кандидата во время мировой войны на должность вице-карского дучжуня. Он уверял, что совсем не хочет восстанавливать против себя представителей царизма в Манчжурии, так как «вицикарская провинция раньше или позже очутится под эгидой России, и поэтому мне как землевладельцу, связанному с этими местами до конца дней своих, невыгодно возбуждать против себя русских»¹.

Раболепство перед империалистами характерно и для туземной буржуазии Манчжурии. Правда, имели место отдельные случаи антиимпериалистических выступлений (например бойкот японских товаров в 1915 г., уличные антияпонские демонстрации в 1927—1928 гг. и т. п.), имели место случаи выступлений бойкотистского характера отдельных групп буржуазии против мероприятий феодально-милитаристических властей (забастовки банкиров и менял в Мукденской провинции в 1927—1928 гг. против принудительного курса фыньпяо, бойкот коммерческими обществами сунгарий-

Японцы привязывают к столбу пленных партизан

ского «государственного» пароходного синдиката ввиду слишком высоких фрахтов в 1931 г. и т. п.) Но в общем и целом активность туземной буржуазии была столь невелика, значение ее антиимпериалистических и антифеодальных выступлений в прошлом было столь незначительно, что нет нужды подробно останавливаться на этом.

Гораздо более существенно проследить, как развивалась и протекала революционная борьба туземного рабочего класса Манчжурии, составляющего ныне большую и важную силу, вполне способную возглавить антифеодальную и антиимпериалистическую борьбу. Против этой силы не раз наряду с империалистами выступали туземные господствующие классы, причем буржуазия в своих требованиях подавления рабочего движения не отставала от милитаристов.

рабочее движение

За первые два десятилетия текущего века имеются лишь скудные и случайные данные о выступлениях китайских рабочих в Манчжурии. Буржуазные экономисты скрупулезно учитывали количество выработанных пудов масла на маслобойных заводах, количество перевезенных пудов бобов по железным дорогам и т. д., не удостоивая внимания или замалчивая о людях, которые произволили эти материальные ценности.

¹ «Архив революции и внешней политики», фонд МНД, д. № 219

О.рид сикхов, прибывший вместе с английскими войсками в Шанхай в 1927 г. для защиты английских «интересов» в Китае

Но уже в это время рабочие Манчжурии не оставались безмолвными рабами, полностью покоряющимися любой эксплуатации. Отдельные данные о некоторых выступлениях рабочих сохранились, и они свидетельствуют о том, что, несмотря на малочисленность и слабость пролетариата, уже имели место яркие рабочие выступления.

Так, первая забастовка рабочих в Инкоу вспыхнула еще до русско-японской войны и была подавлена силами русского империализма. В 1915 г. даже произошло столкновение китайских рабочих с английскими войсками — сикхами — на заводе Английской продуктовой компании, причем было убито несколько китайцев и индусов¹. Известны также две короткие забастовки нескольких сот каменщиков в 1910 и 1911 гг. в Южной Манчжурии. Эти каменщики работали у японских фирм, поставлявших строительный материал ЮМЖД.

Несомненно все же китайское рабочее движение в Манчжурии в то время носило самый зародышевый характер, и только период после русской Октябрьской революции отмечен определенным оживлением забастовочного движения.

¹ «Архив революции и внешней политики» фонд МВН, л. № 219.

С самого начала выделяются особенной активностью рабочие крупнейших железнодорожных мастерских ЮМЖД в Шахэоу, вблизи Дайрена, где всего занято бывало до 4-5 тыс. рабочих.

Здесь произошла забастовка еще в 1916 г., а в 1918 г. китайские и японские рабочие совместно бастовали два раза, в январе и в октябре². В 1919 и в 1920 гг. здесь снова имели место по две забастовки каждый год, причем в 1920 г. одна стачка охватила поголовно всех рабочих этих мастерских.

Но в 1919 г. вспыхнула уже крупная забастовка и в Мукдене на предприятии «Керамической компании» (участвовало 1.800 чел.). В этом году бастовали также табачники (фабрика Восточноазиатской та-

² Данные о рабочем движении в Южной Манчжурии за период 1916 - 1929 гг. взяты главным образом из различных японских источников, особенно из брошюры и статей Гензай Нагано, чиновника ЮМЖД, специально занимающегося вопросами рабочего движения в Манчжурии. Из статей японских авторов использованы: Нагано, «Обзор рабочего движения в Манчжурии» (приложение к «Манчжурии Дэйли Ньюс») и др.; Накадзимо Харанори, «Рабочее движение в Южной Манчжурии» в Кеммо Дайрен, январь 1927 г.; статьи о рабочем движении в «Дайрен Сикоо Газет» и т. д.

тачной компании) в Инкоу, углекопы в Бенсиху и трамвайщики в Фушуне. В 1920 г. бастовали спичечники в Чанчуне.

Следует отметить, что все специальное «законодательство» для китайских рабочих фактически состояло из одного пункта — запрещения рабочим иметь какие бы то ни было свои организации. Ремесленно-кустарные мастера и подмастерья формально имели право вступать в цеховые союзы, но это право редко использовалось, так как подавляющая масса ремесленных рабочих не имела средств для внесения относительно крупного вступительного взноса. Да и союзы эти являлись полностью организациями хозяйскими и свою деятельность направляли как раз против интересов эксплуатируемых.

Китайские рабочие в Манчжурии не имели никаких легальных рабочих организаций, а законы Китайской республики, а также распоряжения квантунского японского генерал-губернатора (на территории, подчиняющейся японской юрисдикции) не позволяли иметь таковые.

Тем не менее с 1928 г. на Квантуне явочным порядком создавалась рабочая организация — Китайский рабочий союз, который своей деятельностью оставил след в истории китайского рабочего движения в Манчжурии.

Союз, организованный рабочими Шахэкоуских мастерских, формальной целью ставил создание кассы взаимопомощи и содержание вечерней школы для рабочих. Он объединил в первые месяцы своей деятельности около 300 рабочих.

Но в последующие 1924—1925 гг. в союз начали вступать китайские рабочие многих других промышленных предприятий Дайрена и всего Квантунского полуострова. Союз пытался стать организационным центром для всей Манчжурии, но власти решительно воспрепятствовали объединению рабочих в других промышленных пунктах (например в Аньшане).

Согласно японским источникам в 1925 г. руководство в союзе перешло в руки китайских коммунистов, которые начали развивать энергичную деятельность.

Союз организовал и провел ряд крупных экономических забастовок, большей частью приведших к полной или частичной победе рабочих. Особенно выделяется среди них забастовка 700 рабочих хлопчатобумажной фабрики Фукушима в Чжоушуйцзы (вблизи Дайрена) в апреле—июле 1926 г. Заба-

Расстрел японцами «подозрительного» китайца

стовка эта длилась 90 дней, сопровождалась демонстрациями и другими выступлениями рабочих. Рабочие требовали прекращения вычетов из зарплаты за питание (15 сен ежедневно), оплату работы в дни праздников в двойном размере, сокращения рабочего дня с 12 до 10 час., признания рабочего союза и т. д.

Несмотря на жестокие репрессии, в том числе арест руководителей стачки, предприниматель вынужден был частично пойти навстречу требованиям рабочих. Фукушимская стачка имела значительное влияние на рост забастовочного движения в Манчжурии. К ней было приковано внимание всех рабочих, начинающих осознавать свое классовое положение. Заметно вырос также авторитет Дайренского китайского рабочего союза. Среди других забастовок 1926 г. достойны внимания месячная забастовка 1.300 рабочих на фабрике Восточноазиатской табачной компании, табачников на фабрике Таон в Мукдене, забастовка углекопов в Бенсиху, рабочих на мешочной и на шерстяной фабриках в Мукдене и т. д. Основным требованием всех забастовок являлось требование о повышении зарплаты.

Японская статистика, охватывающая только Южную Манчжурию, неполна. Она учитывает главным образом рабочие конфликты, происходившие на Квантуне и в зоне ЮМЖД или вблизи нее на японских предприятиях. К тому же данные отдельных японских авторов расходятся между собой

По данным Хиранори в Южной Манчжурии за время с 1916 по 1926 г. имели место 245 забастовок и рабочих конфликтов. В числе 245 конфликтов было 10 таких, которые охватывали более 1.000 рабочих каждый, 13 забастовок имели участники от 500 до 1.000 рабочих и 90 забастовок охватывали от 100 до 500 чел. каждая. Десять забастовок имели также продолжительность свыше 20 дней. Из всех забастовок 21 проц. в этот период кончились полной победой, а 32 проц. — частичным удовлетворением рабочих требований. В некоторых забастовках совместно участвовали китайские и японские рабочие данного предприятия.

Другой японский автор, Нагано, в более поздних материалах, рассматривая период 1921—1926 гг., дает значительно большее число забастовок, чем Хиранори¹. Если учесть данные Нагано, то общее количество забастовок в Южной Манчжурии за период 1916—1926 гг. превышает цифру 300.

Наиболее высокого развития забастовочная волна в Манчжурии достигла в 1927 г. В этом году в Южной Манчжурии имели место 94 забастовки с 23.500 участниками. Два раза бастовали свыше 4.000 углекопов в Бенсиху, причем японские войска расстреляли толпу демонстрантов-забастовщиков, хотя район забастовки находился вне зоны японской юрисдикции. Эта свирепая расправа вызвала большое возбуждение по всей Манчжурии. В ряде городов вспыхнули антияпонские уличные демонстрации, в которых участвовала и туземная мелкая буржуазия.

В 1927 г. японские власти обрушились со свирепыми репрессиями против Дайренского рабочего союза. После массовых арестов среди дайренских рабочих союз был закрыт в августе «как гнездо коммунистической агитации».

Конечно притеснениями и расправами уже нельзя было остановить рабочее движение в Манчжурии. Можно было только приглушить его временно. В следующем, 1928 г. снова вспыхнули 81 рабочий конфликт с 18 тыс. участниками, в 1929 г. имели место 41 конфликт с 6 тыс. участниками. Ослабление рабочей активности в этот период явилось также следствием наступившей во всем Китае гоминдановской реакции, отразившейся и на Манчжурии.

¹ Например в 1926 г. в Хиранори — 34 забастовки, у Нагано — 67.

Динамика стачечного движения в Южной Манчжурии, согласно неполным японским данным, выражается в следующих цифрах:

Г о д ы	Количество стачек и конфликтов		Число бастующих
	По данным Хиранори и Нагано ¹	По данным Манчжур-ия Янбука ²	
1916	3	5	—
1919	44	58	—
1922	25	26	4.021
1925	39	61	8.889
1927	94	48	23.509
1929	41	—	6.507

На фабрике японской Восточноазиатской табачной компании в Инкоу, уже ранее отличавшейся значительным количеством забастовок, в течение 1929 г. вспыхнули 4 забастовки. Вообще конфликты имели место преимущественно на японских предприятиях. Из 41 конфликта в 1929 г. 32 произошли на японских предприятиях. Здесь конфликты нередко возникали вследствие зверского обращения (избиение, всяческие оскорбления) японской администрации с рабочими.

Большинство забастовок в Манчжурии охватывало лишь отдельные предприятия, небольшое число рабочих и длилось недолго. Рабочим здесь особенно трудно бастовать, так как у них совершенно нет запасных средств существования. Прямое военно-полицейское содействие предпринимателям, вплоть до избиения и пыток рабочих, также затрудняло проведение забастовок.

Учитывая полное бесправие, неорганизованность, темноту и заботность китайских рабочих Манчжурии, следует признать уровень забастовочного движения довольно высоким. Нередко забастовки возникали стихийно, большей частью рабочие предъявляли свои требования уже после объявления забастовки. Бывали случаи, когда забастовки вначале протекали даже без всяких требований, выражая стихийный протест против невыносимой эксплуатации или нечеловеческого обращения надсмотрщиков и управляющих.

Хотя после 1927 г. общее количество забастовок уменьшилось, но многие стачки отличались значительным упорством и окан-

² Данные Хиранори за 1916—1920 гг., с 1921 г. — цифры Нагано.

³ «Manchuria Yearbook», № 289, 1931 г.

живались лишь после вмешательства японской или китайской полиции. Полиция обычно арестовывала наиболее активных забастовщиков, обвиняя их в «коммунизме».

Изменение характера забастовок в Манчжурии под влиянием революционного движения в Собственно Китае в сторону организованности и сознательной классовой сплоченности вынуждены признать и японские империалисты.

Журнал японской Торгово-промышленной палаты в Дайрене¹ в статье, посвященной рабочему движению в Манчжурии в 1929 г., подчеркивает: «В последний период из Южного Китая в Манчжурию проникают новые идеи, чрезвычайно осложняющие рабочие конфликты в Южной Манчжурии».

Конечно по сравнению с крупными промышленными центрами Собственно Китая рабочее движение в Манчжурии еще весьма слабо. Оно находилось лишь в первоначальном периоде своего развития. Стоит например привести данные о стачечном дви-

жении в Шанхае и сравнить их с данными по Манчжурии, чтобы ясно убедиться в этом.

В Шанхае, по китайским официальным данным, в 1928 г. произошли например 120 забастовок с 214 тыс. участников (потеряно 3 млн. рабочих дней), в 1929 г.—108 забастовок с 70 тыс. участников².

Тем не менее, учитывая всю специфику Манчжурии, к достигнутому уже уровню движения нельзя относиться с пренебрежением.

Все вышеприведенные цифры о рабочих конфликтах относятся только к Южной Манчжурии, так как о Северной нет соответствующей статистики. Здесь промышленность менее развита и численность пролетариата (не включая сельскохозяйственный) не превышает $\frac{1}{3}$ всего манчжурского пролетариата. Но китайские рабочие и здесь активно вступали в борьбу за свои интересы. Если включить в общее количество забастовок и забастовки в Северной

¹ «Дайрен Сиоко Гэнпо», февраль 1930 г.

² «Chinese Economic Journal», Juil, 1930.

Вооруженные отряды китайских рабочих на улицах Чапея в 1927 г.

Антияпонский митинг в Шанхае в 1931 г.

Манчжурии, то их число забастовщиков значительно увеличится (на 20—40 проц. в различные годы).

Ряд рабочих конфликтов в 1930—1931 гг. достиг большой остроты и значительного размаха. Для конфликтов этих лет характерно выступление рабочих уже не только отдельных предприятий, но и целых групп однородных предприятий, расположенных в одном районе или пункте. Так, в 1930 г. бастовало свыше 1.000 рабочих на 11 лесопильных заводах в районе Аньдуна. Весной того же года несколько дней продолжалась забастовка рабочих 6 маслобойных заводов в Харбине и там же солидарно выступили рабочие портновских, а затем и сапожных мастерских и добились удовлетворения своих требований.

Но особенно крупная забастовка разразилась весной 1931 г. в шелковой промышленности Аньдунского района. Бастующие на 33 предприятиях в количестве около 15 тыс. чел. одержали полную победу. Революционную солидарность с бастующими выказали также рабочие шелковой промыш-

ленности других районов Манчжурии — Хайчена и Кайпина. Весной же 1931 г. вспыхнула продолжительная забастовка 500 рабочих на лесопильных заводах в уезде Яньцзи, Цзяньдаосского района. Большинство забастовок 1930—1931 гг. носило оборонительный характер, являясь ответом на уменьшение зарплаты предпринимателями.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что китайское рабочее движение в Манчжурии протекало в условиях полного отсутствия легальных действительных рабочих организаций. Разгромив в 1927 г. Рабочий союз в Дайрене, японская полиция уже не допускала создания подобных рабочих организаций. Она здесь пыталась насадить кое-какие рабочие организации зубатовского типа. Так как на КВЖД существовал профсоюз железнодорожников—советских граждан, то китайская администрация здесь сочла нужным разрешить формальное существование профсоюза китайских рабочих-железнодорожников, но она всячески следила за тем, чтобы в руководстве сидели

лица, назначенные полицией, а члены союза при малейшем подозрении и «неблагонадежности» арестовывала и садила в застенки.

Как далеко простиралась нетерпимость китайских полуфеодалов Манчжурии по отношению к организациям наемных трудящихся, показывает случай с союзами почтовых служащих в Харбине и Мукдене. В начале 1929 г. харбинские почтовые служащие организовали профессиональный союз, придерживающийся гоминдановского направления. Вслед за ними создали такой же союз и мукденские почтовики. Но мукденские власти не потерпели существования даже желтых гоминдановских профсоюзов, закрыли их, и организаторов раскассировали по провинциям. Не был допущен к существованию также пытавшийся организоваться союз рабочих и служащих Пекин-Мукденской железной дороги.

Китайская компартия в манчжурии

В условиях самого жестокого белого террора развивалась деятельность китайской коммунистической партии в Манчжурии. История ее существования в Манчжурии отмечена непрерывными арестами ее членов или подозреваемыми в «коммунизме», она полна судебными процессами над обвиняемыми в коммунизме или просто кровавыми расправами без всяких судебных формальностей.

В свирепости репрессий против рабочего движения японские и китайские полицейские псы стремились превзойти друг друга.

Вопреки всем полицейским стараниям рабочие Манчжурии, передовые слои крестьянства, городской мелкой буржуазии и интеллигенции уже осознали, что спасение от ига японских и других империалистов, избавление от гнета туземных полуфеодалов может принести только борьба под знаменем коммунистической партии.

Можно отметить следующие характерные моменты из истории борьбы китайской коммунистической партии в Манчжурии.

Согласно данным японских авторов, Дайренский рабочий союз полностью находился под влиянием компартии и с 1926 г. превратился в «школу коммунизма». Согласно тем же данным, на Квантуне в 1927 г. было уже около 500 членов китайской коммунистической партии, охватившей своими ячей-

ками целый ряд крупных предприятий в Дайрене и в других пунктах Квантуна¹.

Рабочие клубы, открытые Рабочим союзом в Дайрене и других местах, находились в руках коммунистов и готовили, по уверению японских империалистов, «коммунистических агитаторов».

В июле 1927 г. японская полиция произвела массовые аресты среди дайренских рабочих и привлекла к суду по так называемому процессу дайренского комитета компартии около 60 чел.

Деятельность китайской компартии Манчжурии однако усиливалась, росли и расширялись нелегальные красные профорганизации, руководимые компартией, и все чаще и чаще газеты сообщали об арестах рабочих и других за «распространение коммунистических прокламаций», за «коммунистическую агитацию и организацию комячеек», «за принадлежность к компартии» и т. п.

В августе 1929 г. например были арестованы японцами 11 рабочих в Душуне, а из арестованных китайской полицией 12 чел. в Мукдене весной 1930 г. 7 чел. немедленно были приговорены к смертной казни. Особенно много арестов было произведено в 1931 г. Так, в апреле японская полиция в Фушуне захватила 20 китайских рабочих², китайская полиция арестовала в ян-

¹ Нагао, Обзор рабочего движения.

² «Peking and Tientsin Times», Apr. 25, 1931.

За принадлежность к комсомолу

варе 30 чел. в Бухэду¹, в марте 15 чел. в Суйфуне (за принадлежность к комсомолу) и т. д.

Характерно, что революционное движение захватывало уже и интеллигенцию Манчжурии. Несмотря на режим кровавого террора, в 1930 г. происходили демонстрации китайских учащихся в Харбине под антиимпериалистическими, коммунистическими лозунгами, причем 1 мая во главе демонстрации шел директор 1-й китайской гимназии. Гимназия была распущена, ее директор арестован точно так же, как был арестован и осужден директор 5-й гимназии в Гирене и его помощник по обвинению «в принадлежности к компартии».

По сообщению прессы, мукденские власти даже ввели в школах специальных надзирателей «для наблюдения над учащимися ввиду того, что среди них растет коммунистическое влияние». В мукденской жандармерии в 1930 г. была утверждена специальная должность помощника начальника «по борьбе с коммунизмом». Приказы китайских Треповых неизменно предлагали в случае демонстраций и забастовок «действовать без милосердия».

Китайская компартия в Манчжурии раз-

вивалась не без своих болезней. «Левые» лилисиановцы получили значительное влияние в манчжурской организации партии, и благодаря их деятельности в 1930 г. были парализованы, отчасти разрушены красные профсоюзы, комсомольские и вспомогательные организации. Создавая «комитеты действия» для ведения исключительно политической борьбы, для быстрого осуществления вооруженного восстания, лилисиановцы отказывались от экономической борьбы, от борьбы за повседневные требования рабочих. В результате такой тактики была разрушена например красная профорганизация рабочих фушунских копей, насчитывавшая более 1.000 членов.

После того как компартия в Манчжурии преодолела лилисиановщину, ей пришлось дать не менее серьезный бой правым—лечжалуновцам, объединившимся с остатками левоуклонистов и захватившим руководство в красных профсоюзах.

И лишь весной 1931 г., когда борьба с уклонистами дала решительно уничтожающие для них результаты, снова развернулась широкая массовая революционная работа компартии. К весне 1932 г. в Харбине например уже существовали красные профгруппы на семнадцати предприятиях, прав- на. количественно еще немногочисленные

¹ «Peking and Tientsin Times» Febr. 1. 1931

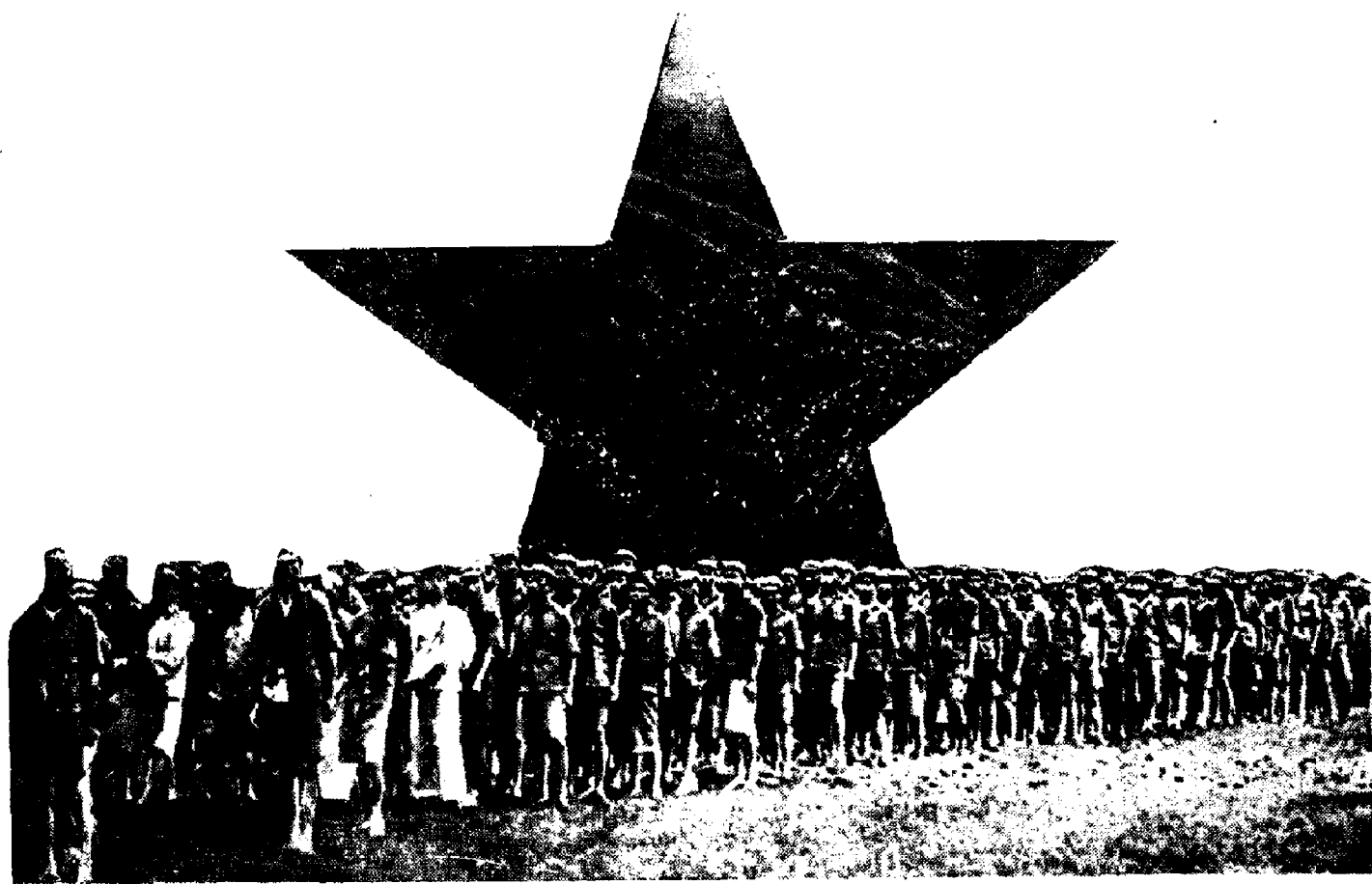
В решительной борьбе на два фронта манчжурская организация китайской компартии окрепла. Она усилила свое влияние на массы и в существующей обстановке имеет большие возможности для успешного развития революционной работы.

Конечно организация китайских коммунистов в Манчжурии была много и много слабее по сравнению с коммунистической организацией Собственно Китая. Но с каждым годом все быстрее нарастают предпосылки, необходимые для того, чтобы и манчжурские коммунисты стали в ряд со своими классовыми братьями Собственно

Китая, стали в шеренгу передовых борцов революционного движения в колониях.

Если Китай в национально-революционном движении колониального мира стал «на первое место» (XI пленум ИККИ), то трудящиеся Манчжурии, являющейся одной из областей Китая, естественно, не могли остаться в состоянии бездействия и спячки.

Стихийное восстание трудящихся против японских империалистов, оккупировавших Манчжурию в 1931 г., показало, какая колоссальная революционная потенция таится в манчжурских рабочих и крестьянах.

Отряд пионеров и комсомольцев в одном из советских районов Китая (по материалам немецкого журнала АИЦ)

„ЭТО

— СТАРАЯ ИСТОРИЯ —

„ОБ ОДИЧАВШИХ УМАХ“

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ МОНТАЖ

В ночь на 28 февраля 1933 г. был совершен провокационный поджог здания Германского рейхстага, „совпавший“ с изданием нового чрезвычайного декрета „О защите народа и государства против коммунистической опасности“, который был уже подготовлен к этому дню пришедшим к власти германским фашизмом.

Провокационная организация террористических актов и использование их полицией для преследования революционного пролетариата и разгрома рабочих организаций не являются оригинальным изобретением германского фашизма. Эти „методы“, которые национал-социалсты копируют по „классическим“ полицейским образцам, приходилось разоблачать еще основоположникам научного социализма — Марксу и Энгельсу.

Печатаемый ниже документальный монтаж, основанный на документах из литературного наследия Маркса и Энгельса, еще раз показывает, как история дает нам возможность по прошлому судить о будущем.

Введенный в действие с помощью провокации фашистский чрезвычайный декрет, несмотря на кровавые жертвы, которые он несет германским рабочим, бессилён сломить пролетарскую революцию. В конечном счете этот новый чрезвычайный декрет не достигнет своей цели так же, как несостоятельным и бессильным оказался чрезвычайный закон, изданный германской реакцией для борьбы с пролетарской революцией полвека назад, в 1878 г.

История повторяется. Вместо комментария к историческому монтажу мы печатаем телеграммы о германских событиях недавних дней.

«ПРЕДПОЛОЖИТЕ, ЧТО В БРИТАНИИ СОЗДАЛАСЬ БЫ ПОДОБНАЯ СИТУАЦИЯ. ПРЕДПОЛОЖИТЕ, ЧТО КОММУНИСТЫ ПОПЫТАЛИСЬ БЫ ПОДЖЕЧЬ БУКИНГЕМСКИЙ ДВОРЕЦ И ЧТО ИМ УДАЛОСЬ БЫ СОВЕРШИТЬ ПОДЖОГ ПАЛАТЫ ОБЩИН».

Рейхсканцлер Гитлер, интервью с корреспондентом «Дейли экспресс» (см. «Правду» от 4 марта 1933 г.).

взрыв

Палаты общин

«24 января в 2 часа дня пополудни в Лондоне произошли в течение четверти часа три динамитных взрыва» — писал Фридрих Энгельс 25 января 1885 г. в «Социал-демократе», который вынужден был (в то давнее время, когда германская социал-демократия была еще революционной партией) печататься в Швейцарии из-за действовавшего тогда в Германии исключительного закона против социалистов (исключитель-

ный закон 1878 г. был издан под предлогом борьбы с террористскими покушениями, которые тогдашний рейхсканцлер Бисмарк провокационно приписывал социалистам).

Разрушениям в результате лондонских взрывов подверглась Палата общин, а также примыкающая к зданию Парламента Вестминстерская зала и Тоуэр. «Эти взрывы произвели большие разрушения, чем все вместе взятые предшествующие взрывы» — отмечал тогда же Энгельс. А об одном из этих предшествующих взрывов, когда анар-

хисты, чтобы разрушить здание лондонской полиции, подбросили динамитный заряд в общественную уборную, устроенную на углу Скотланд-Ярда, Энгельс 21 июня 1884 г. писал:

«Динамитчики открыли, наконец, истину. Речь идет о том, чтобы выкорчевать с корнем старое общество... Исполненные этой глубокой истины, они, наконец, нашли то место, за которое следует ухватиться, и взорвали писсуар» [«Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI)].

Так иронией Энгельс уничтожает «динамитчиков», которые анархически наивно надеялись путем индивидуальных террористических покушений «выкорчевать с корнем старое общество».

но динамитчики не всегда „наивны“

«Направление Маркса доказало, что существует определенная связь между учениями и действиями «анархистов», с одной стороны, и европейской «полицией» — с другой» — указывал Маркс в написанном им в сентябре 1878 г. конспекте прений об исключительном законе против социалистов; прения эти имели место в Рейхстаге 16 — 17 сентября 1878 г.

для чего был изготовлен исключительный закон

«Исключительный закон изготовлен для того, чтобы отнять у социал-демократического движения всякую тень легальности. Это — старая история. Mettre hors la loi [Поставить вне закона] — это издавна самое надежное средство объявить противоправительственное движение противозаконным и этим защитить — la légalité pour tous [законность нас убивает] — правительство от закона»... — писал Маркс Энгельсу 17 сентября 1878 г.

для чего и как было использовано покушение образца 1878 г.

«В мотивировке предложенного нам закона [говорил Бебель в Рейхстаге 16 сентября 1878 г. при обсуждении исключительного закона против социалистов]¹ указы-

¹ Весь дальнейший монтаж представляет собой выборки из написанного Марксом в 1878 г. конспекта прений в Рейхстаге о законе против социалистов; конспект этот содержит изложение речи Бебеля и других выступавших и замечания Маркса по существу дела («Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI)). Пояснительные ссылки в тексте, заключенные в прямые скобки, принадлежат редакции.

валось главным образом на покушения; все выступающие сегодня ораторы также в той или иной степени касались покушений и указывали на них как на непосредственный повод к введению этого исключительного закона».

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ:

ЭТО — БОГОМ ДАННЫЙ СИГНАЛ!

«ПРАВДА» от 2 марта 1933 г. сообщает:

«ПРОВОКАЦИЯ — УДАЧНЫЙ ПОВОД
ДЛЯ РАСПРАВЫ С КОММУНИСТАМИ».

«Берлин, 1 марта. Весь город облетело историческое заявление, сделанное Гитлером на месте пожара корреспонденту английской консервативной газеты «Дейли экспресс»:

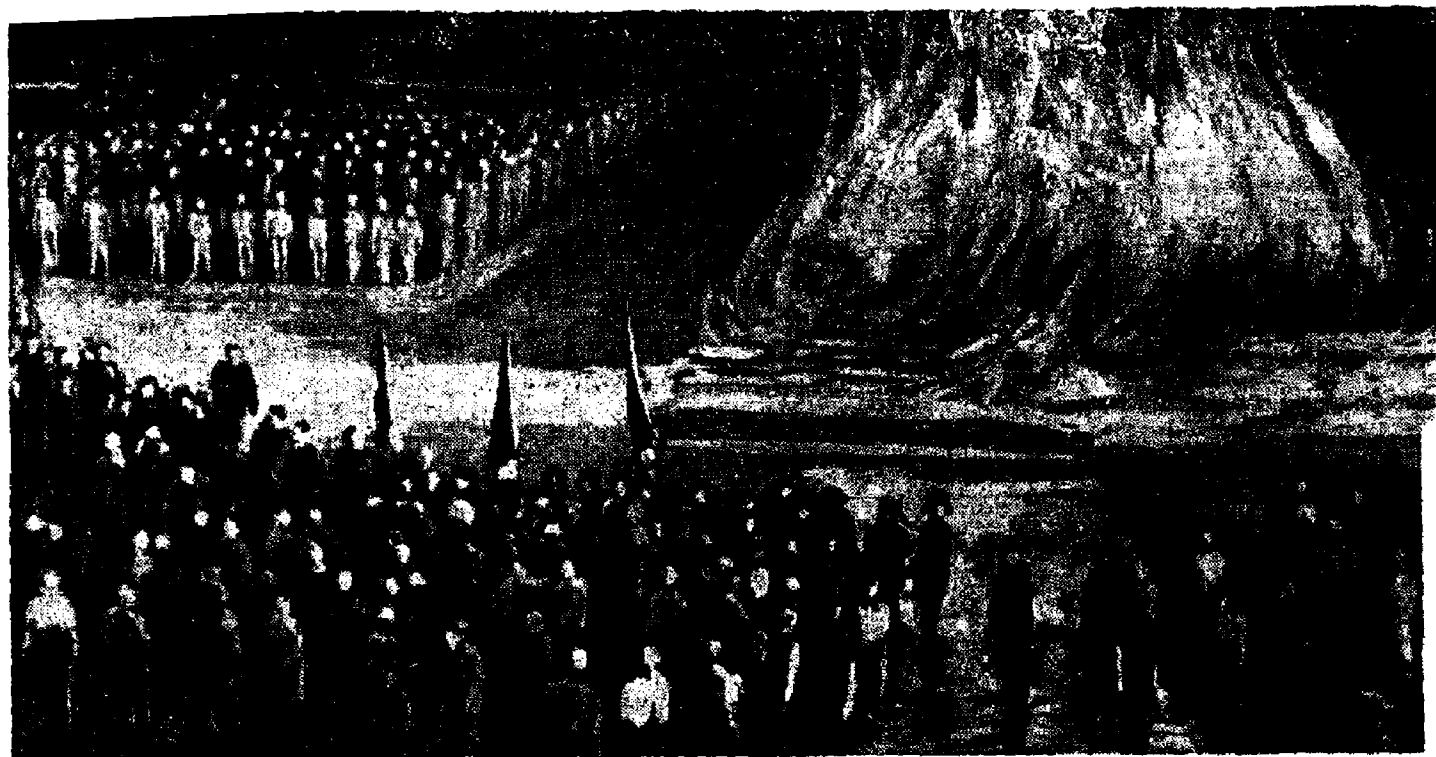
«ЭТО — БОГОМ ДАННЫЙ СИГНАЛ!
НИЧТО НЕ ПОМЕШАЕТ ТЕПЕРЬ
НАМ УНИЧТОЖИТЬ КОММУНИСТОВ
ЖЕЛЕЗНЫМИ КУЛАКАМИ».

«ИЗВЕСТИЯ ЦИК» от 2 марта 1933 г. сообщают:

«ОФИЦИОЗНАЯ ПОДДЕРЖКА
ФАШИСТСКИХ ПРОВОКАЦИОННЫХ
ВЕРСИЙ».

«С официальным сообщением выступил заведующий отделом печати [германского правительства] Функ, который заявил, что «ряд событий последних дней заставил правительство принять крайне решительные меры против коммунистического террора». Далее Функ повторил официальную версию о пожаре в Рейхстаге и подчеркнул, что арестованный Ван-дер-Люббе сознался, что он действовал с ведома и руководства компартии и что он находился также в связи с социал-демократической партией. Затем Функ говорил о найденных якобы в доме Карла Либкнехта материалах и заявил: «Эти материалы доказывают, что компартия подготовляла террористические акты, поджоги, убийства...»

«В таком случае, господа [продолжал Бебель свою речь в Рейхстаге 16 сентября 1878 г.], следовало бы по справедливости ожидать, что правительство ясно и точно выскажется по этому поводу, что оно сообщит о сделанных им открытиях, о том, какие порочащие нас факты оно устано-

Германская культура на костре. Фашистские банды Берлина сжигают книги

вило, о том, в какой связи с социал-демократией, хотя бы лишь идейной, находятся виновники покушения. Однако до сегодняшнего дня ничего подобного не было сделано; дело ограничилось пустыми словами и обвинениями...

Мы, на которых сваливают вину и ответственность, требуем, наконец, ясности, в особенности по вопросу о последнем покушении, послужившем ближайшим поводом перевыборов Рейхстага, а также и предложению этого закона» [заявлял Бебель]

традиции агентства вольф

[1878 год. Сообщение агентства Вольф]. «Берлин, 2 часа ночи. На... судебном допросе совершивший покушение Нобилинг признался, что он сочувствует социалистическим тенденциям, что он неоднократно присутствовал здесь на социалистических собраниях и что он уже в течение недели намеревался застрелить его величество императора, так как считал благом для государства уничтожение его главы».

«Официальный характер этой депеши [заявлял Бебель, оглашая эту депешу агентства Вольф в Рейхстаге 16 сентября 1878 г.] не подлежит ни малейшему сомнению. Однако из различных заслуживающих доверия источников установлено, что вообще никакого судебного допроса ни в день по-

кушения, ни в следующую за ним ночь Нобилинга не снимали... Каждый из вас, господа, знает, как поставлено дело в телег-

Мюнхенские студенты-фашисты пьют ждение „национальной“

Здание сгоревшего Германского рейхстага

ном агентстве Вольф (возгласы одобрения), каждый из вас знает, что подобного рода депеши ни в коем случае не могут быть опубликованы без одобрения властей. Вдобавок на этой депеше отчетливо помечено — «официальная». Итак, на мой взгляд [заявил Бебель] не подлежит ни малейшему сомнению, что эта депеша намеренно и сознательно подделана властями и затем выпущена в свет (слушайте, слушайте). Депеша эта содержит самую подлую клевету, какая когда-либо была выпущена в свет официальным учреждением, и притом с целью навести гнусные подозрения на целую большую партию и заклеить ее как соучастника преступления.

Я спрашиваю далее [продолжал Бебель], как могло случиться, что правительственные органы, вся официозная и официальная печать, а за ней и почти вся остальная пресса, опираясь на означенную депешу, могла в течение недель, месяцев день за днем выступать против нас неслыханно клеветническим образом; что она ежедневно извергала самые ужасные и тревожные сообщения о раскрытых заговорах, соучастниках и т. д.?»

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ:

«Правда» от 7 марта 1933 г. сообщает:

«Корреспондент «Таймса» доказывает, что истории о «коммунистических заговорах», распускаемые национал-социалистическими властями, не

выдерживают критики, так как их лживость обнаруживается даже при поверхностной проверке. В качестве примера корреспондент «Таймса» приводит сообщение правительственного германского агентства Вольф о том, что «в четверг ночью в Зигерланде вооруженные коммунисты пытались прокрасться к зданиям жизненно-необходимых общественных учреждений с целью их поджога». Когда корреспондент «Таймса» запросил местную полицию Зидерланда, последняя заявила, что ей ничего неизвестно о том, какие таинственные коммунисты «кralись для поджога жизненно-необходимых общественных учреждений».

«Правительство [заявлял Бебель в Рейхстаге 16 сентября 1878 г.] делало все, чтобы шире распространить и закрепить в общественном мнении веру в правильность ложных утверждений».

о правительственной „теории“ и полицейской философии

«Какой же ответ дает прусское правительство на это уничтожающее обвинение? [спрашивал, излагая речь Бебеля, Маркс и в ответ констатировал]. Оно устами Эйленбурга отвечает, что протоколов не представит и что вообще никаких материалов, подтверждающих обвинение, нет».

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ:

КАК ПРУССКИЙ МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РАЗБИЛ ПЛАНЫ МОСКВЫ

«Правда» от 2 марта 1933 г. передает: «Крейцейтунг» пишет: «Пожар в Рейхстаге молнией осветил то будущее, к которому хотели вести нас московские наемники... Столетия внезапно выпали. Азиатская жестокость монголов вновь воскресла в мозгах москвитов (!). Московский штурм уже поднялся было. Был дан первый сигнал — пожар в Рейхстаге...

...Даны были все указания к подготовке большевистской революции.

...Но прусский министр внутренних дел разбил планы Москвы...»

... НО ПРОТОКОЛОВ НЕ ПРЕДСТАВИТ

«Правда» от 3 марта 1933 г. передает: «Дейли телеграф» по поводу вчерашнего сообщения Геринга о коммунистическом заговоре пишет в передовой:

«Геринг заявляет, что почерпнул свою информацию из документов, захваченных в коммунистическом главном штабе. До сих пор однако он воздерживался от опубликования источников. Он даже указывает, что многие из его доказательств не могут быть опубликованы...»

«После того [замечал Маркс], как г-н Эйленбург заявил о том, что фактического материала для обвинения социал-демократии в связи с этими покушениями нет,— а он еще и потому отказывается представить протоколы, что они выставили бы это щекотливое обстоятельство в весьма странном свете,— он продолжает: законопроект [об исключительном законе против социалистов] основан лишь на «теории», теории правительственной, гласящей, что «учения социал-демократии в том виде, в каком они распространяются посредством бешеной агитации, вполне способны принести В ОДИЧАВШИХ УМАХ печальные плоды, какие мы, к величайшему нашему сожалению, видели...»

Господин Эйленбург доказывает лишь, как опасно, когда «полиция» пускается «философствовать» [Маркс].

●

Как сообщает агентство Вольф, в Трире национал-социалисты заняли дом, где родился Карл Маркс, и вывесили над домом национал-социалистическое знамя. Дом занят полицией.

(«Известия ЦИК» от 10 марта 1933 г.).

История, говорил Маркс, повторяется: один раз как трагедия, второй раз как фарс.

Полицейская «история» в наши дни повторяется в Германии сразу как трагифарс.

А. Геласимова

ПАРТИЗАНЫ

Томской губернии

**Классовое расслоение
в Сибири в 1917—1918 гг.**

Пролетарские очаги в Томской губ., хотя и небольшие по численности, к 1917 г. были расположены по всем основным крестьянским районам: Кузнецкий уезд включал Горнозаводский округ с разветвленной сетью рудников и Кольчугинские угольные копи, Томский и Мариинский — Анджерско-Судженские копи и т. д. Кроме того все эти районы были связаны между собой железной дорогой, что способствовало пополнению рядов горнозаводского пролетариата железнодорожными рабочими.

Рабочее движение Томска имело за своими плечами большой революционный опыт борьбы в 1905—1907 гг. и подпольной работы в последующие годы. В революционном подполье участвовало немало старых большевиков из рабочей среды и из среды ссыльных.

Крестьянство Томской губ. было дифференцировано больше, чем в других районах Сибири. Число хозяйств без посева к 1917 г. достигало 16 проц., без скота — 6,4 проц., малопосевных хозяйств (засажающих до 1 десятины) — 7,9 проц. Число кулацких хозяйств достигало 18,6 проц.

Националы (в основном татары и зыряне) заселяли малопригодные для земледелия участки в таежной и притаежной местностях. Основная их масса занималась мелким кустарным, лесным промыслом и охотой. Среди них было широко развито отходничество в города, на рудники, шахты и в окрестные села, где например татары из Марийской тайги батрачили целыми семьями, особенно в летний период.

Кулацко-зажиточная часть деревни, враждебная Октябрьской революции, вела непрерывную борьбу с местной советской властью и комитетами бедноты. Эта часть деревни являлась опорой всяких контрреволюционных белогвардейских выступлений. В период временных правительств, директории и колчаковщины кулачество было организовано в дружины «Святого креста», дружины для «организации порядка», —

фактически же для борьбы с партизанскими отрядами и со всем революционным подпольем, руководимым большевиками.

Основная масса середняцкого крестьянства, испытав на деле диктатуру колчаковщины в Сибири, все решительнее переходила на сторону советской власти.

Бедняцкая часть деревни после Октября организовалась в комбеды и начала ожесточенную борьбу с кулаками, за землю, за средства производства и т. д. В некоторых районах была проведена конфискация имущества кулачества, а весной 1918 г. начався передел лучшей земли и наделение землей неприписных жителей.

Чешский переворот застал бедняцкую часть деревни либо в рядах Красной армии, либо скрывающейся в тайге и на заимках.

Фронтвики, вернувшиеся с германского фронта, активно выступали в борьбе за советскую власть. Они возглавляли советы, комбеды и отряды красной гвардии. Основная их часть вышла из бедняцко-средняцкого населения деревни. Они принесли с фронта непримиримую ненависть к временному правительству и к реставрации старого строя.

Рабочие и беднота таежных и притаежных участков, особенно национальных районов, в период колчаковщины являлись основным резервуаром партизанских отрядов. Они пополняли отряды партизан, давали им приют, питание, выполняли роль разведчиков и часто становились во главе отрядов.

В Томской губ. с ее центром — Томском и будущей столицей Сибирского края — Новониколаевском были сосредоточены крупные силы буржуазии и буржуазной интеллигенции, пополненной «беженцами» от Октябрьской революции из центра России: фабрикантами, заводчиками, офицерами, черносотенными профессорами, хлынувшими широким потоком на окраины.

Все сибирские контрреволюционные съезды «областников» проходили в Томске, а первое контрреволюционное правитель-

ство, возглавившее восстание чехо-словаков, было организовано в Новониколаевске.

Идея «автономии Сибири», идея «областничества» в 1917—1918 гг. являлась платформой борьбы против советской власти. Партия эсеров организовала кулацко-эсеровские восстания, используя даже такие организации, как например «Закупсбыт», который приспособил свою сеть кооперативов для контрреволюционной работы.

политическое и экономическое положение в сибирипосле переворота

Выступление чехо-словаков на Сибирской ж.-д. магистрали было поддержано кулацко-эсеровскими восстаниями по деревням и районам.

Томская красная гвардия после упорного сопротивления под Мариинском была разбита 25 мая 1918 г. Разгром красной гвардии на ж.-д. магистрали решил судьбу районов. Отрезанные от городских партийных организаций, от губернского и уездных советов, волостные и сельские советы были почти всюду разгромлены местным кулачеством.

Первое временное областное сибирское правительство организовалось в Новониколаевске в мае—июне 1918 г. во главе с Сазоновым, членом правления «Закупсбыта», Линбергом (эсером), членом Учредительного собрания, и Сидоровым, б. предс. Томской уездной земской управы.

Этот «Западносибирский комиссариат» (как он называл себя) выпустил декларацию о переходе власти из рук большевиков в руки «истинно демократического правительства». Первые постановления временного комиссариата говорили: 1) о денационализации предприятий, 2) об изъятии большевиков из всех органов самоуправления, 3) о мобилизации офицеров в армию, 4) о взаимоотношениях с чехами и т. д.

Вся деятельность «комиссариата» свидетельствовала о его контрреволюционном характере.

За несколько дней пребывания нового правительства в Новониколаевске тюрьмы переполнились рабочими и крестьянами, расстрелянных трудно было учесть. Разгромленные отряды красной гвардии ушли в Мариинскую тайгу и разбрелись по деревням.

КЪ НАСЕЛЕНІЮ РОССИИ.

18 Ноябрь 1918 года. В. Колчакъ. Верховное Правительство. Омск.

Советы Министровъ принять всю полноту власти и передать ее мнѣ—Адмиралу Русскаго Флота. Александру КОЛЧАКЪ.

Принявъ Крестъ этой власти въ исключительно трудныхъ условияхъ гражданской войны и полного разстройства государственной жизни, объявляю и не пойду ни по пути реакціи, ни по гибельному пути партійности. Главной своей целью считаю создание боеиспособной Арміи, побѣду надъ большевизмомъ и установление законности и правопорядка, дабы народъ могъ безпрепятственно избрать себѣ образъ правленія, который онъ пожелаетъ, и осуществить великія идеи свободы, нынѣ провозглашенныя по всему міру.

Призываю Васъ, граждане, съ едвиненіемъ, съ борьбой съ большевизмомъ, труду и жертвамъ.

Верховный Правитель

Адмиралъ

18 Ноябрь 1918 года
гор. Омск.

«Манифест» Колчака

Контрреволюционный переворот совершился под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» и лозунгом областничества — «Автономия Сибири».

Разгул реакции особенно усилился к июлю 1918 г., к моменту образования общесибирского временного правительства. Советские работники, большевики, красногвардейцы, не успевшие уйти в тайгу, умирали под плетью и штыками.

Военная диктатура во главе с верховным правителем Колчаком привела крестьянство к положению бесправного раба.

Экономическое положение крестьянства значительно ухудшилось. Колчаковские деньги падали с катастрофической быстротой. Промышленные товары исчезали с рынка, их можно было приобрести только у спекулянтов-кулаков по дорогим ценам. Крестьянство было вынуждено переходить к натуральным формам ведения хозяйства: сами выделывали полотно, мыло и т. д. Даже более зажиточная часть крестьянства почувствовала обман в громких обещаниях экономического подъема. Основная масса томского крестьянства сделала выбор между диктатурой колчаковщины и диктатурой пролетариата в пользу последнего. «На Урале и в Сибири рабочие и крестьяне сравнили на опыте диктатуру

буржуазии и диктатуру рабочего класса» в вооруженные восстания против контрреволюции. (Ленин).

Пролетариат Томской губернии под руководством большевиков между февралем и октябрём 1917 г. являлся руководителем борьбы за советскую власть, за установление диктатуры пролетариата. После Октября, в период советской власти в Сибири, пролетариат возглавил вооруженную борьбу с контрреволюцией, опиравшейся на штыки чехо-словаков.

Все временные правительства и колчаковщина были встречены стачками, восстаниями, организацией партизанских отрядов, дезорганизацией тыла противника и т. д.

связь партизанских отрядов с большевистским подпольем

Почва для восстания против власти Колчака была подготовлена самой же колчаковщиной. Нужно было только возглавить этот поток недовольства и превратить его

в вооруженные восстания против контрреволюции. Организатором восстаний и выступлений партизанских отрядов было большевистское подполье.

Первая большевистская областная сибирская конференция в Томске в конце августа 1918 г., наметив план боевой работы, дала директиву, где говорится, что «задача рабочего класса в настоящих условиях — это вооруженная борьба с контрреволюцией за восстановление советской власти». Областной комитет, избранный на этой конференции, ставил военную работу в центр своей деятельности. Для руководства военно-революционным штабом был выделен г. Суховерхов, зам. председателя областного комитета партии.

В сентябре 1918 г. областной комитет принял развернутый план боевой работы, который впоследствии был положен в основу партизанского движения в Томской губернии. В плане намечалось развертывание вооруженной борьбы путем подготовки массового восстания, постоянной дезорга-

Расстрел белыми крестьян в Александрове-Гай

низации тыла противника: разрушения ж.-д. транспорта, разборки рельсов, взрывания мостов, сбрасывания под откос воинских эшелонов, спиливания телеграфных столбов, забастовок рабочих на ж.-д. транспорте, в шахтах, рудниках и т. д.

На II всесибирской подпольной конференции 20—21 марта 1919 г. вопросы военной работы занимали центральное место. Конференция приняла решение, которое, подводя итоги прошлого, дало целый план-инструкцию военной работы.

Томская партийная организация большевиков, во главе которой стоял областной комитет партии, была одной из сильных организаций Сибири. Руководству партизанским движением и восстанием Томский комитет придавал большое значение. В период чумайского восстания в район восстания было послано несколько большевиков, под руководством которых в деревне Николаевке состоялось совещание представителей восставших. В октябре 1918 г. в районе Анжерско-Судженских копей Томским комитетом был сформирован партизанский отряд во главе с т. Гончаровым. Впоследствии, когда на территории Томской губ. организовалось несколько отрядов, Томский комитет с каждым из них имел связь.

Во всех уездах, рабочих центрах и очагах крестьянских волнений Томский комитет имел своих представителей, которые выполняли в первую очередь роль информаторов, связистов, а зачастую и руководителей местных организаций.

20 апреля 1919 г. Томский комитет большевиков провел совещание представителей партизанских отрядов и своих уполномоченных на местах. На с'езде присутствовало 9 человек—от разных районов¹.

Совещание по партизанскому движению в Томске имело большое политическое значение. Оно дало правильную установку о необходимости связи между разрозненными партизанскими отрядами и подчинении партизанского движения единому штабу, единому руководству партии. Но эти решения с'езда в связи с арестами, разгромом томской организации не были полностью проведены в жизнь. Потребность же

¹ О с'езде не осталось никаких документов кроме сводки штаба V армии, составленной со слов т. Лапина, и свидетельств участников этого с'езда и его организаторов—членов Томского подпольного комитета большевиков. Решения с'езда в условиях жесточайшей конспирации даже не протоколировались.

Колчак с группой офицеров английской военной миссии. За Колчаком стоит ген. Нокс—английский военный представитель в колчаковской Сибири

в объединении действий отрядов чувствовалась всеми руководителями отрядов.

Группа отрядов—отряд Лубкова-Шевелева, Новоселова и Кузнецова—в апреле 1919 г. объединилась с основным отрядом кольчугинских шахтеров, ушедших после неудачного восстания в Кольчугине² в тайгу во главе с т. Голиковым.

После объединения партизаны захватили Центральный прииск, но были не в состоянии его удержать на длительное время. В мае 1919 г. объединенный отряд перебросился в Мариинский уезд для соединения с отрядом Лубкова Петра, но встреча отрядов не удалась, так как отряд Лубкова-Шевелева был отрезан от линии железной дороги карательным отрядом капитана Жиркова.

В июне 1919 г. после ранения т. Лубкова-Шевелева Новоселов и Кузнецов выделились снова в самостоятельный отряд и направились в Алтайскую область для связи с розовским партизанским отрядом. По пути на

² Кольчугино, теперь Ленинск,—один из крупных пролетарских центров б. Томской губ., Кузнецкого уезда. В Кольчугине 25 марта 1919 г. произошло восстание шахтеров, которое было разгромлено 26 марта 1919 г. прибывшими из Томска и Новониколаевска карательными войсками. Часть повстанцев ушла в тайгу, разбрелась по деревням, часть погибла в боях под Кольчугино; попавшие в плен были расстреляны или спущены в заброшенные шахты.

Ущип к ним примкнул третий отряд — Ивана-Шувалова.

Роговский отряд пользовался большой популярностью и являлся одним из наиболее сильных отрядов партизан Алтайской области. Его действиями руководил Барнаульский комитет партии. В отряд для работы был послан ряд партийцев, в том числе два члена барнаульского подпольного комитета партии гг. Новиковы Яков и Анатолий, оба бывшие крупные советские работники и организаторы красной гвардии в Томске.

В конце июня 1919 г. томские партизаны соединились с отрядом Рогова. Томичи пробыли в Алтайской области около 20 дней. Объединенный отряд выдержал ряд удачных боев с карательными отрядами и местными гарнизонами. Численно он увеличился до 350 чел. После занятия Тогула, где отряд образовал что-то вроде своей постоянной резиденции, белые бросили против него крупные силы. Отряд, выдержав несколько оборонительных боев, отступил в глубь тайги. Томские партизаны вернулись в Томскую губ., где опять соединились с отрядом Лубкова-Шевелева.

Во время пребывания на Алтае отряд

томских партизан возглавлял анархист Новоселов, который еще в пути выдвигал предложение переменить красное знамя на знамя анархистов — черного цвета. Только благодаря настойчивости большевиков во главе с г. Ивановым-Шуваловым это предложение удалось отклонить. В период совместных действий с Роговым Новоселов имел отрицательное влияние и на последнего, заражая его идеями анархизма и безвластия.

После ухода томских партизан роговский отряд быстро оправился от разлагающего влияния анархистов.

Во главе его стали большевики. С августа по ноябрь отряд выдержал ряд крупных боев, проводя большую политическую и организационную работу в захваченных районах.

В октябре 1919 г. после нового раскола в отряде Лубкова-Шевелева отряд Новоселова опять вошел в роговский отряд. Приход Новоселова для Рогова был кстати, так как он, упоенный военными успехами и славой, начал тяготиться присутствием в отряде большевиков, а главное тем, что они фактически руководили всей деятельностью отряда.

Рабочие пос. Куломзино, расстрелянные колчаковцами

Ошибкой большевистской части этого отряда было то, что они во-время не сняли с командного поста Рогова. Это не дало бы возможности части отряда выродиться в бандитствующую группу.

Большевики с лучшими силами выделились в самостоятельную единицу — 1-ю чумышскую дивизию. Дивизия захватила Причернский район, в начале ноября 1919 г. созвала съезд советов Причернского района, на котором присутствовало свыше 30 представителей сельских и волостных подпольных ячеек и ревкомов.

В районе Кузбасса (б. Щегловский уезд) подготовительная работа к массовому восстанию и объединению партизанских отрядов велась с зимы 1918—19 г. под руководством кемеровско-щегловской организации большевиков.

Первое совещание подпольных ячеек и деревенских штабов совместно с отрядом Иванова-Шувалова было проведено в первых числах сентября 1919 г. в деревне Бе-

резовке, Крапивинской волости, Щегловского уезда.

На совещании присутствовали двое представителей партизанского отряда Иванова: сам Иванов-Шувалов и «Грицко»—Николай Чумазов, от кемеровской партийной организации—Голвина Мария, от деревни Березовки—Богданов, представитель волостного совета Крапивина и трое приезжих с Дальнего Востока большевиков, б. советские работники и красногвардейцы: Бондаренко-Федорец, Геласимова Тоня и Юрченко-Геласимов.

Совещание приняло решение — предложить всем отрядам, оперировавшим в пределах трех уездов—Мариинского, Щегловского, Кузнецкого,—объединиться в единую партизанскую армию имени этих трех уездов. Был избран временный штаб армии, в который вошли Иванов-Шувалов, Бондаренко-Федорец и Геласимова Тоня. Отряду Иванова-Шувалова было предложено связаться со всеми партизанскими отрядами и передать им приказ об организации армии. Остальные участники совещания должны были остаться и провести организационную работу по подготовке восстания. К этому времени в ряде деревень Щегловского уезда уже имелись ячейки или штабы по подготовке восстания, созданные по директиве парторганизации Щегловска.

Массовое восстание произошло спустя два месяца после первого совещания.

В партизанскую армию трех уездов кроме отряда Иванова-Шувалова влилось еще два отряда Кузнецова и Путилова.

Восстание охватило несколько волостей Щегловского и Кузнецкого уездов. В селе Крапивино временно был организован центр восстания. Колчаковские власти надеялись в корне задушить это движение, и к Крапивину было брошено три белых карательных отряда. Слабо вооруженные повстанцы оказались бы в тяжелом положении, если бы к этому времени на помощь восставшим не пришел из Мариинского уезда со своим отрядом Лубков-Шевелев, который был избран командующим армией.

Отпор белогвардейцам был удачен, и партизанская повстанческая армия выполнила директивы партии об объединении партизанских отрядов в единое целое. Так образовалась 1-я томская партизанская дивизия.

В момент присоединения к Красной армии эта дивизия насчитывала около 9 тыс. хорошо вооруженных партизан, и если учесть, что в тот период на одного воору-

Генерал Сосновский у тела повешенного им лично крестьянина

Красные партизаны выступают в поход

женного приходился минимум один невооруженный, то можно считать, что 1-я томская партизанская дивизия имела в своем составе в конце декабря 1919 г. около 18 тыс. партизан и повстанцев.

Массовые восстания в Кузбассе следовали по пятам за алтайским партизанским движением и пожалуй имели ряд общих черт.

В декабре 1919 г. ряд полков алтайских партизан (полк «Красных орлов» под командой т. Небарака, Славгородский полк под командованием Игнатова) в погоне за белыми перебросился в район действия 1-й томской партизанской дивизии и действовал совместно с ней.

Впоследствии оба алтайских полка вместе с 1-й томской партизанской дивизией присоединились к Красной армии и как единая воинская часть были откомандированы в Новониколаевск в распоряжение 51-й дивизии, возглавляемой т. Блюхером.

Отряды, оперировавшие в восточной части Томской губ. (братьев Переваловых, Буркова-Зубова, Куркова, Иваненко и Быцана) в первый период, т. е. зимой 1918—1919 г., тяготели к енисейским партизанским отрядам Кравченко и Шетинкина и только после ухода последних в Монголию начали связываться с томскими отрядами, в первую очередь с отрядом Петра Лубкова.

В конце ноября 1919 г. в деревне Пенюковке состоялось первое совещание пред-

ставителей четырех отрядов, оперировавших на востоке Томской губернии.

На совещании стоял вопрос об объединении этих отрядов, но представители отрядов к соглашению не пришли, и отряды остались существовать по-старому до прихода Красной армии.

борьба за большевистское руководство

Партизанское движение Томской губ. носило боевой характер. Уже с первых своих шагов, с октября 1918 г., партизанские отряды Томской губ. положили в основу своей деятельности разработанный Сибирским областным комитетом в Томске правильный стратегический план, направленный к уничтожению и разрушению путей сообщения и к дезорганизации работы в угольных районах. В ответ на это колчаковские власти в начале мая 1919 г. выделяют железнодорожный участок Томск—Ачинск в самостоятельную единицу и ответственность за сохранение железной дороги возлагают всецело на окружающее население. За разрушение полотна дороги какого-нибудь участка по приказу начальника охраны ж.-д. участка Новониколаевск—Ачинск полковника Крейчий расстреливаются заложники. «В случае повторного злодеяния на одном и том же участке,—пишет в своем приказе Крейчий,—число расстрелянных за-

Группа партизан с Зимовье с самодельной пушкой

ложников будет увеличено в несколько раз, а подозрительные деревни будут сжигаться целиком»¹.

Несмотря на такие чрезвычайные меры, партизанское движение не затихало, и разрушения на Томской ж. д. увеличивались с каждым месяцем, что заставляло колчаковское правительство и белогвардейское командование считать Томскую ж. д. самым опасным участком.

В октябре 1919 г., по мнению Устругова, министра путей сообщения колчаковского правительства, положение на Томской ж. д. было «чрезвычайно серьезным». Вследствие «постоянных военных действий» Томская ж. д. не использовала своей пропускной способности. «Следовательно, если положение на Томской дороге коренным образом не изменится и разбойничьи банды будут действовать по-прежнему, то дороги в лучшем случае едва ли справятся с угольными перевозками, и положение с транспортом безусловно кончится катастрофой». Устругов обращается через Колчака к союзным правительствам и просит их выловить обязанности по охране железных дорог, с особенностью Томской ж. д.

¹ Приказ по ж.д. участку Новоноволазск—Ачинск станций Томск-II от 11 мая 1919 г. за подписью начальника охраны ж.д. уч. Новоноволазск—Ачинск, начальника 2-й чешской стрелковой дивизии полковника Крейчи и начальника штаба майора Вируля. Хрестоматия «Гражданская война в России», составленная Пшонковским, стр. 307—308.

² Секретный доклад министра путей сообщения Устругова Колчаку от 22—23 октября 1919 г. Хрестоматия «Гражданская война в России», составленная Пшонковским, стр. 317.

Партизанское движение Томской губ. имеет своими истоками красную гвардию. Часть красногвардейцев при наступлении белых ушла организованно с оружием в руках в тайгу, где они вначале скрывались небольшими группами, не приступая ни к каким активным действиям. Такие группы имелись у Лубкова-Шевелева, Перевалова, Лубкова Петра и др.

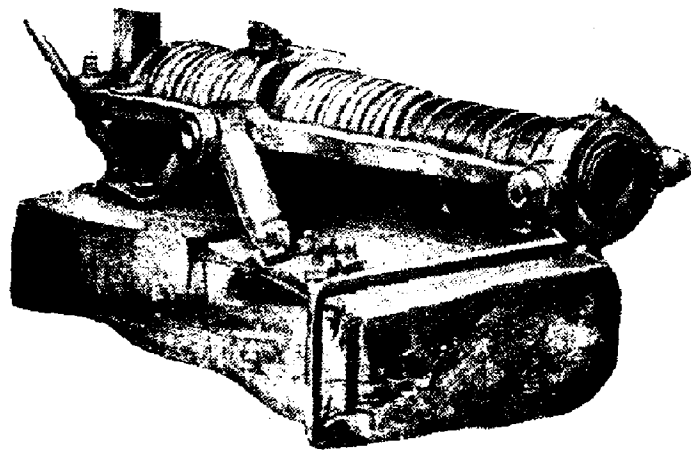
Широкое партизанское движение Томской губ. выросло после чумайского восстания в октябре 1918 г. Первым организовался в районе Анджерско-Судженских копей отряд Гончарова. Тов. Гончаров, рабочий, большевик, член томской организации, был послан Томским комитетом в район копей для организации отряда. Отряд самостоятельно просуществовал не более месяца. В конце октября он слился с отрядом Лубкова Петра.

Ядро отряда составляли анджерско-судженские рабочие, б. красногвардейцы и советские работники района. Отряд имеет тесную связь с томским большевистским подпольем.

О смелости и героизме этого отряда ходили фантастические рассказы. Против него белые бросили большие военные силы, но отряд был неуловим.

Именем этого отряда действовал и ряд других отрядов (Василия Шевелева, Перевалова, Пугачева-Попова, Новоселова, Шувалова и др.). И то, что они в разных районах и часто одновременно выступали под одним именем, еще больше усиливало популярность и легендарность отряда.

Начальник этого отряда Лубков (Петр), местный крестьянин, б. фронтовик и советский работник периода 1918 г., пользовался сначала большой популярностью среди населения. Это был храбрый человек,

Таким оружием партизаны били белых

Комсостав полка „Красных орлов“. Второй слева — комполка т. Кобяков

боравшийся активно против колчаковщины. Но его мелкобуржуазная идеология и анархистские настроения привели его в конце концов к окончательному разложению.

Отряд Новоселова организовался в начале 1919 г. как группа анархистов. Впоследствии Новоселов со своей группой волился в отряд Лубкова-Шевелева. В конце 1918 г. группа кемеровских рабочих-красногвардейцев во главе с Ивановым-Шуваловым организовала рабочий отряд, который с июня 1919 г. объединился с отрядом Новоселова, оперировавшим в этот период самостоятельно.

Весной 1919 г. организовался отряд под руководством Пугачева-Попова — старого большевика, председателя Свободненского совета рабочих депутатов. Пугачев быстро связался с группой красногвардейцев, его отряд в апреле 1919 г. доходил до 50—60 чел. Пугачев пытался поставить воинскую дисциплину внутри отряда на соответствующую высоту и сделать отряд боевой единицей, действительно борющейся за диктатуру пролетариата. Но в противовес ему в отряде действовали анархисты во главе с Железняком (Железновым). Железняк с первых дней организации отряда вел борьбу против Пугачева. В начале июня 1919 г.

Пугачев был убит Железняком выстрелом в спину.

Все эти отряды в конце 1918 и в начале 1919 гг. оперировали в пределах Мариинского уезда. Они на первых порах были тесно связаны друг с другом. Выступление одного отряда поддерживалось другим, что способствовало мощному развитию партизанского движения Мариинского уезда.

В восточной части Томской губ. оперировало пять отрядов: братьев Переваловых, Буркова-Зубова, Иваненко, Быцана и Куркова. В первый период организации эта группа отрядов, так же как и западная группа, сходилась, объединялась для отдельных операций и опять расходилась. Начиная с весны 1919 г. эти отряды представляли единое целое, и только к концу лета и осенью 1919 г. отряд раскололся окончательно на пять самостоятельных единиц. Перевалов Михаил был начальником одной из красногвардейских частей на Мариинском фронте. После разгрома красной гвардии Перевалов с группой красногвардейцев ушел на границу Енисейской области. Первые его выступления носили характер налетов на села для контрибуции на кулачество в целях самоснабжения, на отдельные отряды милиции и т. д.

Группа комсостава партизанской армии. Сидит первый слева т. Кравченко

14 марта 1919 г. в Ужуре вспыхнуло восстание, в организации которого участвовали Перевалов, Зубов-Бурков, под влияясь директивам боготольской партийной организации и решением Тузудукского съезда подпольных ячеек района от 1 марта 1919 г. Это восстание было откликом на восстание в Енисейской области, возглавленное Щетинкиным.

Параллельно шло формирование самостоятельных отрядов Зубова-Буркова и Буркова.

Восточные партизанские отряды сосредоточили свои боевые действия в основном на ж.-д. участке Троицкот-Аянск, где при помощи ж.-д. рабочих в результате массовых разрушений железнодорожного полотна.

К югу от Сибирской ж.-д. магистрали в западной части Тобольской губ. с сентября 1918 г. отряды партизанской армии возглавляемые отрядами Лубкова-Шевелева, Пугачева-Половина, Новоселова, Антонова-Шугарова, Куликова, Путилова и Бросара. Все эти отряды кроме отряда Путилова и Бросара из 1918-1919 гг. неоднократно обвинялись

одну боевую единицу для отдельных боевых операций. После того как против них проводились большие военные силы, отряды, не принимая ударов, разделились на отдельные группы, занявшись в основном партизанским делом, захватами в тылу противника, совершением одновременных нападений

разрушая рудники, железнодорожное полотно.

С апреля по июль 1919 г. отряды Лубкова-Шевелева, Новоселова, Пугачева-Половина, Куликова представляли один отряд, оперировавший под именем Лубкова в районе Гурьевского округа и Кольчугинского Косеровских шахт. Отряд Лубкова в этот период находился к северу от ж.-д. в районе Анджерско-Сурженских ж.-д.

После убийства Пугачева-Половина, ранения Лубкова-Шевелева основная группа партизанских отрядов Корбасса распалась на отдельные единицы. Новоселов с Куликовым ушел в Алтайскую область. Отряд Лубков, Шевелев остался в Мариинской губ. где продолжал действовать после разрыва отношений с отрядом Шевелева.

Шевелев, бывший ранее подпольным рабочим в Мариинском округе в Тимовской волости, Шегурского уезда, после падения сибирской власти ушел в тайгу с небольшой группой краснокараульцев. Эта группа, по крайней мере, с июня начала сотрудничать с войсками 1918 г. в Мариинском уезде. После объединения отряда Шевелева с отрядом Новоселова, колчугинскими шахтерами и вместе с отрядом Пугачева-Половина стала самостоятельной боевой единицей в

Штаб 1-й чумышской дивизии

стягивать в район его действий крупные боевые силы.

Руководство в отряде было в руках довольно сильной группы большевиков, состав отряда был наполовину рабочим. Но в то же время здесь были и представители буржуазных партий, как Новоселов, Железняк и другие, с которыми большевистской и рабочей части отряда пришлось вести большую борьбу за организованность и целеустремленность движения.

Большая масса партизан была из местного крестьянства, правда, это были представители бедняцко-средняцкой части деревни и фронтовики, но все же они как выходцы из мелкобуржуазной среды легко подчинялись чуждому влиянию. Они были за советскую власть, они боролись под лозунгом «Вся власть советам», но в процессе борьбы в них не раз просыпались интересы мелкого собственника. Часть из них шла только под лозунгом свержения власти Колчака, а дальше их интересы и чаяния расходились с установкой большевиков.

Представители мелкобуржуазных партий (эсеров, анархистов), находящиеся в отряде, вели разлагающую, часто провокационную работу.

Например в отряде Рогова и Новоселова помимо Новоселова—анархиста—был представитель эсеровской барнаульской организации. Он не только руководил разного рода эксцессами против населения, но и сам принимал в них участие, причем выявлял себя типичным садистом: по его словам, он не мог прожить ни одного дня, не убив нескольких человек. Руки его были в браслетах, на пальцах по нескольку колец, а на груди болталось несколько брелочков от часов. Вид его вызывал ненависть населения и давал иногда повод считать отряд кучкой бандитов.

Для борьбы с таким явлением необходимо было крепкое ядро внутри отряда.

В повстанческой армии Мариинского, Шегловского и Кузнецкого уездов штаб армии сразу же организовал Военно-революционный трибунал и ввел ряд мероприятий политического, агитационного и принудительного характера, превращавших эту неорганизованную повстанческую массу в отряд, борющийся за диктатуру пролетариата.

Против дисциплины и организованности возражали (некоторые) только на первых порах, впоследствии основная масса парти-

на поддержку все мероприятия штаба армии, направленные к организации из партизанских отрядов и повстанцев крепкой дисциплинированной воинской единицы. К концу 1919 г. сила и перевес в отрядах оказались полностью на стороне большевиков, а с отдельными бандитствующими партизанскими группами и отрядами началась беспощадная борьба вплоть до исключения из отрядов, расстрела и т. д. Отряд Рогова и Новоселова в тысячу человек хорошо вооруженных партизан был разоружен самими же партизанами под руководством 1-й томской партизанской дивизии¹.

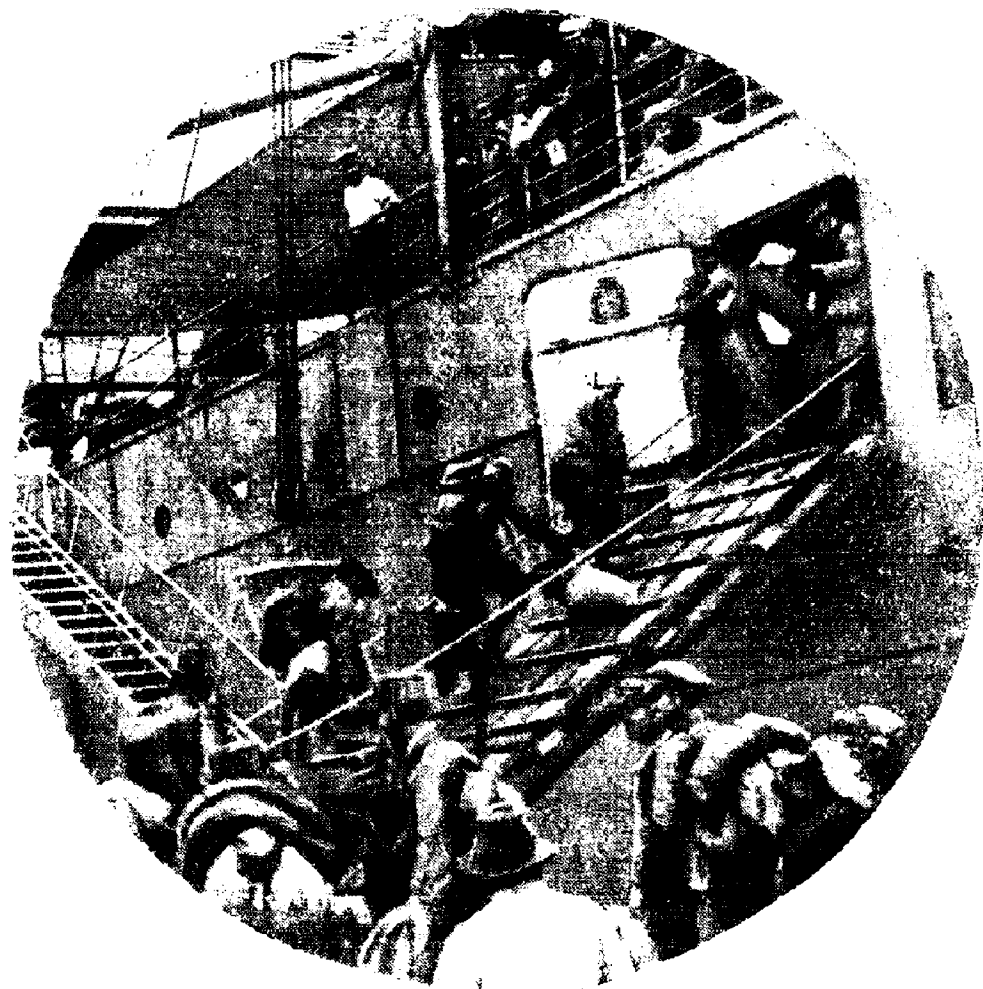
Партизанские отряды, где была большая прослойка рабочих, представляли лучшие воинские единицы, крепкие в политическом отношении, организующие население на борьбу с колчаковщиной, за власть Советов. Отряды, подпадавшие под влияние представителей мелкобуржуазных партий, вырождались в бандитствующие группы, прово-

¹ 1-я томская партизанская дивизия создавалась в результате реформирования в конце декабря 1919 г. повстанческой армии трех уездов в дивизию.

дирующие и дискредитирующие партизанскую борьбу. Можно предполагать, что в этих отрядах действовали нередко и прямые предатели, ведшие провокационную работу, как например представитель барнаульской эсеровской организации, о котором говорилось выше.

Победа Красной армии завершила борьбу с колчаковщиной. Красная армия во главе с большевистским руководством разгромила белогвардейские и интервенционистские правительства. Партизанские отряды, вдохновляемые еж. под руководством большевистского подполья Сибири вели подрывную работу в тылу колчаковщины, без которой не могло быть победы Красной армии.

Партизанские отряды оттягивали вооруженные силы противника, разрушали транспорт, подрывали снабжение армии врага, вели агитационно-политическую работу среди населения, организуя последнее на борьбу с колчаковщиной и интервенцией. Эти два русла вооруженных сил пролетариата дополняли друг друга. Будучи тесно связаны между собой, они привели к победе советской власти в Сибири.

Эвакуация чехо-словаков и колчаковцев из Владивостока

СОЗДАДИМ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ УЧЕБНИК

(о книге С. Моносова «Очерки истории революционного движения» под редакцией Л. Рыклина)

1

Книга Моносова, охватывающая эпоху буржуазно-демократических революций в Западной Европе, является почти единственным учебником, которым пользуется сейчас наша учащаяся молодежь. Какие требования мы предъявляем к учебнику по истории этой эпохи? Исторический учебник, посвященный эпохе буржуазных революций в Западной Европе, должен, как и учебник по истории любой эпохи, исходить из правильных методологических позиций.

История борьбы рабочего класса в эпоху буржуазно-демократических революций на Западе не раз освещалась Лениным. Освещение этой эпохи, оценка ее были в свое время предметом ожесточенной борьбы между большевиками и меньшевиками. Большевизм возник и развился на основании обобщения опыта классовой борьбы пролетариата не только в России, но и в Западной Европе, т. е., следовательно, его борьба и в эпоху буржуазно-демократических революций. Ленин в 1899 г. писал, что «история социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения — таков тот материал, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии».

Эпоха буржуазно-демократических революций в Западной Европе (1789—1871 гг.) ставит перед нами вопросы гегемонии в буржуазно-демократических революциях, вопросы перерастания, вопросы роли рабочего класса в буржуазно-демократических революциях и вопрос о роли партии пролетариата в его борьбе за свое освобождение. Изучение этой эпохи должно подвести читателя к пониманию важнейших программных и тактических положений большевизма. На конкретном историческом материале можно показать учащемуся неразрывную связь в развитии марксизма и массового рабочего движения, показать, как боролись Маркс и Энгельс за то, чтобы марксизм победил в рабочем движении, чтобы он стал господствующей идеологией рабочего класса. Изучение этой эпохи должно подвести к пониманию того, как Ленин и Сталин продолжили разработку опыта революционной борьбы, развивая марксизм дальше.

Меньшевики в своей борьбе против большевизма искажали историю западноевропейского рабочего движения. Они создали немало традиций буржуазной историографии, буржуазного

подхода к этим событиям. Меньшевики не понимали и не могли понять ни опыта революций 1905 г. как нового типа буржуазно-демократической революции, совершившейся в условиях новой империалистической эпохи, ни западно-европейских буржуазных революций, в которых впервые выступил рабочий класс как самостоятельная политическая сила. Показать в настоящем свете классовую борьбу эпохи буржуазно-демократических революций в Западной Европе — это значит разоблачить фальсификацию меньшевистской буржуазной историографии, создавшей немало легенд о западно-европейских буржуазно-демократических революциях.

Все вопросы истории этой эпохи таким образом являются вопросами политическими, актуальными и в известном смысле сугубо современными. Разоблачать всякого рода меньшевистские концепции (вроде рязановской например) по-новому, в свете учения Ленина — Сталина, осветить опыт классовой борьбы в ту эпоху — это значит помочь нашей настоящей борьбе, вооружить учащегося, изучающего историю этой эпохи, ценнейшим оружием современной классовой борьбы пролетариата.

Учебник, исходя из правильных, большевистских позиций в освещении всей этой эпохи, должен быть конкретным историческим учебником. Но требуя, чтобы учебник дал конкретное представление о многостороннем и сложном процессе классовой борьбы, абсолютно необходимо добиваться четкого изложения предмета в учебнике. Нечеткость в учебнике предва особенно. Учебник изучают десятки тысяч людей, для которых он подчас является почти единственной книгой по истории изучаемой эпохи. Каждая фраза имеет в учебнике особое значение. В нем не должно быть шероховатостей, неточностей, неправильных выражений, ошибочных определений, и т. д.

Как справляется рецензируемый учебник со всеми этими задачами? Ставит ли он правильно, по-ленински, все эти проблемы и разрешает ли их в духе учения Ленина — Сталина?

Учебник Моносова в новом издании, являющемся значительной переделкой всех старых изданий его, представляет собой несомненно значительный шаг вперед в деле создания большевистского учебника.

Автор поставил перед собой задачу — осветить эту эпоху в свете указаний Ленина и Сталина, используя ленинское наследство. Целый

ряд основных вопросов истории этой эпохи оставлен правильно. Расположение материала, самое построение учебника в методологическом отношении верны. Но над этим учебником, как и вообще над издаваемым учебником истории революционной борьбы в Западной Европе, предстоит еще проделать большую работу для того, чтобы он вполне отвечал тем требованиям, которые предъявляет партия

2

Из всей группы вопросов, относящихся к истории этой эпохи, на которые учебник должен дать правильный, научный ответ, первый вопрос — вопрос об условиях победы капиталистического способа производства и борьбе с феодализмом.

Как ставится этот вопрос в учебнике?

Несмотря на то, что в общем характеристика сущности промышленного переворота дана правильно, в отдельных местах встречаются явно неудовлетворительные формулировки; изложение хода промышленного переворота в Англии и Франции страдает при этом целым рядом существенных недостатков.

Первый из этих недостатков — это, несомненно, неудовлетворительное освещение роли торгового капитала в развитии капиталистического способа производства. Странное дело! Когда-то многие из наших историков чрезмерно «увлекались» изображением роли торгового капитала, представляли его иногда в качестве чуть ли не основной силы, создавшей капиталистический способ производства. Потом после большой борьбы, проведенной с такого рода взглядами, наступила своеобразная «реакция», и теперь очень многие историки склонны совсем не говорить о роли торгового капитала, как будто бы этот торговый капитал не существовал вовсе. Между тем торговый капитал был, и его историческая роль заключалась в том, что он являлся, как говорил Маркс, одним из элементов, подготовивших победу капиталистического способа производства.

Рецензируемый учебник, загромождая главы, посвященные торговому капиталу, большим количеством цитат, методически очень слабо справляется с анализом роли торгового капитала. Вообще методическая сторона в учебнике далеко не является его сильнейшей стороной. Автор учебника допустил например несомненную ошибку, не показав конкретно, как торговый капитал разлагает феодализм, и не дав обобщающей оценки роли торгового капитала в создании капиталистической формации.

Второй недостаток учебника заключается в том, что автор дает неточную формулировку сущности промышленного переворота. Так на первой странице учебника мы читаем, что «сущность (разрядка наша. — И. Т.) промышленного переворота заключается в том, что на смену производства, основанного на ручном труде, приходит крупное производство, при котором работа выполняется при помощи машин». Но хотя в дальнейшем учебник

говорит о том, что в процессе этого переворота возникают новые классы, все же в определении нельзя выпячивать на первый план технический момент, хотя бы автор даже сам предостерегал против этой ошибки. Читатель, изучающий учебник, может запомнить (как это часто бывает) определение, данное в книге, и оно будет его путать.

Третий недостаток в освещении этой проблемы заключается в недостаточно четком познании того, как развивался рабочий класс. Рабочие существовали и до промышленного переворота, но они еще не представляли собой промышленного пролетариата, возникающего в результате победы машин. Четко показать, как вырастал пролетариат из предпролетариата, из плебейских элементов — его исторических предшественников — является несомненно задачей большой важности. Безусловно важно было бы показать, что собственно пролетариат как самая могучая производительная сила (Энгельс) возникает именно в результате промышленного переворота, что мануфактурный рабочий и промышленный пролетарий — не одно и то же. Ошибкой автора является то, что он не сделал этого в необходимой мере.

Следует отметить также совершенно неудовлетворительное указание на значение английской революции. Ленин часто говорил об английской революции, как о такой революции, в которой огромную роль играли городская и деревенская беднота, плебейские элементы. Английская революция была первой в ряде великих буржуазных революций, означавших наступление новой эпохи. Ясно, что учебник должен дать не только указание на ее значение, но и изложение основных этапов и движущих сил этой революции. Конечно рамки учебника не могут позволить подробного описания всех конкретных событий, но все же ограничиться одной страницей, самым общим упоминанием, не показать конкретно роли английской революции в начавшейся расчистке почвы от феодализма — значит сделать для читателя последующую политическую историю Англии во многом непонятной.

Крупнейшим недостатком учебника является также недостаточное освещение классовой борьбы в Англии в период промышленного переворота. Вся история второй половины XVIII и начала XIX в. характеризуется мощным подъемом рабочего движения, о котором не раз говорили Маркс и Энгельс. Между тем в книге мы почти ничего не находим по этому вопросу. В изображении хода экономического и политического развития в Америке¹ указанный нами общий методологический недостаток доходит

¹ Изложение экономической истории и истории классовой борьбы в Америке в конце XVIII и в начале XIX в. вообще имеет тот крупнейший недостаток, что недоучитывает огромного значения аграрного вопроса для американской истории. В частности нет конкретного показа «американского пути» развития в самой Америке, что необходимо учащемуся для правильного усвоения ленинской постановки о двух путях развития сельского хозяйства в иных условиях, нет также точного ответа о значимости феодализма в Сев. Америке.

до прямой и вульгарной небрежности. На стр. 258 мы читаем про «социальное содержание войны за независимость» и находим следующую фразу: «В это время в Северных штатах началась классовая борьба—восстание фермерской бедноты во главе с одним из участников войны Даниэлем Шейсом». Не угодно ли,—«в это время началась классовая борьба». Читатель конечно спросит, неужели до этого времени классовой борьбы не было? Она конечно была, и автор учебника конечно не думал, что классовой борьбы не было, но здесь в своеобразной форме отомстила за себя нечеткость методологической установки. Недостаточно ясный показ классового содержания борьбы новых исторических классов привел к такой грубой, странно звучащей небрежности.

Нельзя не отметить, что в нескольких местах книги вопрос о классовых итогах промышленного переворота и победы капитализма трактуется нечетко. Так почему-то автор пишет, что верхушка торговой и финансовой буржуазии и земельной аристократии в Англии, имевшая всю полноту власти в своих руках, «не считалась,—как пишет он (стр. 107),—с желаниями промышленной буржуазии» (речь идет о первой половине XIX в.). Автор впадает в противоречие с самим собой, когда на стр. 113 уже правильно говорит о таком компромиссе. Здесь автор фактически отрицает свое первое утверждение. А утверждение это несомненно неверно. Что у власти стояла земельная аристократия и верхушка буржуазии, это правильно, но что уже в это время мы наблюдаем очень много фактов, показывающих стремление к компромиссу между этими силами и промышленной буржуазией,—это также несомненно.

3

Великая французская революция была первой буржуазно-демократической революцией в Западной Европе, во время которой народ, угнетенные массы впервые в истории, правда на очень короткий исторический отрезок времени, получили власть в свои руки. Эта революция была крупнейшим событием в истории человечества, определившим собой на долгий период борьбу классов и политических партий в Западной Европе.

Первый вопрос, который встает при освещении этого события,—это вопрос о роли крестьянства в уничтожении феодальных отношений. На стр. 64 читатель узнает, что за период 1789—1790 гг. крестьяне явочным порядком ликвидировали феодальные порядки (не будем обращать внимания на стиль, в данном случае это несущественно). Во-первых, неверно, что в 1790 г. крестьяне ликвидировали феодальные порядки. Утверждать так—это значит снять совсем проблему 1793 г. Впрочем автор сам это понимает, и на стр. 66, совершенно не смущаясь тем, что он утверждал на стр. 64 нечто противоположное, пишет, что аграрный вопрос к 1791 г. решен еще не был. Мы вправе сказать, что нельзя так небрежно освещать историю революционной борьбы крестьянства

против феодализма. История борьбы против старого порядка представляет собой очень сложную борьбу крестьянства и плебейских элементов против дворянства и духовенства, против королевской власти—борьбу, имевшую своим кульминационным пунктом 1793—1794 гг. В период 1789—1790 гг. и в последующие годы крестьяне во многих местах явочным порядком захватывали земли, отказываясь нести феодальные тяготы и повинности. Но это еще не было ликвидацией феодальных порядков. Для ликвидации феодализма (и то не в полной мере,—частная собственность на землю осталась) понадобилась якобинская диктатура. Совершенно очевидно, что без правильного освещения того, к чему пришла Франция в 1793 г. в аграрном вопросе (основном вопросе революции), нельзя объяснить все сложные периоды классовой борьбы в 1793 и 1794 гг.

В нескольких местах дается недостаточно четкое изложение исторической роли якобинцев и социальных основ их господства. Прежде всего автор не подчеркнул того момента, который является важнейшим в учении Ленина о Великой французской революции,—не подчеркнул значения «решающего момента в национальной истории», когда на короткий промежуток сама трудовая масса проявила свою классовую волю через якобинский Конвент. В учебнике не показаны историческая ограниченность и двусторонность исторического значения якобинской диктатуры, не подчеркнуто, что якобинцы, во-первых, были самой передовой политической силой своего времени и в то же время имели в своей идеологии ярко выраженные реакционные черты; изложение истории якобинцев иногда вообще сползает с научных рельсов. Так, учебник утверждает например, что якобинцам (стр. 80) «претило накопление капитала» в руках крупной буржуазии. Вместо того, чтобы показать, что якобинцы объединяли разнородные социальные силы, между которыми с течением времени стала развиваться все более и более острая классовая борьба, что среди якобинцев были такие слои, которым накопление капитала вовсе не претило и что некоторые элементы (городская и деревенская беднота) выступали против дворянства и против крупной буржуазии отнюдь не потому, что им претило накопление, а совсем по другим причинам,—вместо этого автор дает эту странную и непонятную формулировку.

Отметим еще одно обстоятельство. Автор, говоря об итогах Великой французской революции и об итогах господства якобинцев, пишет: «Опираясь на опыт буржуазных революций на Западе и в частности на опыт Великой французской революции, Ленин в борьбе с международным меньшевизмом подчеркивал, что только союз пролетариата с крестьянством под гегемонией (руководством) пролетариата может придать буржуазной революции необходимый размах и силу; что только этот союз может довести до конца революцию, идя значительно дальше «ее ближайших непосредственных, созревших уже вполне буржуазных целей» (Ленин).

Опираясь на опыт международного рабочего движения и в частности России, Ленин не только защищал, но и развивал дальше учение о гегемонии пролетариата, составляющее «одно из коренных положений марксизма».

Из этой фразы читатель может сделать вывод, что будто бы Ленин считал, что союз пролетариата с крестьянством под гегемонией пролетариата придавал Великой французской революции необходимый размах и силу. Между тем это конечно неверно, так как пролетариата как самостоятельной политической силы (а пролетариат может быть гегемоном, только будучи самостоятельной политической силой) как раз не было. Ленин не раз указывал, что в эпоху Великой французской революции, совершавшейся в период мануфактурного производства, был предпролетариат и что на первом месте тогда стояло крестьянство, а не пролетариат; союз плебейских элементов с крестьянством под гегемонией мелкой буржуазии — вот что обеспечило размах и силу Великой французской революции. Место из учебника, приведенное нами, не дает ясного представления о взглядах Ленина и способно только спутать читателя.

4

Главы, посвященные революциям 1848 г., являются наименее удачными в учебнике. История Франции (история революции 1848 г. во Франции в учебнике предшествует истории революции 1848 г. в Германии) за период до 1848 г. излагается неясно. Довольно часто автор просто выставляет какое-нибудь утверждение, совершенно не доказывая его. Непонятно например, что означает такая фраза (стр. 150): «Причины, в силу которых промышленной буржуазии не досталось господство в результате революции 1830 г., имели глубокие социально-экономические корни». Ни предшествующее изложение, ни дальнейшее не вскрывает содержания этой фразы.

Самый главный недостаток в освещении истории Франции до революции 1848 г. заключается однако в неясном изложении истории рабочего движения. Путь, каким французский пролетариат от выступлений плебейских элементов предпролетариата эпохи Великой французской революции пришел к июньским дням 1848 г., к роли гегемона в этой революции, не показан, не вскрыта роль лионских восстаний в связи со всем развитием рабочего движения той эпохи. И именно потому, что изложение этого периода не дает ясного представления о росте рабочего движения, автор допускает довольно часто неправильные и неточные формулировки в отношении самой революции, ее предпосылок, ее хода, значения революционных выступлений пролетариата в июне 1848 г. и т. д. Отметим только некоторые из недостатков. На стр. 142 автор категорически заявляет, что не было ни объективных, ни субъективных предпосылок к перерастанию буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Эта формулировка в сущности искажает период между февралем и июнем 1848 г., ибо от первого демократического штурма (февраль) пролетариат пришел к самостоятельному выступлению в июне, когда он боролся против всего буржуазного порядка в целом — порядка, уже установившегося и победившего

во Франции. За этот период как раз мы и наблюдаем элементы того процесса, который потом в более законченном и совершенном виде мы встречаем в других странах и в других революциях, т. е. процесса перерастания. Очевидно автор хотел сказать, что не было достаточных предпосылок для победоносной борьбы пролетариата за установление своего господства.

Недостаточный показ массового рабочего движения мстит за себя, когда автор описывает революционные выступления пролетариата в период революции 1848 г. Так, на стр. 153 учебника автор дает далеко неточное объяснение того, почему во Франции столкновения между пролетариатом и буржуазией доходили до вооруженного столкновения.

«...Затяжная безработица, — пишет автор, — постоянная нищета, отчаяние и недовольство, постоянно приводящие к революционным выступлениям. Именно поэтому столкновения между пролетариатом и буржуазией во Франции доходили каждый раз до крайнего обострения — до вооруженного столкновения».

Конечно не только поэтому столкновения между пролетариатом и буржуазией во Франции доходили до крайнего обострения. В 40-х и 50-х годах Франция уже была накануне завершения своего буржуазно-демократического преобразования, и основным вопросом классово-вой борьбы все больше и больше становился вопрос борьбы не буржуазии с феодализмом (этот вопрос был в основном решен уже Великой французской революцией), а вопрос борьбы пролетариата за установление своего господства. Автор явно недооценивает значения исторического перемещения центра тяжести классовой борьбы за период 1789—1848—1850-х годов.

Недостаточный показ роли и значения массового рабочего движения сказывается и в освещении отдельных моментов революции 1848 г. Так, давая довольно странную характеристику люксембургской комиссии (она, видите ли, не была «настоящим государственным учреждением»), автор пишет, что результатом работ этой комиссии было введение 10-часового рабочего дня (стр. 168). Читатель может подумать, что образование люксембургской комиссии было исторически прогрессивным шагом, что работы люксембургской комиссии входят в активный баланс борьбы рабочего класса. Между тем такая оценка несомненно неправильна. Луи-Блановская комиссия была, если брать весь этот исторический период в целом, тормозом в борьбе рабочего движения, сеявшим иллюзии в среде рабочего класса. Работа люксембургской комиссии затрудняла прояснение рабочего сознания.

Однако наиболее неудачным местом в этой главе является описание хода и значения июньских дней.

Прежде всего в учебнике дается неправильное описание подготовки и хода июньских событий. Неправильность эта заключается в излишнем подчеркивании того обстоятельства, что буржуазия мстила рабочим за их революционные выступления¹. Так, на стр. 174

¹ О чувстве мести говорил и Маркс. Весь вопрос в том, какое именно значение это имело в ходе классовой борьбы.

автор пишет, что «буржуазия, в том числе и мелкая, мстила рабочим за минуты пережитого страха» (речь идет о событиях 15 мая), а на стр. 180 читатель узнает, что рабочие, голосуя за Бонапарта, тоже мстили генералу Кавеньяку. Дальше читатель узнает, что и мелкая буржуазия тоже мстила: она отдала голоса Бонапарту потому, что она мстила крупным собственникам, и т. д. и т. д. Нельзя же все-таки изображать крупнейшие исторические события и оценивать содержание классовой борьбы на таких исторических этапах, как июньские дни, период 1849—1850 гг. и т. д., как периоды, когда классы руководятся чувством мести. Это не объяснение хода классовой борьбы. Если к этому добавить, что из самого описания хода июньского восстания вытекает, что это восстание было результатом мести и провокации со стороны буржуазии, а не войной против капиталистов, то будет совершенно ясно, что автор не дал правильного ленинского освещения крупнейших моментов периода революции 1848 г. во Франции.

Читатель, изучая эту главу, не приходит и не может прийти к пониманию роли рабочего класса в буржуазно-демократической революции, к пониманию того, какими путями необходимо завоевать союзников на сторону пролетариата, каким образом завоевывается гегемония рабочего класса. Как раз в вопросе о союзниках, в вопросе о гегемонии автор допускает неточные формулировки. Так, на стр. 176 читатель узнает (эта мысль совершенно справедлива), что крестьянство в революцию 1848 г. было на стороне буржуазии и что пролетариат был изолирован. А на стр. 185 вдруг оказывается, что пролетариат возглавлял широкий фронт трудящихся. Какой фронт, кого вел за собой пролетариат, в каком смысле изменилось положение к 1851 г.,—это остается совершенно неясным. Надо было показать, что изолированность пролетариата была относительна, что деревенская беднота, значительные слои городской бедноты, беднейшие слои мелкобуржуазного населения Парижа и крупных городов Франции уже примыкали к пролетариату. Они не составляли еще «широкого фронта трудящихся», руководимых пролетариатом в его революционной борьбе, пролетариат еще не завоевал себе союзников, но он шел по пути их завоевания. Крестьянство ведь тоже получило урок в революции 1848 г., и одним из этих уроков было сознание необходимости искать себе избавителя от нищеты и угнетения не в буржуазии, а в пролетариате.

Чтобы закончить с характеристикой изложения революции 1848 г. во Франции, необходимо еще упомянуть, что несомненной ошибкой в учебнике является то, что в нем при изложении истории революции 1848 г. ни слова не говорится о марксистской теории вооруженного восстания и вообще о марксизме. Конечно Маркс в 1848 г. не был известен широким слоям французского пролетариата. Но, во-первых, некоторой части рабочих он уже был известен, а во-вторых, пролетариат в это время находился как раз в том периоде своего развития, который крупными шагами приближал его к пониманию и усвоению марксистской теории. Читатель должен был бы узнать о Марксе не после изложения истории революции 1848 г. во Франции, а до него.

Изложение революции 1848 г. в Германии также страдает крупнейшими недочетами.

Первым из этих недочетов является то, что читателю остается непонятным, кто же возглавил революцию 1848 г. в Германии. Так, автор на стр. 194 пишет, что у германской буржуазии 30—40-х годов не было и следа революционности и решимости, характерных для французской буржуазии XVIII в. Так совершенно справедливо в учебнике утверждается, что мелкая буржуазия самостоятельной революционной силой представлять не могла. Но кто же возглавил революцию, если пролетариат к роли гегемона, как утверждает автор (см. стр. 189, а также противоречивую характеристику на стр. 197), тоже не был подготовлен? Кто же был гегемоном в этой революции?

Несомненно, что германская революция 1848 г. представляет собой наиболее трудное дело для популярного изложения. Эта революция, имевшая своей национальной исторической особенностью задачу объединения Германии, совершилась в тот период, когда в общеполитическом смысле гегемоном революционной борьбы была еще буржуазия, но когда она уже теряла свою революционность и когда пролетариат уже выступал как могучая ударная революционная сила. Вся сложность революционной борьбы в период 1848 г. в Германии и заключалась в том, что гегемоном революционной борьбы выступала либеральная буржуазия, но что уже в этот период пролетариат боролся за отвоение гегемонии. Исход германской революции был предопределен тем, что пролетариат оказался недостаточно сильным для того, чтобы отвоинать крестьянство на свою сторону, возглавить демократическую революционную борьбу, стать гегемоном революционной борьбы трудящихся и добиться перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Автор сделал ошибку, когда он не подчеркнул этой сложности классовой борьбы в тот период, особой роли пролетариата, который уже был ударной силой германской революции, который был передовым борцом ее, но был недостаточно силен, чтобы отвоинать гегемонию у либеральной буржуазии.

И, во-вторых, ошибкой в учебнике является то, что в нем при изложении событий 1848 г. в Германии и нашей оценки исторического значения их нет ничего о рязановщине. Не будем распространяться относительно значения этого обстоятельства. Рязановские установки проникли в книги нескольких историков, которыми иногда пользуются наши учащиеся, и конечно в учебнике надо было хотя бы коротко сказать о рязановских установках и о всей ненавности и политическом вреде рязановской концепции.

Крупнейшие недостатки при изложении революции 1848 г. в Германии имеются и в освещении вопроса о роли Маркса в революции и о его программе. Отметим в связи с этим только некоторые места. Так, на стр. 216—217 учебника дается неточное определение программы, которую защищал Маркс. Программа Маркса была программой перманентной революции, как это признает автор на стр. 220.

Программа Маркса включала в себя последовательные демократические преобразования и шла гораздо дальше их, требуя мероприятий, обеспечивающих переход на рельсы борьбы за социалистическую, пролетарскую революцию. В связи с этим следует упомянуть и тот недостаток, что автор, говоря правильно о тактике Маркса в период революции 1848 г. в Германии, не ставит (стр. 219) проблему роли и значения пролетарской партии в буржуазно-демократической революции. Чрезвычайно важно подчеркнуть, что «Союз коммунистов», организованный Марксом и Энгельсом, должен был быть той партией пролетариата, которая единственно может и должна руководить перерастанием буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую. Говорить о тактике Маркса, не ставя во всю ширь проблему партии, — несомненно ошибка.

Следующим крупным недостатком в изложении революции 1848 г. в Германии и эпохи после революции 1848 г. является то, что автор не показал классовой борьбы в период объединения Германии. Во многих книгах, имеющих широкое распространение, объединение Германии описывается таким образом, что будто бы «народ» в это время «безмолвствовал». Революция 1848 г. окончилась поражением. После 1848 г. в Германии наступила реакция. Объединение Германии было результатом компромисса между помещиками и буржуазией. Все это верно. Однако историческое развитие Германии в 50—60-х годах определяется не только фактом компромисса между буржуазией и помещиками. Сам факт этого компромисса нельзя еще полностью понять, если не представить во всей полноте значение борьбы рабочего класса после революции 1848 г. Автор должен был показать, что роль рабочего класса особенно велика в период революции, но что рабочий класс вовсе не прекращает своей борьбы и вовсе не является какой-то ничтожной, незаметной величиной на весах исторического процесса в период между революциями. Борьба пролетариата имела огромное значение для всех последующих исторических процессов в Германии.

Касаясь вопроса о ходе классовой борьбы в период объединения Германии, Ленин писал: «Почему в Германии «оказалась возможной» именно такая конституция, которая более французской нравится контрреволюционному либерализму? Только потому... что эта конституция оказалась равнодействующей стремлений Бисмарка и либералов, боявшихся свобод для рабочих, и стремлений рабочих, которые добивались, и в сороковых, и в пятидесятых, и в шестидесятых годах полнейшей демократизации Германии. Рабочие Германии тогда оказались слабы. Поэтому Бисмарк и прусские либералы наполовину победили. Если бы рабочие Германии были сильнее, Бисмарк победил бы на четверть. Если бы они были еще сильнее, Бисмарк вовсе бы не победил. Германия получила свободы, несмотря на Бисмарка, несмотря на прусских либералов, только благодаря настойчивым и упорным стремлениям рабочего класса (отчасти и демократии мелкобуржуазной, но в очень небольшой части) к полнейшей демократизации» (т. XVI, стр. 536).

Период 60-х годов в Германии был периодом революционной борьбы пролетариата. Больше

того, он был периодом подъема народного движения, когда пролетариат, правда, был разбит и ослаблен, был недостаточно силен, чтобы оказать мощное революционное противодействие Бисмарку, но все же представлял собой крупнейшую историческую силу, с которой не могли не считаться Бисмарк, помещики и либералы. Недаром про 1862 год, год так называемого «конституционного» кризиса в Пруссии, Бисмарк рассказывал, что король находился тогда в самом угнетенном состоянии и боялся эшафота. Так сильно было народное движение в этот период.

И автору надо было бы показать процесс объединения Германии как результат сложной, многосторонней борьбы всех классов германского населения и в том числе пролетариата с буржуазией и помещиками. Существенным недостатком учебника является также явно недостаточный показ на конкретном материале «прусского пути развития сельского хозяйства».

В вопросе борьбы марксизма с лассальянством автор допускает неточные формулировки. На стр. 248 мы читаем: «Мы уже говорили выше о борьбе Маркса и Энгельса против Лассалья и лассальянства. Позднее Энгельс, предвидя опасность лассальянских традиций, несущих оппортунизм, открыл беспощадную борьбу против них в рядах германской социал-демократии».

Почему в самом деле автор утверждает, что Энгельс «позднее открыл борьбу» с лассальянством? Разве раньше Маркс и Энгельс не вели непрерывной борьбы с лассальянством как идеологией? Если автор хотел сказать, что Маркс и Энгельс ранее вели не беспощадную борьбу с лассальянством, тогда какую же? Очевидно, что автор хотел сказать об общеизвестном факте открытого выступления Энгельса против Лассалья. Вместо того, чтобы показать, почему до известного момента Энгельс открыто против Лассалья не выступал, хотя и вел беспощадную борьбу против лассальянства как идеологии, вместо всего этого автор дает туманную характеристику, путающую читателя.

Мы не стали бы останавливаться на этом вопросе, если бы только не общеизвестное значение для современного германского рабочего движения вопроса о борьбе против лассальянских традиций. Германская социал-демократия в части своих идеологов до сих пор спекулирует на исторических заслугах Лассалья перед рабочим движением. Вопрос о лассальянстве — актуальный политический вопрос. Нельзя допускать хотя бы малейшей неточности по этому вопросу в учебнике.

6

Как ставятся в учебнике вопросы истории индустриализации?

Вопросы эти политически чрезвычайно ответственные. Действительно исторический подход к этим вопросам заключается в том, чтобы на конкретных фактах показать всю глубину принципиальной противоположности и различия капиталистической и социалистической индустриализации. Совершенно очевидно поэтому.

что историк, ставящий этот вопрос, должен на конкретном историческом материале показать, какие неслыханные бедствия для трудящихся масс означала капиталистическая индустриализация. Автор учебника в том случае, когда он говорит о капиталистической индустриализации Англии например, забывает о своих утверждениях, сделанных в начале книги, и показывает картину, далеко не подтверждающую его общих политических утверждений. В самом деле, нельзя излагать так, что в первой главе капиталистическая индустриализация в отличие от социалистической приводит к обнищанию и безработице, а на стр. 134 утверждать, что положение рабочих основных профессий в Англии в 50-х и 60-х годах сильно улучшается. Все дальнейшие попытки смягчить это неправильное положение об улучшении материального положения широких масс рабочего класса не достигают цели, ибо даже и в дальнейших, смягчающих первую, формулировках автор отдает дань неправильному представлению о положении рабочего класса Англии в середине прошлого столетия.

Сущность марксистско-ленинской теории обнищания, как известно, заключается в том, что происходило, во-первых, абсолютное обнищание, а не относительное, во-вторых, обнищание касалось основной массы рабочего класса при улучшении материального положения зарождавшейся в Англии рабочей аристократии, и, в-третьих, обнищание пролетариата происходит во все эпохи господства капиталистического способа производства. Тот факт, что в середине прошлого столетия в силу целого ряда исторических причин положение рабочих некоторых профессий в среде английского пролетариата относительно улучшилось, не изменяет общей картины хода исторического развития. Автор учебника не подчеркивает этого момента и поэтому приводит читателя к неправильным выводам.

В связи с вопросом о положении рабочего класса в Англии тесно стоит и другой вопрос — вопрос о рабочем движении Англии в начале XIX в. Тут прежде всего следует указать, что автор делает большую ошибку, когда не указывает на значение английского рабочего движения второй половины XVIII в. для развития чартизма. Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» писал: «Возмущение рабочих против буржуазии началось вслед за развитием промышленности и прошло через различные фазисы». Указание Энгельса совершенно ясно. Уже начало промышленного переворота в Англии характеризуется сильным подъемом массового рабочего движения. На стр. 131 автор дает неудовлетворительное объяснение причин неудачи движения 1847—1848 гг. Автору надо было показать чартизм как выражение роста революционных стремлений пролетариата, показать конкретно причины неудачи движения 1847—1848 гг. и особо выделить причины «контрастного упадка чартизма» в целом. Автор не связывает чартизм с предшествующим периодом рабочего движения (Энгельс писал, что чартизм есть детище демократической партии, развившееся в 80-х годах XVIII в. одновременно с пролетариатом и внутри его) и не учитывает внутренней логики и закономерностей самой классовой борьбы пролетариата, не учитывает того, что в период чартизма происходила острая борьба в рабочем

движении с буржуазным и мелкобуржуазным влиянием.

Автор забывает об огромном методологическом значении указания Энгельса, что после августа 1842 г. произошел полный разрыв между пролетариатом и буржуазией. «С этого момента чартизм стал чисто рабочим движением, — писал Энгельс, — совершенно свободным от всяких буржуазных элементов». Автор приводит это место, но, не понимая его методологического значения, не делает из него необходимых выводов. Между тем первый вывод, который вытекает из этого положения, заключается в необходимости показать эту внутреннюю борьбу в рабочем движении с буржуазным и мелкобуржуазным влиянием. Английский рабочий класс в период чартизма сделал огромный скачок в сторону классовой сознательности, и недаром Ленин не раз писал, что чартистское движение рабочих во многом гениально предвосхищает марксистское будущее английского и западноевропейского рабочего класса.

7

Главы учебника, посвященные изложению истории I интернационала и Парижской коммуны, несомненно принадлежат к числу лучших глав книги. Однако и в них есть существенные недостатки.

Первый крупнейший недостаток в изложении истории I интернационала заключается в том, что автор очень часто соскальзывает на позиции, при которых получается, что Маркс в I интернационале оборонялся от различных мелкобуржуазных течений. Нет достаточно яркого показа, как Маркс организовал наступательную борьбу против прудонизма и бакунизма, как жестоко и беспощадно боролся он против этих мелкобуржуазных течений и каким образом марксизм побеждал в борьбе с этими идеологиями, становясь господствующей идеологией рабочего класса.

Второй недостаток заключается в том, что автор не дает разоблачения рязановской теории создания и борьбы I интернационала. Поражает прежде всего самый характер описания возникновения I интернационала. Не давая четкого объяснения причин возникновения I интернационала, коренившихся в могучем росте массового рабочего движения во всех западноевропейских странах, автор дает формальную историю событий, описывает выставки, митинги и избрание международного комитета рабочих. Отдельные формулировки в этой главе прямо поражают. Например на стр. 296 автор после изложения истории митинга 28 сентября 1864 г. пишет: «Маркс понял (!), что налицо имеется действительное стремление действительных масс к международному объединению, по этим причинам он принял живейшее участие в работе по созданию этого объединения и сделался, как говорил Ленин, его душой».

В этой формулировке очень много неправильностей, и самое главное конечно заключается в совершенно неправильном изображении роли Маркса. Картина получается, если

верить изложению автора, довольно странная: рабочие совершают поездки на выставки, устраивают митинги, и вот Маркс, становясь в роль наблюдателя, наконец начинает понимать, что имеется массовое рабочее движение, и после того, как уже первые серьезные шаги к организации Интернационала сделаны, он становится одним из руководителей этой организации. Совершенно очевидно, что налицо явная и грубая недооценка значения Маркса как организатора I интернационала—этой первой международной пролетарской партии.

В связи с этим стоит следующий крупный недостаток в изложении истории I интернационала: развитие марксизма, обогащение пролетарской идеологии осознанием новых форм борьбы рабочего класса показывается вне связи с накоплением многообразного опыта массового рабочего движения и борьбой против буржуазного влияния на пролетариат.

Глава о Парижской коммуне, как мы уже сказали, принадлежит к числу лучших глав в учебнике. По поводу нее следует сказать только следующее. Автор допускает нечеткость в формулировке, когда на стр. 338, говоря о событиях 18 марта 1871 г., пишет, что «переворот произошел стихийно». Если мы вспомним утверждение анархистов и Книжника-Ветрова о стихийности Парижской коммуны, то нечеткость формулировки автора будет для нас совершенно ясна. Надо было бы сказать, что переворот произошел стихийно в непосредственном смысле, а не в общен историческом, ибо вообще Парижская коммуна была подготовлена всей предшествующей деятельностью I интернационала, детищем которого она была, всем предшествующим периодом развития массового рабочего движения во Франции. Ленин писал: «Главную роль в этом движении (речь идет о Коммуне.— И. Т.) играли конечно рабочие, особенно парижские ремесленники, среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали к Интернационалу». Совершенно очевидно, что нельзя недооценивать этой общен исторической подготовленности Парижской коммуны и значения борьбы I интернационала в деле подготовки событий 18 марта 1871 года.

8

Не будем останавливаться на многих мелких недочетах книги, на огромном количестве опечаток (на стр. 94—8 брьюера вместо 18 и многие другие), на огромном количестве неясностей, неточных выражений и т. п.

Укажем только в заключение на следующее обстоятельство. Учебник не дает в достаточной мере того конкретно-исторического материала, который необходим каждому, изучающему учеб-

ник, для понимания последующих этапов развития международного революционного движения. В учебнике далее часто встречаются поверхностные аналогии с русским революционным движением. Этот момент чрезвычайно важен. Полную, действительно ленинскую оценку западноевропейского движения этой эпохи мы можем дать лишь в свете последующих событий, в свете сравнения с последующими эпохами в развитии международного рабочего движения. Эти сравнения поэтому не должны быть пустыми формулами, внешними аналогиями. Они должны вскрывать разницу эпох, разницу типов буржуазно-демократических революций, различие роли рабочего класса в буржуазно-демократических революциях (роль рабочего класса в 1848 г. и роль русского пролетариата в 1905 г. были далеко не одинаковы). Другими словами, учебник должен дать материал для диалектического подхода к изучению исторического процесса, должен дать материал для понимания современного рабочего движения. Этот материал читатель находит в книге Моносова далеко не в достаточной мере, и обрисовывается он далеко не всегда с правильных теоретических позиций.

Общие выводы наши таким образом таковы.

Учебник Моносова, являющийся несомненно крупным вкладом в дело создания большевистского учебника, нуждается однако в значительной переработке.

1. Необходимо на основе более глубокого использования ленинского наследия и указаний т. Сталина продолжить работу по поднятию учебника на более высокий теоретический, политический уровень.

2. Необходимо включить в учебник больший конкретный исторический материал. Нельзя давать изображение эпохи только в виде общих, правильных самих по себе, теоретических положений. Учебник истории должен быть конкретным учебником, ибо история — конкретная наука.

3. Необходимо освободить книгу от целого ряда неправильных утверждений, касающихся серьезных проблем рабочего движения Западной Европы в первой половине и в середине XIX в. И кроме того необходимо устранить имеющиеся в книге в большом количестве неточности, отдельные неправильные формулировки, нечеткие утверждения и пр. и пр.

Книга должна быть тщательно переработана. При условии устранения этих недостатков книга сыграет полезную роль в деле воспитания молодых партийных кадров.

От редакции. Рецензия т. Токина на учебник Моносова помещается в порядке обсуждения. Редакция приглашает историков-марксистов и всех читателей журнала откликнуться своими статьями и отзывами и отдельными замечаниями по существу учебника Моносова и других учебников.

● К 30-летию II съезда партии

Партийные и научные учреждения г. Москвы включились в активное участие по проведению 30-летнего юбилея со дня II съезда партии.

МК ВКП(б) наметил провести за период июнь—август по 3 доклада в месяц для каждого района Московской области, увязывая темы докладов по II съезду: «Организационные принципы большевизма», «Борьба партии на два фронта», «Учение о партии», «Вопросы программы партии» — с проводимой сейчас чистой партии.

Сектор истории ВКП(б) ИМЭЛ подготовил и сдал в печать следующие работы по II съезду:

1. Ленин, Раскол на II съезде и II интернационал (сборник статей и переписки с Каутским, Люксембург и др.).
2. Комментарии к «Протоколам Лиги» и самые «Протоколы II съезда заграничной Лиги в октябре 1903 г.».
3. М. Ольминский (Галерка), Борьба за партию после II съезда.
4. В. Воровский, Совет против партии (статья 1904 г.).
5. Сборник «История выработки программы РСДРП на II съезде» (сборник ленинских документов и проектов программы).

● Большую выставку по II съезду готовит Музей революции. Первая часть выставки будет посвящена предстоящему юбилею группы «Освобождение труда» и 90-м годам, вторая—900-м годам. На выставке будут отражены:

международное положение и борьба революционного марксизма (Ленин) со II интернационалом:

- социально-экономическая политика русского царизма (аграрный вопрос, вопросы промышленности, колониальные вопросы);
- борьба Ленина с «экономизмом»;
- рабочее движение;
- крестьянское движение;
- «Искра». Кавказская организация во главе с т. Сталиным как опорная точка «Ленинской Искры»;

Выставка откроется 1 августа.

● Всесоюзная публичная библиотека им. Ленина сдает в печать библиографию о II съезде, размером в 4 печ. листа. В ней найдут отражение история подготовки к съезду, развитие на нем разногласий, вплоть до III съезда партии.

В конце июня созывается совещание массовых библиотек, на котором будут поставлены доклады: Кизрина—«Об историческом значении II съезда» и Гурова—«Как провести кампанию II съезда в массовых библиотеках».

Устраивается специальная книжная выставка. На ней будет представлена вся литература ко II съезду и о II съезде, в том числе отдельные

издания ленинских работ «Что делать», «Шаг вперед, два шага назад» и др.

Для читателей ленинской библиотеки готовятся рекомендательные списки литературы о II съезде партии.

● Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев готовит выставку-передвижку в районных парках культуры и отдыха, где II съезд будет дан в разрезе каторги и ссылки (участники II съезда — члены об-ва политкаторжан, их дальнейшая деятельность, репрессии и т. д.).

Члены об-ва выступят с докладами, воспоминаниями на темы: «Борьба революционного марксизма с «экономизмом» и «легальным марксизмом» и II съезд, «Оформление большевизма», «Роль и значение Ленина» на подшефных предприятиях (Электрозавод, «Каучук», «Динамо», «Серп и молот», «Шарикоподшипник» «Красный пролетарий» и др.).

● Международный конгресс историков в Варшаве

20 августа в Варшаве открывается VII международный конгресс исторических наук.

На конгрессе будут присутствовать делегаты: Австрии, Алжира, Англии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Британской Индии, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Дании, Данцига, Египта, Италии, Испании, Канады, Литвы, Мексики, Норвегии, Польши, Португалии, Румынии САСШ, СССР, Турции, Уругвая, Финляндии, Франции, Чили, Чехо-Словакии, Швеции, Эстонии, Югославии, Японии.

На конгрессе будут заслушаны доклады и сообщения по следующим секциям:

1. Вспомогательные науки, архивы, организация исторической работы—10 сообщений.
2. Предистория и археология—7 сообщений.
3. Древняя история—13 сообщений.
4. Средние века и Византия—1 доклад, 15 сообщений.
5. Новая и новейшая история—1 доклад, 34 сообщения.
6. История религии и экклизиастических учений—5 докладов, 15 сообщений.
7. История права и общественных учреждений—3 доклада, 27 сообщений.
8. История экономических и социальных учений—4 доклада.
9. История развития идей и история философии—2 доклада.

На конгрессе будут заслушаны доклады крупнейших ученых—историков СССР, а также организована выставка исторической продукции СССР за первую пятилетку.

Кроме книжной продукции общего каталога с аннотациями на выставке будут представлены сравнительные таблицы исторической тематики довоенного и советского периода по общей истории, схемы исторических научно-исследовательских учреждений за 1932 и 1913 гг., пятилетний план основных научно-исследовательских учреждений, и отдел, специально посвященный М. Н. Покровскому.

К ЧИТАТЕЛЯМ

„Борьба классов“ с № 7 перестраивается в сторону максимального приближения к типу массового исторического журнала. Кроме изменения характера основных статей, вводятся новые отделы:

1) „Что и как читать“ (полка книжных новинок; рекомендательные списки с аннотациями, обзоры содержания русских и иностранных журналов и т. п., 2) „Как заниматься историей“ (методические указания по отдельным проблемам), 3) письма и консультация читателей.

Редакция обращается ко всем читателям с просьбой писать в журнал по всем интересующим вопросам, а также вносить свои предложения по дальнейшему улучшению журнала.

РЕДАКЦИЯ

О П Е Ч А Т К И

В № 6 нашего журнала в статье т. С. Лотте «Пролетариат и буржуазия в Великой французской революции», вследствие недостатка места, произведен ряд сокращений, при которых вкрались следующие пропуски и опечатки:

На стр. 57 после цитаты Мирабо опущена фраза «Буржуазия не может открыто признать свою собственность, как монополию, свои права, как привилегию (Маркс), ибо боится своего наемного раба».

На той же стр. под рисунком вместо «партии» следует читать «родины».

На стр. 57 напечатано Марат писал в 1793 г. вместо 1792 г.

На стр. 58 выпало несколько строк, объясняющих, что левый блок победил в революции 31 мая — 2 июня.

На стр. 59 выпал абзац о реакционности перенесения лозунгов эгалитаризма, революционных в борьбе с феодализмом, в эпоху борьбы с капитализмом, борьбы за социализм.

На той же стр. выпала цитата Маркса: «Революционное движение, начавшееся в социальном кружке, которое в середине своего пути имело своим главным представителем Леклерка и Ру, наконец потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа — движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 30-го года снова введена была во Франции другом Бабефа — Буонаротти».

На стр. 61 под рисунком вместо «печати» читать «карточки секций Коммуны».

На стр. 62 вместо слов «настроение левых» напечатано «настроение левое».

На стр. 63 перед словами «ибо в ту эпоху...» выпала фраза: «Это отнюдь не значит, что она переродилась».

К ЧИТАТЕЛЯМ

„Борьба классов“ с № 7 перестраивается в сторону максимального приближения к типу массового исторического журнала. Кроме изменения характера основных статей, вводятся новые отделы:

1) „Что и как читать“ (полка книжных новинок; рекомендательные списки с аннотациями, обзоры содержания русских и иностранных журналов и т. п., 2) „Как заниматься историей“ (методические указания по отдельным проблемам), 3) письма и консультация читателей.

Редакция обращается ко всем читателям с просьбой писать в журнал по всем интересующим вопросам, а также вносить свои предложения по дальнейшему улучшению журнала.

РЕДАКЦИЯ

О П Е Ч А Т К И

В № 6 нашего журнала в статье т. С. Лотте «Пролетариат и буржуазия в Великой французской революции», вследствие недостатка места, произведен ряд сокращений, при которых вкрались следующие пропуски и опечатки:

На стр. 57 после цитаты Мирабо опущена фраза «Буржуазия не может открыто признать свою собственность, как монополию, свои права, как привилегию (Маркс), ибо боится своего наемного раба».

На той же стр. под рисунком вместо «партии» следует читать «родины».

На стр. 57 напечатано Марат писал в 1793 г. вместо 1792 г.

На стр. 58 выпало несколько строк, объясняющих, что левый блок победил в революции 31 мая — 2 июня.

На стр. 59 выпал абзац о реакционности перенесения лозунгов эгалитаризма, революционных в борьбе с феодализмом, в эпоху борьбы с капитализмом, борьбы за социализм.

На той же стр. выпала цитата Маркса: «Революционное движение, начавшееся в социальном кружке, которое в середине своего пути имело своим главным представителем Леклерка и Ру, наконец потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа — движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 30-го года снова введена была во Франции другом Бабефа — Буонаротти».

На стр. 61 под рисунком вместо «печати» читать «карточки секций Коммуны».

На стр. 62 вместо слов «настроение левых» напечатано «настроение левое».

На стр. 63 перед словами «ибо в ту эпоху...» выпала фраза: «Это отнюдь не значит, что она переродилась».

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>стр.</i>
Л. ФРУГ НАША ПРОГРАММА — ЗНАМЯ БОРЬБЫ ЗА КОММУНИЗМ	5
И. БОГДАНОВ БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИСТСКИЙ УСТАВ	21
ВЛ. СОРИН ЛЕНИН НАКАНУНЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАССОВОГО РА- БОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (1893 — 1894 гг.)	31
Д. ГАРД ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ В БОРЬБЕ ЗА НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ МИРА	43
С. БАНТКЕ ЗАРНИЦЫ ОКТЯБРЯ ВО ФРАНЦИИ (О ВОССТАНИЯХ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В 1917 г.)	54
И. АНТОНОВА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИР- ЛАНДИИ	65
ВЛ. АВАРИН КЛАССОВАЯ БОРЬБА В МАНЧЖУРИИ ДО ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ	76
ИЛ. ФЕЙНБЕРГ „ЭТО — СТАРАЯ ИСТОРИЯ“ (ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ МОНТАЖ)	92

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. ГЕЛАСИМОВА : ПАРТИЗАНЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ	97
--	----

БИБЛИОГРАФИЯ

И. ТОКИН СОЗДАДИМ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ УЧЕБНИК (О КНИГЕ С. МОНОСОВА „ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОН- НОГО ДВИЖЕНИЯ“ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. РЫКЛИНА)	109
--	-----

ХРОНИКА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Б. М. ВОЛИН
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Т. М. ДУБЫНА, А. М. ПАНКРАТОВА
(зам. отв. редактора), Л. Е. ФРУГ

Материал слан в набор 19.VI-33 г.—29.VI-33 г. Подписан к печати 19.VII—20.VII-33 г. 39, бум. листа, 151.140 шп. в бум. листе
полномоченный Главлита № В — 56207 Заказ № 1741 Издательский № 569 Тираж 20000

Типографический завод „Пролетар“, Москва, ул. им. Горького, 45